

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой

1. 1887 г. Апреля 18.
18 апреля 87 г. СПб. (вечером).

Сейчас заходил ко мне Павел Иванович Бируков и известил меня, что Вы на сих днях будете в Москве. Он и Владимир Григорьевич Чертков очень желают, чтобы могло осуществиться мое давнее, горячее желание видеться с Вами в этом существовании. Я выезжаю в Москву завтра, 19-го апреля, и остановлюсь в Лоскутной гостинице. Пробуду в Москве 2-3 дня и буду искать Вас по данному мне адресу (Долгохамовническом пер., No 15). Не откажите мне в сильном моем желании Вас видеть, и - если это письмо найдет Вас в Москве, - напишите мне: когда я могу у Вас быть. Излишним считал бы добавлять, что у меня нет никаких газетных или журнальных целей для этого свидания.

Любящий и почитающий Вас Н. Лесков.

2. 1888 г. Июня 26.

26 июня 88 г., Аренсбург.

Не посердитесь на меня, Лев Николаевич, что я беспокою Вас моими строками. Живучи здесь на морском берегу, в тиши и уединении - я перечитал наново лекции покойного друга моего Филиппа Алексеевича Терновского по церковной истории и нашел в них нечто, чего как будто не замечал прежде. Упоминается о направлении, которое обнаружилось в III веке у христиан в Севастии. - что они признавали войну делом непримиримым с христианскою верою, и воевать не хотели, но в солдаты шли, когда их забирали насильно, но там (в службе) опять оружия для нанесения смерти и ран в руки не брали, а чтобы отстоять свое убеждение, - безропотно подвергались мучительствам и позорной смерти. Таких, "святых мучеников, иже в Севастии" - поминает и ваша греко-восточная церковь, но я пропускал это ранее мимо ушей и никакого внимания на это не обращал. Теперь же и хотел бы покопаться в этих делах, да не могу. Здесь нет ни Прологов, ни Четых Миней и вообще - никаких житейских книг; а у Вас, я предполагаю, - они есть. Усердно прошу Вас посмотреть в них: что там рассказано о мучениках севастийских? Если же найдете что-либо из подробностей, то не будете ли так милостивы, чтобы заказать сделать для меня выписку я ту выписку мне прислать сюда в Аренсбург, так как мне здесь же хотелось бы об этом писать. Равномерно - нет ли у Вас церковной истории Гизелера и Гагенбаха, которыми пользовался покойный Терновский и у которых предмет был трактован, без сомнения, полнее и свободнее, чем у русского профессора. У меня же есть копии казенной переписки о том, что делать с духовными христианами, которых впервые набрали в рекруты в 30-х годах и они повели себя во многом подобно, как мученики, "иже в Севастии". Император Николай тогда велел отдать их в "профосы", чтобы устыдить их и унизить, но они этому были рады и чистили ямы с удовольствием. К несчастью их, какой-то гарнизонный дока доискался, однако, что к обязанности "прохвостов" и принадлежит также "заготовление розог и шпицрутенов", и самое исполнение палачевских обязанностей в обозе. Все это, как видите, - очень любопытно и дает прекрасный, живой материал, но чтобы приняться за его обработку - надо иметь выписку из того, что житийные книги передают о мучениках в Севастии. Не откажитесь пособить мне в этой моей литературной нужде, и я тотчас по получении выписки примусь писать "Прохвоста".

Преданный Вам и любящий Вас Н. Лесков.

Адрес мой просто: "Аренсбург на Эзеле, Никл. Семн. Лескову". Надо писать "на Эзеле", а то письма нередко посылают "в Оренбург".

3. 1888 г. Июля 23.

23 июля, 88, Аренсбург.

Досточтимый Лев Николаевич.

Покорно Вас благодарю за письмо Ваше от 17 июля которое я получил здесь вчера.

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru Оно мне было и утешением, и радостью, и ободрением. Отправив письмо к Вам, я стал себя укорять, для чего я это сделал? Зачем я позволил себе Вас утруждать просьбою, да еще такую хлопотною? И стал я на себя сердиться ежедневно, и положил в уме, что Вы мне не должны отвечать, потому что просьба моя груба и нахальна. Вы меня утешили, ибо я вижу, что просьба моя не показалась Вам неуместною. Мне ведь не к кому было обратиться с этим вопросом, кроме Вас. Я радуюсь, что Вы здоровы и отдыхаете среди любимых Вами сельских занятий, и я получаю ободрение в Вашем совете работать, не заботясь об угодничестве цензуре. Я от этого много страдаю материально, но еще более от досаждений редакторских. Эти господа думают, что непременно надо иметь их точки зрения и их заботы... За всем этим маешься, маешься, да и устанешь, и начинаешь сам в себе сомневаться. В Вашем слове я всегда черпаю силу, которая в нем есть и которая мне доступна для усвоения. А потому я глубоко благодарен Вам за Ваше теплое и ласковое письмо. Совестно мне перед девицами, которых Вы понудили сестр ради меня за "Пролог", но чтобы не лицемерить, - не смею от этой помощи отказаться, а реку яко же обычно есть архиереям: "Приемлю, благодарю и ничесо же вопреки глаголю". Справку, думается, можно сделать, легко, если у Вас есть "месяцеслов" Косолапова. Там (помнится) есть оглавление и алфавит. Надо найти "Севастиа", или "Себастиа", а потом "мученики иже в Севастии", - тогда сейчас и найдется то, что нужно. Выписочку мне нужно небольшую, но в которой бы содержалась "суть", и притом подлинными словами "Пролога" или "Минеи", потому что я имею такой план, - что мальчик раскольничьей семьи, перешедший в господствующую церковь, - живет с дедушкой, добрым стариком, но дремучим буквоедом, в землянке, на задворках и читает ему о мученицах в Севастии, 12 лет открывает в книге то, что дед "чел, чел да не узрел". Придут начетчики, и 12-летний хлопец с ними будет спорить о духе, и "остро придет им слово его", и "да не разорит он предания", отдадут его в солдаты, как "худую траву - из поля вон". А там он пойдет "под пеструтины", и будет "профосом" во исполнение повеления. Его доброта, чистосердечие; насмешки над ним; он "прохвост". Аудитор богомольный научит заставить его быть "обозным палачем". Надо удавить жида и поляка. "Прохвост" отказывается и делается новомученик по севастийскому фасону. Таков мой план или моя затея, но я не знаю: что там написано о севастийцах? Пособите мне, и молодым графиням на том же кланяюсь. Пишу же Вам все это со скоростью для того, чтобы Вы не послали мне справки сюда, на Эзель, так как я на сих днях отсюда собираюсь уехать, а к 10-му августа буду, или надеюсь быть в Петербурге (Фурштадская, No 50, кв. 4). Прошу адресовать мне выписочку в Петербурге.

Верно Вам преданный и благодарный Н. Лесков.

4. 1888 г. Августа 5.

5 августа 88, Аренсбург.

Вот смотрите, что делает кто-то или что-то: провиденциальность, случайность, или "ирония судьбы". Вы - я слышал - высоко цените прекрасный ум и прекрасное, честное направление покойного Филиппа Алексеевича Терновского, автора "Первых веков христианства", "Византизма в истории" и т. д. Он умер униженный, выгнанный с обеих кафедр (университетской и академической) и оставил детей без хлеба и без помощи. Выгонял его Медеянов по настоянию Лампадоносцева, а этому, чтобы задушить человека великой души (я его знаю и имею основание так называть), нужен был не брезгливый человек, который бы составил обвинение по пунктам. Для этого явился бывший директор гимназий в Польше, зять Степана Громеки, Ефим Крыжановский. Он изготовил обвинение против Терновского и сам получил за то место в Ученом Комитете Синода и стал отличаться по перегонке лютеран в "воспитавшую его веру". Теперь читайте, что случилось. Пришел он случайно или неслучайно в тот самый, Киев, где его руками был удушен Терновский, и тут и испустил омраченный дух свой, и легли они оба на одном кладбище... Получу ли от Вас вспомогательное указание о мучениках севастийских? Адрес: Пб. Фуршт. 50. Уезжаю с Эзеля завтра.

Любящий Вас Лесков.

5. 1888 г. Октября 1.

Лев Николаевич.

Не откажите мне помочь, чтобы в "Русских ведомостях" напечатали прилагаемое мое письмецо. Это надо сделать в Москве, а не в Петербурге, потому что злая выдумка

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru идет из Москвы. Поп, которому давали читать, будто "открыл сходство между патриархом и филаретом", после чего будто "Русская мысль" "ахнула, и сама отказалась печатать". Здесь этому верят, особенно в несмысленном бомонде. Пожалуйста, помогите мне восстановить правду и пришлите номерок, где мое письмо будет напечатано. Тут все раболепствуют и склонны верить, что уж что-нибудь "ужасное" да есть в Зеноне. Помощь Ваша и внимание ко мне - оживляют меня и дают мне силу, которой часто недостает от обидного притеснения. Храни Вас Бог на радость нашу и укрепление изнемогающего духа.

Н. Лесков.

1.10.89. Спб.

6. 1889 г. Апреля 30.

30 апреля 89 г. Спб.

Лев Николаевич.

Вчера я послал Вам под бандеролькой мой маленький новый рассказ "фигура". Он позволен к печати и должен явиться в журнале "Труд" (приложение к "Всемирной иллюстрации"). Это тот самый рассказ о родоначальнике украинской штунды, о котором я писал Вам некогда, испрашивая у Вас совета, чтобы сделать из этого маленький роман. Не получив ответа, я скомкал все в форме рассказа, сделанного очень наскоро. Тут очень мало вымысла, а почти все было, но досадно, что я из были-то что-то важное позабыл и не могу вспомнить. Кроме того - я Сакена никогда не видал и никаких сведений о его привычках не имею. Оттого, вероятно, облик его вышел бесхарактерен и бледен. Не могу ли я попросить Вас посолить этот ломоть Вашею рукою и из Вашей солонки? Не укажете ли в корректуре: где и что уместно припустить для вкуса и ясности о Сакене, которого Вы, я думаю, знали и помните. Пожалуйста, не откажите в этом, если можно, и корректуру с Вашими отметками мне возвратите; а я все Вами указанное воспроизведу и внесу в текст в отдельном издании. Буду ждать от Вас хоть одной строчки ответа. Гатцук передал мне свой разговор с Вами обо мне. Спасибо Вам, что знаете меня и говорите обо мне. В суждении своем Вы вполне правы: не столь много требуется "на нужу, сколько наружу". Душевное состояние мое, однако, улучшилось и много улучшилось после того, как Вы мне написали, что "все хорошо и полно жаловаться". Я не жалуюсь более, и в самом деле стало легче. Помогите мне выправить и дополнить "фигуру" в отношении неизвестного мне Сакена. Если Павел Иванович Не-Гайдуков у Вас - то прошу сказать ему мою благодарность за присланные сегодня выписки из М. Арнольда.

Любящий Вас Николай Лесков.

7. 1889 г. Мая 18.

18 мая 89. Спб. фршт., 50, к. 4.

Благодарю Вас, Лев Николаевич, за полученное мною письмо Ваше о "фигуре". Все, что пишете, - верно: рассказ скомкан и "холоден", но я все видел перед собою опротивевшее пугало цензуры и боялся разводиться теплоту. Оттого, думается, и вышло холодно, но зато рассказ прошел в подцензурном издании. "Тени на лицо фигуры" нужны, и я их попробую навести при внесении рассказа в V том собрания моих сочинений, а под цензурою пусть уже хоть так бредет. Кое-что доброе рассказ все-таки внушает и в этом виде. Благодарю Вас и за то, что черкнули о Сакене: я о нем ничего не знал, кроме того, что написал. Оттиска "фигуры" во второй раз не буду Вам посылать, чтобы не беспокоить Вас. С меня довольно того, что Вы мне сказали. Любовь и признательность к Вам питаю с великою радостью духа, который получил через Вас много света, и силы, и утешения.

Преданный Вам Н. Лесков.

8. 1890 г. ноября 16.

16. ноябрь 1890 Спб. фурштадская 50 кв. 4

Получил от Вас ответ, Лев Николаевич. Сказку, пожалуйста, прочтите. Она довольно испорчена в конце "страха ради", но иначе ей бы не выйти. Порча, однако, тоже

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru
сносная. Николай Николаевич Ге с нею помирился и меня простил. Замысел "Полуночников" меня тешил, и я все написал с радостью, но не знаю: устрою ли вещь и где устрою? Прежде хотел назвать "Ажидация", потому что так это называют предстоящие "ему" в Кронштадте. Дом называется "Ажидация" и ожидание тоже "ожидация"... Чем худо? Николай Николаевич взманил меня рассказом о свидании "его" с Хилковым и уверял, что Марья Львовна пришлет мне копию почитать. Это бы мне очень дорого, пока моя рукопись еще у меня. Я просил Марью Львовну, но не знаю, как она отнесется к моей просьбе. Помогите, если найдете возможным. В "Полуночниках" есть живые лица христианского духа - прекрасная девушка купеческого дома (Морозова) и "врач безмездный" (Бирштед). Одна называется просто Клавдинька, а другой ферштед. (Он уже заразился и умер.) Пара сюжетов очень живая. От них тоже приехали "отмаливаться". Пожалуйста, помогите почитать, как там было с Хилковым? Я сумею скромно воспользоваться, чем можно. Говорить Вам о Ваших недостатках не могу, потому - что мне стыдно и противно было бы быть Вашим судьей: Вы мне большую пользу сделали, и я Вас именно люблю и не люблю о Вас пересушивать, а как сам Вас понимаю, то мне все приходит хорошо по духу и по мысли. Не хочу и не могу относиться к Вам иначе, как к самому полезнейшему другу. Позвольте мне при этом оставаться, ибо так мне ловко и впору. Впрочем, я могу Вам и погрубить за то, что Вы дали поощрение разогнать гнездышко "Посредника" в Петербурге... Не могу утешиться - зачем это сделано? О Ругине добыл весть: он пристал по пути к подходящим людям и там работает. Это характер редкой целостности. Его обижали совершенно напрасно. Согрублю и еще раз: о Паскале говорить не пойду. Спросите: почему? А потому, что я уже говорил, и больше говорить не о чем. Я говорил упоминая и Ваше имя, и проку никакого не вышло, и опять не выйдет, а будет только шум и "молва о людях"... Зачем это делать? Довольно истории с "даровыми объявлениями", от которых я Черткова старался воздержаться и не успел в этом, а в результате вышло, что шум и крик и чертыханье были, а объявлений больше нет. Суворин мне прямо сказал: "Если на переводе не будет стоять имени Л. Толстого, то и говорить не о чем: есть два перевода, и они не идут". Вот в чем дело: ставьте Ваше имя, и тогда будет о чем начинать говорить. Я, ведь, там бываю очень редко (1-2 раза в год), но выдаю людей и кое-что знаю. Там теперь есть неудовольствие за евреев, и это не благоприятствует для соглашений. К Вам собирается на 2-3 дня Гольцев (из Москвы). Мы (вчера) сговорились было поехать с ним вместе... Можно ли? Я очень хочу Вас видеть.

Н. Лесков.

Не откажите мне в удовольствии сказать мой поклон графине Софье Андреевне, Татьяне Львовне и Марье Львовне. Приходил известный Вам датчанин и читал мне свою статью о пребывании в Ясной Поляне. По-моему, это довольно скромно и довольно верно.

9. 1890 г. ноября 17.

17. XI. 90 г. СПб.

Виделся с управляющим издательскою частью у Суворина и говорил с ним о Паскале. Ответ тот, что теперь, если бы и Ваше имя стояло, то издавать нельзя, так как переводчик предложил "условия неслыханные". Он желает иметь по 50 рублей гонорара, тогда как за перевод не платят дороже 15 рублей, и, кроме того, получив 50 рублей, он желает ограничить издателя в количестве экземпляров и в цене книги. Такие условия показывают, что переводчик, очевидно, совсем не знает, как эти дела делаются. Суворину это показалось столь наивно и далеко от возможности сговориться, что он оставил дело без ответа. Возобновить дело можно бы, кажется, при том, чтобы 1) Вы написали хоть предисловие, а 2) переводчик спросил бы себе обыкновенный (ходячий) гонорар за перевод и не стеснял бы издателя в его издательских расчетах.

Н. Лесков.

10. 1890 г. декабря 3. Ясная Поляна.

Получил ваше и последнее письмо, дорогой Николай Семенович, и книжку "Обозрения" с вашей повестью. Я начал читать, и мне очень понравился тон и необыкновенное мастерство языка, но... потом выступил ваш особенный недостаток, от которого так легко, казалось бы, исправиться и который есть само по себе качество, а не недостаток - exuberance (*) образов, красок, характерных выражений, которая вас

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru
опьяняет и увлекает. Много лишнего, несоразмерного, но verve (***) и тон
удивительны. Сказка все-таки очень хороша, но досадно, что она, если бы не
излишек таланта, была бы лучше.

(* Избыток, излишество (фр.). *)

(** Жар, восторг (фр.). **)

Намерение ваше приехать к нам с Гольцевым, кроме большого удовольствия, во
всякое время нам ничего доставить не может. Ге был еще у нас, когда пришло ваше
последнее письмо, и мы вместе с ним смеялись вашему описанию. Но тут, кроме
смеха, дело очень интересное и знаменательное. Когда увидимся, поговорим. Так до
свиданья.

Любящий вас Л. Толстой.

11. 1890 г. декабря 6.

6 декаб. 90. СПб. фршт., 50, 4.

Достоуважаемый Лев Николаевич!

Вчера получил Ваше письмо, и оно меня особенно обрадовало. Я все укорял себя:
зачем навязал Вам чтение сказки и сообщение мне Вашего о ней мнения? Очень было
совестно, но поправить уже было поздно. За высказанное Вами мнение сердечно Вас
благодарю. Вы верно замечаете: некоторая "кучерявость" и вообще "манерность" -
это мой недостаток. Я его чувствую и стараюсь от него воздерживаться, но не
успеваю в этом. Дайте-ка мне еще тему для сказочки: я еще попробую написать без
кудряшек. А мне легко и приятно писать на Ваши темы. Гольцев писал мне, что к
нему в редакцию заходила Софья Андреевна и что ее приглашение мы имеем. Дело
теперь за тем: когда Гольцеву выпадет свобода. Я же всегда более или менее
завишу от себя: "мы "штучники" (как говорят портные) - свое усердие и свой
пропой". Я заеду за Гольцевым, как он назначит. С ним мне быть у Вас особенно
полезно, так как он такой же горожанин, как я, и мне не будет так стыдно своих
немощей, а во-вторых, я с Вами уж слишком согласен, так что мне никогда и в
голову не придет разьяснять что-нибудь с той стороны, с какой дело
представляется человеку "академического миросозерцания". А это очень важно и
полезно, тем более что мы с Гольцевым относительно очень значительных вещей не
согласны. Я шел и иду сам в течение всей жизни, но люблю себя поверять и
укреплять Вашими суждениями. Иначе бы я, может быть, предпочел приехать один и
привез бы своих "Полуночников", которых просил Цертелев, но я думаю, что их
никто теперь не возьмет... Измигул Разлюляй ведь проскочил в подворотню "под
белым ангелом крыла" фета... Афанасий Афанасьевич! Читаете ли его и узнаете ли?
Что ему надобно?... Жемчужников прав: "Ложись спать и сам за себя боисься:
каким проснешься?" Иванов захлебнулись, но, к несчастью, не поперхнулись. "Лики"
его в образных лавках продаются рядом со "спасами", казанскими и "всеми
святыми". Редакции наперебой друг перед другом его заполучают и теперь уже все
им "обрыськаны". Сначала "хозяева", а потом "меринье". К тем, у которых дела
плохи, он не идет, вероятно, боится, что "денег попросят", но это никого не
заставляет задуматься о нем, а только все лезут и просят. Художник написал
картину (масляную) "Искушение отца Иоанна". Ночь, кабинет, луна, в окне церковь,
он дремлет над книгой, у него за спиной черт с соломинкой, шевелит его за правым
ухом; а тут впрямь молодая женщина в белом капоте "декольте до самых пор", но он
устал и все-таки дремлет... Тогда является другой черт у нее из самой юбки и
дает какой-то знак черту, стоящему за спиной; но тут вдруг воздымается кот и
делается горбик... "Табло!" У нас есть доктор (я живу в общине сестер милосердия
гр. Орловой) - не совсем глупый, но он меня уверял, что "Иванов в больнице
полезен, потому что он дает ерфикс больным". Чудес иных он не делает, но "в этом
смысле очень полезен". "Хронических он колерует". Я пытал: зачем он все над
кем-нибудь одиноко бормочет, по приглашению, а не помолится по усердию о всех
сразу? Доктор обиделся и сказал, что "лучше во что-нибудь верить, чем ни во
что". А поп Илаил пошел мимо моей двери да споткнулся и полетел на пол, и
обругался... Вот и "искушение". Там же в больнице душевнобольных: возят его, и
он "колерует", а исцеления ни одного! А слава его и глупость общества все
растут, как известного рода столб под отхожим местом двухэтажного трактира в
уездном городе. Зимой на морозе это даже блестят, и кто знает, что это такое, -
тот принимает это совсем не за то, что есть. Но мерило одурению - это верное. За
Ге меня до сих пор рычат. Успех юрьевского сборника большой, но Вами тоже

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru "уязвлены глубоко". За Ругина я успокоился. Кто-то дал ему даже амнистию и одобрение... Они от безделья начинают практиковать "спорчиков" Достоевского. Крайности сходятся, а хорошего в этом ничего нет.

Любящий вас Николай Лесков.

Пожалуйста, скажите мой поклон Софье Андреевне, Татьяне Львовне и Марье Львовне.

12. 1891 г. января 4.

4 генваря 91 г. СПб. фршт., 50, 4.

Досточтимый Лев Николаевич.

Получил я Ваши ободряющие строчки по поводу посланного Вам рождественского No "Петербургской газеты". Не ждал от Вас такой похвалы, а ждал, что похвалите за то, что отстранил в этот день приглашения "чистоплюев" и пошел в "серый" листок, который читает 300 тысяч лакеев, дворников, поваров, солдат и лавочников, шпионов и гулящих девок. Как-никак, а это читали бойко, и по складам, и в дворничьих, и в трактирах, и по дрянным местам, а может быть, кому-нибудь что-нибудь доброе и запало в ум. А меня "чистоплюи" укоряли, - "для чего в такое место иду" (будто роняю себя); а я знал, что Вы бы мне этого не сказали, а одобрили бы меня, и я мысленно все с Вами советовался: вопрошал Вас: так ли поступаю, как надобно? И все мне слышалось: "двистительно" так и надобно. Я и дал слово Худекову дать ему рассказ и хотел писать "О девичьих детях" (по поводу варшавских и здешних детоубийств и "Власти тьмы"), а тут вдруг подвернулась такая история с Михаилом Ивановичем Пыляевым. Я и написал все, что у нас вышло, без прибавочки и без убавочки. Тут с начала до конца все не выдуманно. И на рассказ многие до сей поры сердятся, и Михаила Ивановича смущают спорами, так что он даже заперся и не выходит со двора, и болен сделался. Я ему Ваше письмо отнес и оставил для утешения; а одна купчиха ему еще ранее прислала музыкальную "щикатулку", - "чтобы не грустил". Он и не грустит о пропаже, а надоели и мне и ему со спорами: "к чему это касающе и сообразное". Тут и подоспело от Вас подкрепление, за которое вас и благодарю. Под Новый год повреждал свое здоровье у Суворина шампанским вином и слышал от Алексея Сергеевича о присланном ему от Черткова рассказе, составленном вами по Мопассану. Чертков пишет, чтобы "не изменять ни одного слова", а Суворин видит крайнюю необходимость изменить одно слово, - именно слово: "девка", имеющее у нас очень резкое значение. Я думаю, что эту уступку надо сделать, и советовал Суворину писать об этом прямо Вам, так как это дело будет короче, и есть возможность скорее сговориться. Положение Ваше в людях такое, как надо быть. "Ускоки" набегают и шпыняют в воздух в Вашем направлении. Зато Вы помогаете и "карьерам". Так, например, гнилозубый Аполлон, как 1 No цензуры иностранной, дал "брату Якову" поручение составить доклад о Ваших сочинениях на английском языке. "Брат Яков" трудился и гнул: "каково это мне: я должен его запрещать". И, разумеется, запретил. Тогда "Аполлон" сказал ему, что это ему "в воспитание", и затем, чтобы утешить его, привел к нему Лампадоносца и Терция... И возвеселился Иаков, и теперь уже не смущается, и "стих" против вас сочинил и Никанора стихом же оплакал... И говорят, будто ему теперь "другой ход дадут". Страхование стало лепетать какой-то вздор. Владимир Соловьев держит себя молодцом, и с ним приятно спорить и соглашаться. Меня все занимало, как теперь у нас, о чем ни заговори - обо всем хотят судить "с разных точек зрения" - и потому все выходит поганое чисто и чистое поганое. А Владимир Соловьев подметил у всех "три измерения": нигилистическое, православное и практическое. Александр Энгельгардт по одному из этих измерений оставил деревню и живет здесь, и сидит у Головина (Орловского) и у Лампадоносца, и поступает на службу инспектором сельского хозяйства с большим жалованьем; а ходатай за него Лампадонос, у которого жена доводится Энгельгардту племянницей. И Менделеев "тамо же приложися", - и примеры эти не останутся беспоследственными... Вспоминаешь Салтыкова: "Все там будем!"... Видеть Вас очень жажду и не откажу себе в этом; приеду один и с работою на 3-4 дня (если не стесню собой). Мне теперь хочется побыть с Вами вдвоем, а не в компании.

Любящий вас Н. Лесков.

Чистокровный нигилист А. Михайлов (шеллер) ругает в "живописном обозрении" Н.Н.Ге и напечатал картину, как "отец Иоанн" исцеляет больную... А заметьте, что этот их "отец Иоанн" называется "Иван Ильич". Усердно прошу сказать мой поклон графине Софье Андреевне, Татьяне Львовне и Марье Львовне. Я часто вспоминаю -

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru как мне у Вас было хорошо. Повесть моя еще у меня, и я не спешу, - боюсь. Не переменить ли заглавия? Не назвать ли ее: "Увертюра"? К чему? К опере "Пуганая ворона", что ли?

13. 1891 г. января 6.

Цензура не пропускает рассказа "Дурачок", корректуру я послал Вам вчера. Пожалуйста, не посылайте этого оттиска Черткову, а оставьте его у себя. Хотел бы знать о нем Ваше мнение.

Н. Лесков.

6 генв. 91. СПб.

Цензор (Пеликан) сказал Тюфяевой, издательнице "Игрушечки", будто им не ведено пропускать ничего, что пишете Вы и я, и обо всем "докладывать". Врет небось!"

14. 1891 г. января 8.

8. 1. 91.

Не надокучил ли я Вам, Лев Николаевич, своими письмами? Все равно, простите. Чувствую тягость от досаждений, мешающих делать то, что почитаю за полезное, и томлюсь желанием повидаться с Вами, а этого сделать немедленно нельзя. От досаждений болею, а от болезни делаюсь излишне впечатлительным. Рассказ Черткову пошлите. Я согласился на дурацкие помарки цензора, и рассказ выйдет искалеченный, но все-таки выйдет. Пусть Чертков пробует искать с ним удачи, где знает. "Христос в гостях у мужика" запретили. Конечно, то же будет и с "фигурой". Вероятно, то, что цензор сказал Тюфяевой, - правда: "Ничего не будут пропускать..." Сегодняшняя статья в "Новом времени" подбавит к этому охоты и форсу... Повесть свою буду держать в столе. Ее по нынешним временам, верно, никто и печатать не станет. Там везде сквозит кронштадтский "Иван Ильич". Он один и творит чудеса. На сих днях он исцелял одну мою знакомую, молодую даму Жукову и живущего надо мною попа: оба умерли, и он их не хоронил. На днях моряки с ним открыли читальню, из которой по его требованию исключены Ваши сочинения. На что он был нужен господам морякам? "Кое им общение?" "Свиньем прут" все в одно болото. Об Энгельгардте сказывают что-то мудреное, будто он "всех перехитрить хочет". Не наше дело знать про хитрецов. Видел в "Посреднике" книжечку "Новый английский милорд Георг" в обложке, напоминающей настоящего "английского милорда" лубочного... А содержание доброе, хотя и неискусное. Это тоже "хитрость", но она мне понравилась... Иван Иванович Горбунов уже прельстился этим и пишет "Еруслана", а мне захотелось написать "Бову-королевича" и с подделкою в старом, сказочном тоне... Что Вы на это скажете: делать или нет? Посмотрите - чем "Родина" начала венец нового лета Божией благодати. Кланяюсь Вашим домашним.

Любящий Вас и благодарный Вам Лесков.

15. 1891 г. января 9.

9 генваря. 91. СПб.

Получил от Вас большое письмо, Лев Николаевич, да только оно не ко мне писано, а пожалуй - к Николаю Николаевичу Ге. Прочел его, потому что думал, что Вы ошибкою написали меня "Николаевичем", все искал - что бы ко мне относилось, но, дочитав до конца, убедился, что ко мне тут ничто не направлено, и, очевидно, это письмо не ко мне, а адресованное ко мне пошло в Плиски. Возвращаю Вам это письмо, чтобы послать его по адресу, а сам боюсь это сделать, чтобы не направить письмо ошибочно. Нового ничего. Вчера видел Суворина, и он меня спрашивал: "не сердитесь ли, голубчик". Я отвечал - не сержусь. Это им нужно. Сегодня у них есть "Вор", такой же как мой. Суета сует.

Преданный Вам Н. Лесков.

16. 1891 г. января 12.

12 генв. 91. СПб. фршт., 50, 4.

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru
Досточтимый Лев Николаевич.

Был у Суворина и дал ему прочесть Ваше письмо, в месте, касающемся рассказа. Суворин был очень рад тому, что этим путем получилась развязка, которой напрасно ожидали от Черткова. Теперь рассказ пойдет на следующей неделе. Изменения будут только в том, что придется выпустить слово "похоть" и заменить слово "девка", имеющее специальное значение, - словом "женщина". Что же касается заглавия, то мы его обдумывали втроем и остановились на предложенном мною названии по имени, то есть "франсуаза". Это - самое удобное, простое, краткое, скромное и "приличное". Кроме того, по этому имени легко будет и вспоминать произведение. Ваше имя нигде упомянуто не будет. Думаю, что все это сделано как следует. Заглавия вроде "Сестра" или "Ошибка", по-моему, были бы хуже, чем "франсуаза". Здоровье мое худо, а веселость, или, лучше сказать, желание шутить, нападает с досады. Смотришь, смотришь на всю окружающую благоглупость, да и сам задумываешься. Написал в самом архаическом "штыле" - "Сказание о протяженносложенном братце Иакове, - како изыде на ловитвы своя и усрете некоего льва, рыкающа при поляне, и осети его, и множицею брався с ним и растерза его, и обрете нескудно злата, на нем же и опочи в мире со ужики свои". Там же есть "эпизода" о Вышнеградском, "како плакася, иж рекут его вора быти", и поэты возводят его на Геликон и низводят на землю освященного и с новым именем - "Всевышнеградский". Смотрю, как "Иван Ильич" ходит к нам в больницу исцелять, и всегда бормочет только над одною больною, а разом о всех почему-то не молится. Предложил этот вопрос "сестрам милосердия", и они смутились... Область же его все расширяется "милостью Божиею", - так в день его юбилея, когда он (по отчетам хроникеров) съел подряд три обеда и "встал с удивительною бодростью" - председатель общества трезвости, именитый законоучитель Петербурга, протоиерей Михайловский ошибся мерою вина и, приняв на нутро более, чем можно главе трезвенных, - не встал вовсе, а был изнесен на руках своих духовных детей, и Иван Ильич его от этого не исцелил, а теперь сам избран на его место, так как он не пьет иного вина, кроме мадеры братьев Змеевых в Кашине. Кроме же этих событий, современная жизнь у нас не являет ничего достойного внимания. Поездку к Вам опять должен отложить, так как получил известие из Киева, что 20 генваря ко мне будут оттуда брат с племянницей. Вероятно, поеду тогда, когда они поедут назад через Москву, и я с ними, до Тулы.

Преданный Вам Н. Лесков.

P.S. В Константиновском военном училище дежурный офицер донес на юнкера, что тот "имел книгу: "Мелочи архиерейской жизни". Юнкера посадили под арест.

17. 1891 г. января 20.

20 генв. 91. СПб. фршт., 50, 4.

Очень благодарен Вам, Лев Николаевич, за Ваши письма. Они не писаны с тем, чтобы меня поддерживать и ободрять, а производят то и другое. Вы не ошибаетесь - жить тут очень тяжело и что день, то становится еще тяжелее. "Зверство" и "дикость" растут и смелеют, а люди с незлыми сердцами совершенно бездеятельны до ничтожества. И при этом еще какой-то шеренговый марш в царство теней, - отходят все люди лучших умов и понятий. Вчера умер Елисеев, а сегодня лежит при смерти Шелгунов... Точно магик хочет дать представление и убирает то, что к этому представлению негодно; а годное сохраняется... "Родину" я Вам послал для "хари", которая там была намалевана с подлейшими причитаниями. С Сувориным я говорил по Вашему поручению без всякого над собой насилия. Мы лично всегда хорошо с ним, а о прочем он не осведомляется, или спросит: "Не сердитесь, голубчик?" - "Не сержусь, голубчик". Так "голубчиками" и разлетимся. Он очень способный и не злой человек, но "мужик денежный", и сам топит в себе проблески разумения о смысле жизни. Вас он очень любит; но ведь он же не может согласиться с Вами и оставаться самим собою. Искренность, при которой человек не идет к лучшему, но сознает его достоинство и уважает лучшее, а себя порицает и "живет, не оставаясь на своей стороне", - кажется им глупостью. Надо спорить и "рвать лытки Толстому". Женщины чаще сознают правду и говорят: "Я так не делаю и не могу, но это - дурно, - надо бы так, как Толстой говорит". Я считаю это за хороший шаг. "Кто не против нас, тот уже за нас"... В "Новом времени" много военных инженеров, и они иногда "обладают" над господином "вертограда словесного". А он думает, что они это "износят из сфер". Так и идет шат во все стороны. При том Чертков пишет одному из этих "южиков" удивительные письма об одной из заповедей, и те его состояния не понимают, и к нему не снисходят, а только суесловят и

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru стараются придать всему характер какого-то уродства. Я говорил об этом Черткову и Ге тоже; но он нас обоих за что-то взял в немилость, а Ваня Горбунов здесь и собирается на днях ехать и заедет к Вам. Смотрите – здоров ли Чертков? Или лучше сказать: не больнее ли он, чем это кажется? Его поступки в дороге со мною и с Ге, а потом здесь с другими и переписка теперешняя о "суррогате" заставляют быть к нему крайне внимательным. Он производит впечатление подстреленной птицы, которой не знаешь, чем помочь. "Поша" пишет письма бодрые, и Ругин тоже. При Анну Константиновну говорят, будто ей лучше, но ни воли, ни инициативы никаких нет. "Посредник" в великом запущении, и для чего это низведено в такое состояние, – об этом нельзя перестать жалеть. 20 No No "Петербургской газеты" вышлю Вам завтра (сегодня воскресенье, – контора закрыта). "Дурачок" я знаю, что плох. Повесть мою вчера взял у меня Владимир Соловьев, который непременно хочет меня "сосватать с "Вестником Европы", и того же будто желает и Стасюлевич. Я, с своей стороны, ничего против этого не имею, и отдаю Соловьеву. Повесть эта, однако, по-моему, едва ли теперь где-нибудь пригодна. Впрочем, любопытно – что из этого выйдет? Соловьев сам бодр, по обыкновению несколько горделив, но очень интересен. Вчера он привез мне свою книгу "История и будущность теократии", т. 1-й, печатанный в Загребе со множеством ужасных, а в иных случаях довольно остроумных опечаток. У него всего только 4 экземпляра, но он, вероятно, снабдит Вас экземпляром. Я еще только разрезал и понюхал листы книги, но она меня уже страшно заинтересовала. Какая масса знаний в этом человеке! Очень любопытная книга. А кстати, – он едет на сих днях в Москву. Он же не читал Вашей "Критики догматического богословия" Макария, и я не мог ее дать ему, так как ее все читают. Притом гектографированный экземпляр из рук вон плох. Не снабдите ли Вы Соловьева лучшим экземпляром, а у него, быть может, возьмете его загребскую книгу. Поехать к Вам очень хочу, да все помеха: брат приедет 25 да пробудет здесь дней 8-10... Очень это суетливо! Получили ли мою заметочку, под заглавием "Обуянная соль?" в литературных кружках ее прочли со вниманием, и инженеры "Нового времени" притишились. Хотел бы знать: не осуждаете ли за то, что отвечал? Много у меня досад и мало здоровья, а тут еще нанесло иметь дело с плутоватым купцом. Все "искушение".

Преданный Вам Н. Лесков.

18. 1891 г. января 20...21. Ясная Поляна.

Ваша защита – прелесть, помогай вам Бог так учить людей. Какая ясность, простота, сила и мягкость. Спасибо тем, кто вызвал эту статью. Пожалуйста, пришлите мне сколько можно этих номеров.

Благодарный вам и любящий Л. Т.

19. 1891 г. января 23.

23 генв. 91. СПб. фршт., 50.

Вы, Лев Николаевич, очень меня балуете своею ласкою, но я приемлю ее с умеренностью и постараюсь не забыть от похвал такого писателя, как Вы. О высылке No с "солью" завтра похлопочу. Наверно, они есть в запасе. Вчера был здоровее и нашел у себя экземпляр Вашей "Критики догматического богословия" для Соловьева, а сейчас он был у меня с своим учителем еврейского языка Гецом и сообщил мне, что Вы его книгу знаете и имеете ее у себя. "Сватанье" его удалось: Стасюлевич нашел повесть удобною и достойною, а я согласился, и она, по словам Соловьева, должна появиться в апрельской книжке "Вестника Европы". Гец спрашивает у меня мнения: согласитесь ли Вы позволить напечатать два какие-то Ваши письма об антисемитизме? Я сказал, что в мужестве и отваге Ваших не сомневаюсь, но не могу подать своего мнения, а думаю, что ему надо самому Вас спросить. В "Полуношниках", очевидно, подкупает комедийная сторона, но там есть и другие стороны, за которые я боялся, так как они по преимуществу в нашем духе. По-видимому, это не "претило"... Если бы то так! Тогда бы можно написать повесть с задачей более широкой; а то у москвичей на обеих улицах вашего гостя не жалуют... А легенды мне ужасно надоели и опротивели; а "буар, манже и сортир" неотразимо нужны. Плут издатель, о котором упоминал, – сжалился надо мною и перестал меня обчищать догола, и я отдыхаю. Читаете ли письма Белинского к Герцену? Вот ведь, он (то есть Белинский) имел, оказывается, самое бедное и не состоятельное воззрение на жизнь, а учил других – как надо жить... Бедственное было его состояние, и если посравнить насколько с тех пор посерьезнел взгляд писателей, то видится что-то утешительное. Получил письмо от Черткова очень

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru
странное, с каким-то неодолимым тяготением к самоуничтожению. Что с ним такое?

Преданный Вам Н. Лесков.

20. 1891, г. февраля 7.

7 февраля 91. СПб. Фуршт., 50, 4.

Достоуважаемый Лев Николаевич.

Я получил из Дерпта письмо от Лисицына, который имеет желание завести там "русскую газету в примирительном духе" и говорит, что Вы это будто одобряете, а что "средств" (денежных) у него нет. При этом он высказывает много "прекраснодушия" и очень мало основательности. Последнее доходит до того, что он убедился в том, что "время острой вражды к немцам прошло и наступила пора мирной, совместной работы" и т.п. Я же ничего этого не вижу и не разделяю убеждения в пользе основания газет "без средств". Газеты должны иметь "средства", иначе они только изнуряют издателей и станут конфузить правое дело, за которое хотят заступаться. Я достаточно знаю издательское дело и думаю, что довольно верно ощущаю так называемые "общественные веяния". Никакой газеты с задачей усмирять расхолодившийся национальный задор теперь издавать нельзя, особенно в провинциальном городе и под цензурой. Не только Вам, но и мне в этой газете делать будет нечего, и расчеты Лисицына на нас - совершенно напрасны. Вам там и слова сказать не дадут. А потому я признал за наилучшее ответить Лисицыну откровенно и искренно в тоне противоположном его желаниям, и думаю, что я поступил как следовало и что Вы меня за это не осудите. По-моему, нам (или, по крайней мере мне) гораздо лучше "измигульничать" где попало и продираться как-нибудь "под белым ангела крылом" фета и иже с ними. Лучше "вести свою линию" по-кукушечьи, кладя яйца в чужие гнезда, чем наводить тень и разорение на людей, которые рвутся к делу, а вести его не могут. Неминуемое падение таких изданий часто с неоплаченными долгами - только роняет репутацию очень честных, но недостаточно предусмотрительных затейников. Аксаковы заводили свои "Руси" и "Дни" не так, а с "заручками", ибо "сынове мира мудрейши сынов света суть в роде своем". Словом: я против затей Лисицына и думаю, что это нужно прежде всего для него самого, если он человек искренний и чистый в духе своем. Газета - дело заботное и хлопотное, а "без средств" - даже мучительное и опасное... Начнешь ее "во имя блага общего", а потом вдруг придет к тому, что "удержишь у себя мзду наемнику" и станешь "подлец своей жизни". И не дивитесь сему. Это иначе и быть не может, и потому лучше человека воздержаться от такого намерения, чем поддержать его обещанием помощи, которой ни Вы, ни я подать ему не будем в состоянии. Читаете ли, как часто у нас о Вас вспоминают? Никанор уснул - ожил и возглагодал Амвросий... Какую Вы избрали себе "благую часть", что сидите в деревне и вместо Амвросиев выслушиваете своих Яснополянских "Лиров"! У меня теперь гостят родные еже по плоти из Киева, хвораю неустанно, но к Вам стремление не покидаю. "Франсуаза" вышла очень хороша и многих обидела. Значит, попала в цель. Суворин не понимает "послесловия" и упорствует в желании не понимать разницы между "установлением брака" и "отношением к браку". Я совсем не понимаю этого непонимания и, признаюсь, - не верю в него. Зато у него (то есть у Суворина) часто болит голова... Занятие газетчика - это бедовая штука; но у них вот что непонятно - это подслужничество бесцельное, - которое никто не ищет у них и не спрашивает... Всего бы дела - "помолчать - невелика услуга", - ан не молчитесь... А после и "заболит голова".

Преданный Вам Н. Лесков.

21. 1891 г. февраля 16.

16. 11. 91. СПб.

Пишет опять Лисицын о своей газетной затее. По-моему - это дело совсем не серьезное и не нужное. Если Вы не иного мнения, то поддержите меня, когда он к Вам приступит, - и одним пустым делом будет менее. Сотрудничество свое я, разумеется, ему готов предложить, но знаю, что оно ему не принесет пользы; а если и Ваше имя там будет, то и мое при Вашем пригодится только для того, чтобы привлечь несколько подписчиков и собрать с них некоторое число денег и потом ничего нашего им не дать, так как имена наши привлекают на издание усиленную цензурную придирчивость. Лисицына я не знаю, и, может быть, это человек очень хороший, но собирать подписку, наживляя уду нашими именами, при явной

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru невозможности давать читателям наши работы – мне не нравится, и я не знаю: хорошо ли делать вид, что этого не понимаешь, и служить наживкою для чужого крючка? Он может писать в другие газеты, имеющие большой круг читателей... Чего же ему еще надо? Пусть туда не каплет ядом лжи и пристрастия, – и довольно с него. А если он с одною корреспонденциею не умеет обойтись не кривя совестью, то с целою газетою он весь извертится... Таких мы много видели, и другим нельзя миновать этого же.

Стонет сизый голубочек

Гайдебуров – Павел,

Либеральный жар, дружочек,

Весь он поубавил...

А где иные прочие, то о сем не есть и глаголати. Я сделаю то, что Вы скажете этому "голубочку", но лучше бы он не заводил лишнего.

Преданный Вам Н. Лесков.

Суворин в Москве. Уезжая туда, он пожаловался мне, что "Франсуаза" причинила ему очень много неприятностей.

22. 1891 г. февраля 26.

26 февраля 91. СПб. Фуршт., 50, 4.

Достоуважаемый Лев Николаевич.

Очень рад, что Вы согласны с моим взглядом на затею Лисицына. Я много видел примеров – к чему это сводится. Затянуть дело с недостаточными средствами, и сразу же пойдут бедниться и "удерживать мзду наемничью", а в конце концов пойдут на всевозможные сделки и компромиссы или сдадут дело торгашу, который поведет совсем особенную линию. И притом – что за охота идти в зависимость, в какой находятся издатели нашей страны? Для чего увеличивать это полчище людей, обязанных ежедневно врать и клеветать на кого попало?.. Я Лисицына не знаю, но ко мне ходит один его товарищ, и я этому все сказал, и он со мною согласился и хотел писать Лисицыну. Думаю, что этим дело можно закончить. Здоровье мое все плохо: дня нет без припадка ангины (нервной?), и я боюсь ехать в душных, отопленных вагонах, но видеться с Вами очень хочу и очень в этом нуждаюсь. Мне хочется писать "Безбедовича", романчик с героем простого разума, и я хотел бы говорить с Вами об этом характере и наметить "художественные пятна картины". Затем хочется и побыть с Вами для себя самого. Я с Вами духовно совещаюсь каждый день и не дожидаюсь от Вас писем, потому что знаю, что к Вам пишут много и Вам не легко всем ответить; но когда я получаю от Вас несколько строк – это меня очень радует. – О повести моей из "Вестника Европы" пока знаю только, что они ее облюбовали и берут, кажется, для апрельской книжки. Личных переговоров с Стасюлевичем мы не имели, а все сватал Владимир Соловьев, но и его я давно не вижу. А потому на вопрос Ваш о повести не могу сказать ничего определеннее того, что говорю. У меня же за это время, как рукописи нет дома, набралось множество прибавок, очень характерных. От Владимира Соловьева я слышал, что Стасюлевич считает повесть "вполне цензурною", и таково же мнение Соловьева, но я сам уже чутье потерял для определения, "что лъзя и чего неможно". Вчера запретили розничную продажу "Нового времени" Суворин, говорят, будто "ужасен"... Сидит будто в кабинете, запершись, перед открытым настезь окном... Все окружающие в отчаянии, а мне кажется, что дело кончится пустяком, то есть через 10–15 дней продажу, вероятно, разрешат, "дабы не дать распространения другой газете, менее восприимчивой к внушениям правительства". Поводом к запрещению продажи было перебиванье Бурениным дела варшавской актрисы, убитой Бартевым. Оскорбительным найдено неуважительное обхождение с "вольными всадниками сводной закутильской молодежи". Лампадоносцев ходатайствует об усилении строгостей к "Русской мысли" и "Северному вестнику". Поп Перетерский подвалил изрядную свинью Ивану Ильичу учреждением "исцеленного отрока" и "отбил богомольца". Теперь агенты Ивана Ильича изловчатся "поворотить народ". Приехал Ругин и рассказал всю свою историю. Об обращенной девице я подумал то же самое, что и Вы ему сказали. Он живет теперь у отца и, кажется, очень хорошо делает, что так поступает. "Посредник" едва влачит свое бедственное существование и, вероятно,

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru должен будет прикрыть себя крышкою. Образ, написанный Репиным, я не видал. Говорят, будто там изображен Владимир Григорьевич Чертков. Это теперь в моде. В церкви Главного Штаба появилось изображение "многих", и в том числе Ванновского. Был я у литейщика и видел Ваш бюст в бронзовой отливке. По-моему, отливка вполне удалась, и Ге должен быть доволен. Генерал Е.В.Богданович собирает заявления "против ересей", и в первую голову беспокойства угрожают "пашковцам" и особенно кн. Гагариной за неслужение панихид по муже. Здесь все, - не исключая публицистов "нового времени", уверены, что мужики в деревнях будто служат в избах над своими мертвецами панихиды...

Храни Вас милость Божия. Н. Лесков.

Позвольте мне сказать через Вас мой поклон графине Софье Андреевне и Татьяне Львовне с Марьей Львовною. Последнюю я иногда беспокою как Вашего секретаря. Пусть она мне это простит.

23. 1891 г. Июня 20.

Усть-Нарова, Шмецк, 4. 20 июня 91.

Добрый друг наш, Лев Николаевич.

Я теперь живу на Устье-Наровы, в тишине и одиночестве, и о том, что происходит на "широком свете", узнаю только по газетам. Из них я узнал, что к Вам ездил Суворин и что теперь во многих местах обозначается большой неурожае хлеба, угрожающий голодом. Тамбовское письмо Шелеметьевой взбудоражило дух мой до смятенья и слез, и я позволю себе беспокоить Вас просьбою написать мне, как Вы находите - нужно ли нам в это горе вступать и что именно пристойно нам делать? Может быть, я бы на что-нибудь и пригодился, но я изверился во все "благие начинания" общественной благотворительности и не знаю: не повредишь ли тем, что сунешься в дело, из которого как раз и выйдет безделье? А ничего не делать, - тоже трудно. Пожалуйста, скажите мне что-нибудь на потребу. Ивана Ильича бы, что ли, послали на "закатанные поля" помолобствовать, или еще "покататься", как это делают в Орловской губернии. А кстати - для уяснения характера деятельности Ивана Ильича прилагаю Вам копию с хранящегося у меня подлинного письма некой г-жи Боголеповой к фельетонисту "нового времени" г-ну Терпигореву (Атаве). Посылаемая копия с боголеповского письма достойна того, чтобы ее приобрести к известному письму Хилкова. Выясняется и деятель и ею "антураж". Суворин хорошо сделал, что сказал о "Мимочке". Это заставило многих с нею познакомиться и, может быть, над нею позадуматься. "Житель" еще лучше написал о "Толстовцах". Это, мне кажется, - самое умное, что появлялось в газетах (русских) по поводу Ваших идей, усвояемых людьми, которые Вас любят и находят удобство иметь Вас перед своими глазами. "Атава" же, должно быть, "возревновал" и написал глупость, полагая, что Вы оплакиваете участь Мимочкиного супруга. Пародии на эту тему, конечно, возможны очень разнообразные и, может быть, очень смешные, и "Мимочка" издали еще предречена в одной из библейских книг, приписываемых Соломону: "...и речет: ни что же сотворих". Очень рад был бы я, если бы Вы мне ответили о голоде и о том, что, по Вашему мнению, полезно предпринять. Если это возможно - пожалуйста, напишите.

Искренно Вас любящий и почитающий Н. Лесков.

У меня есть листки с набросками, сделанными рукою русского учителя Ваших младших детей. Листки эти оставил мне Н.Н.Ге, и они у меня не утратились и не завалялись, а я их сохраняю и очень ими дорожу, но не нахожу до сих пор удобного случая, чтобы воспользоваться ими для пользы дела. В таком виде, как это написано, - печатать нельзя по цензурным условиям и по тому, что тон местами не отвечает предмету и от этого утрачивает значение мыслей прекрасных, честных, острых и сильных и сопоставлений блестящих. Переделать это и пустить на кон ни с того ни с сего - будет бесцельно... Надо подождать а пророс чего-нибудь живого и подходящего. Я это и имею в виду, и "Житель" чуть не дал мне такого повода. Пожалуйста, скажите об этом автору заметок, которые мне принесли много удовольствия и радости и которыми я сам очень желаю воспользоваться, но только думаю, что это надо сделать вовремя и кстати. Прочитал теперь Гелленбаха, который мне попался под руку перед выездом из Петербурга. Вы, кажется, о нем что-то и где-то писали? Нельзя ли указать, где именно? Пять лет тому назад он мне ничего не открывал, а теперь я извлек из него много отрады и утешения. Особенно это о врожденной интеллигентности... И все это точно как будто и знал,

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru и об этом думал и говорил, а между тем не знал и не говорил... Происходит "не узнавание", а только "припоминание" того, что знал, да позабыл в муках рождения своего "в этой форме бытия". Поклон мой всему Вашему семейству. Видеться с Вами желаю и надеюсь. Здоровье же мое не позволяет предпринимать поездок: судороги в сердце делаются внезапно, я тогда одного шага нельзя ступить. Душевное состояние хорошо, и беспокойств все становится меньше. С Вами совещаюсь всякий день и поминаю Николая Николаевича, Ругина и Пошу, и мне не скучно и не сиротливо, как бывало ранее всю жизнь. Адрес мой: Усть-Нарова. Шмецк. 4. Шмецк - это приморское селение между Гунгербургом и Меррекеюлем. Очень тихо, воздух чистый и сосновый лес на берегу.

24. 1891 г. Июля 4. Ясная Поляна.

Очень рад был получить от вас весточку, дорогой Николай Семенович, и рад тому, что вы духом спокойны и бодры, хотя и хвораете. Только бы духовная сила не останавливаясь работала, а тело веди себя как хочет и может. На вопрос, который вы делаете мне о голоде, очень бы хотелось суметь ясно выразить, что я по отношению этого думаю и чувствую. А думаю и чувствую я об этом предмете нечто очень определенное; именно: голод в некоторых местах (не у нас, но вблизи от нас, в некоторых уездах Ефремовском, Елифанском, Богородицком) есть и будет еще сильнее, но голод, то есть больший, чем обыкновенно, недостаток хлеба у тех людей, которым он нужен, хотя он и есть в изобилии у тех, которым он не нужен, - отвратить никак нельзя тем, чтобы собрать, занять деньги и купить хлеба и раздать его тем, кому он нужен, потому что дело все в разделении хлеба, который был у людей. Если этот хлеб, который был и есть теперь, или ту землю, или деньги, которые есть, разделили так, что остались голодные, то трудно думать, чтобы тот хлеб или деньги, которые дадут теперь, - разделили бы лучше. Только новый соблазн представят те деньги, которые вновь соберут и будут раздавать. Когда кормят кур и цыплят, то если старые куры и петухи обижают, - быстрее подхватывают и отгоняют слабых, то - мало вероятного в том, чтобы, давая больше корма, насытили бы голодных. При этом надо представлять себе отбивающих петухов и кур ненасытными. Дело все в том - так как убивать отбивающих кур и петухов нельзя, - чтобы научить их делиться с слабыми. А покуда этого не будет - голод всегда будет. Он всегда и был, и не переставал: голод тела, голод ума, голод души. Я думаю, что надо все силы употреблять на то, чтобы противодействовать, разумеется, начиная с себя, - тому, что производит этот голод. А взять у правительства или вызвать пожертвования, то есть собрать побольше мамона неправды и, не изменяя подразделения, увеличить количество корма, - я думаю, не нужно, и ничего, кроме греха, не произведет. Делать этого рода дела есть тьма охотников, - людей, которые живут всегда, не заботясь о народе, часто даже ненавидя и презирая его, которые вдруг возгораются заботами о меньшем брате, - и пускай их это делают. Мотивы их и тщеславие, и честолюбие, и страх, как бы не ожесточился народ. Я же думаю, что добрых дел нельзя делать вдруг по случаю голода, а что, если кто делает добро, тот делал его и вчера, и третьего дня, и будет делать его и завтра, и послезавтра, и во время голода, и не во время голода. И потому против голода одно нужно, чтобы люди делали как можно больше добрых дел, - вот и давайте, - так как мы люди, стараться это делать и вчера, и нынче, и всегда. Доброе же дело не в том, чтобы накормить хлебом голодных, а в том, чтобы любить и голодных, и сытых. И любить важнее, чем кормить, потому, что можно кормить и не любить, то есть делать зло людям, но нельзя любить и не накормить. Пишу это не столько вам, сколько тем людям, с которыми беспрестанно приходится говорить и которые утверждают, что собрать денег или достать и раздать - доброе дело, - не понимая того, что доброе дело только дело любви, а дело любви - всегда дело жертвы. И потому, если вы спрашиваете; что именно вам делать? - я отвечаю; вызывать, если вы можете (а вы можете), в людях любовь друг к другу, и любовь не по случаю голода, а любовь всегда и везде; но, кажется, будет самым действительным средством против голода написать то, что тронуло бы сердца богатых. Как вам Бог положит на сердце, напишите, и я бы рад был, кабы и мне Бог велел написать такое. Целую Вас.

Любящий Вас Л. Толстой.

25. 1891 г. Июля 12.

Усть-Нарова. Шмецк, 4. 12 июля 91 г. Пятница.

Добрый друг наш, Лев Николаевич!

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru
Письмо Ваше о разноклевах получил и усердно Вас благодарю, что Вы мне ответили. Суждения Ваши все мне по сердцу и по мыслям, а все-таки мучительно жаль тех, кого зобастые оклеют и оставляютдохнуть. Однако я, разумеется, послушаюсь Вас и в затаеваемый "сборник" не пойду. Так я хотел сделать и ранее, а теперь еще более в этом утвердился. Писать такое, как Вы говорите, в нашем положении очень трудно. Я бы хотел дать очерк о Цвингли, – сравнив его с Лютером. Там есть на чем показать: что следует разуместь в преломлении хлеба. Мистику-то прочь бы, а "преломи и даждь" – вот в чем и дело. Однако враги того, кто говорил эту простую премудрость, делают честное слово невозможным. Здоровье мое коварно. Называют мою болезнь Angina pectoris, а на самом деле это то, что "кол в груди становится", и тогда ни двинуться и ни шевельнуться. На "тело" я смотрю так же, как и Вы, но когда бывает больно, то чувствую, что это очень больно. Распряжки и вывода из оглобеля не трепещу, и мысль об изменении прояснения со мною почти неразлучна. Духа стараюсь не угашать, и считаю это всего выше и священнее. В том, что делаю дурного – не нахожусь на своей стороне и почитаю себя виноватым. С некоторою полнотою освободился только от зависти, от обидчивости и от опасений за будущее, – что очень долго меня мучило. Вы мне сделали много неопределимого добра, и мне полезно все, что я о Вас слышу, – даже когда Вас порицают и на Вас сочиняют злое. Я сейчас воображаю: как Вы все это "благоприятствуете", и думаю: "Хорошо это: его, друга нашего, это не может трогать, а мы его через это только больше любим и сами поучаемся, как сносить зло". Теперь я уже не скучаю и о том, что не вижу Пошу и Ругина, разлука с которыми ранее меня огорчила. Тоже и не курю табаку, но "червонное вино" (как говорил дьякон Ахилка) пью умеренно "стомаха ради и многих недуг своих". Владимир Соловьев говорит, что Вы ему это разрешили. Писать Вам часто желаю, но стыжусь отнимать у Вас время на чтение, а Вы, по доброте своей, еще мне отвечаете и я не могу скрыть, что это мне очень дорого и мило. Жду к себе Владимира Соловьева; живу в одиночестве с девочкой-сироткой, которую кое-как воспитываю. Ей теперь уже 11 лет, и она отменно хорошо читает рыбакам "Суратскую кофейню". Есть тут и "тип" – солдат Ефим, из рязанцев, который, по собственным его словам, "пришел сюда к чухнам собственно для обрусительного образования". Но работает ничего. Служил в гвардии и, "стоя на часах, продал в беспамятстве неизвестному сапоги". Был два года "на испытании в умственности и выпущен по безумию". Лицемерен, нагл и подл. Объявляет себя колдуном, который может "знать след лошади". Жил у моего хозяина, кузнеца, в сарайчике, и вдруг две лошади хозяина ночью сбежали. Потом одна пришла, а другой нет. Ужасный плач был, и все сбились с ног, ходячи по лесам. Обруситель требовал 3 рубля "за показание следа". Чухны не верили ему, говорили: "Покажи, и тогда дадим". Он не показывал. У нас же живут (или жили) рыбаки из-под Дерпта, – староверы: дед 92 лет, отец 56 и два внука, молодые парни: староверы, беспоповцы. Очень хорошие люди. Пошел один парень шестки вырубать и видит в лесном болоте тучу комаров и слепней, которые над чем-то вьются... Оказалось, что из болота торчит голова лошади, а сама лошадь вся в болоте утонула. Староверы настлали досок и вытащили лошадь. И все враз стали говорить, что это Ефим-солдат нарочно спустил лошадей со двора и загнал их в болото, чтобы потом след указывать. За это его согнали со двора, то есть выгнали из сарайчика. Он ушел и сказал: "Ну подожди же вы! Вы же меня будете знать!" И что же Вы думаете: поднялась буря, и из 4-х рыбаков трое утонули, – два парня и отец, а 92-летний дед один остался жив!.. Ну, разумеется, его кое-как снарядили домой, а солдат Ефим и говорит мне: "Поняли, что я над ними сделал?.. Это я их опрокинул..." Чухны, не знаю, поверили или не поверили, но не стали его к себе пускать, а он "объявил измену" и "определился в церковь" – стоять у двери и смотреть, чтобы сукины сыны, чухонцы, "собаку в церковь не впустили". Вот "обруситель", которого лучше и не сочинишь, а он есть в натуре. Не описать ли его? Как думаете? Зла ведь от этого не будет, кажется.

Искренно Вас любящий и Вам благодарный Н. Лесков.

Есть здесь приезжие из Москвы, с которыми есть кухарка, служившая некогда у известного "владыкина сына" протопопы "Гаврилки", – пьяницы, взяточника и картежника. У нее есть сын "шульер в карты", и он "в шульерство вник от владычного сына и от протопопы Абросима, который теперь архиереем стал", а сына ее "за шульерство свели на высыл". О протопопе же говорит: "Сколь он добр был: приедет пьяный и навзрыд плачет и все деньги дарит, – все дарит, а проспится и назад вдвойне спрашивает. Даст двадцать рублей, а говорит: "Я тебе триста дал".

26. 1891 г. Августа 1.

1 августа 91 г. Шмекк, 4.

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru

Прочитывая теперь, больной, Новый завет и Вашу книгу "О жизни" (в полном виде), я нашел довольно мест, которые в Вашей книге представляют только развитие того, что уже сказано в Новом завете и благоприемлется без раздражения и гнева. Таковы, например, мнения Павла о браке, - что брак хорошо, а без него еще лучше, - о теле, какое сеется и какое восстает; о первом человеке и о втором (I Кор. XV, 47) и о властях (о чем, по словам Петра, "возлюбленный брат наш Павел, по данной ему мудрости, написал нечто неудоборазумительное"). Не смею думать, чтобы Вы или другие лица, много вникавшие в Новый завет, не заметили того, на чем теперь только впервые остановился я, но как я тоже вникал, но только теперь увидел нечто удивительное по своей ясной противоречивости церковному взгляду на заботы Христа о власти, то я не считаю за лишнее сообщить Вам о том, что мне открылось или показалось. В Новом завете, оказывается, не только есть места, косвенно указывающие на довольно презрительное равнодушие Христа к заботам о подчинении властям, но там есть прямое указание, что Христа озабочивает, чтобы упразднить всякое начальство, и всякую власть и силу, и что без этого дело его здесь не кончится. Это в 1 посл. Павла к Корф. XV, 24. "А затем конец, когда он предаст царство Богу, - когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу". Значит, пока есть "начальство, власть и сила", он не может "передать" царство Богу-"отцу". Это что же за место и почему оно пренебрегается в разъяснении отношений Христа к власти, по изъяснению того самого Павла, на котором власти ищут своего утверждения? Не укрывается ли это место и от Вашего взора? Простите меня за такое предположение, - "дух нудит" меня сделать его, потому что это место меня вдвойне поражает, - по его смыслу и потому, что я его не видел, перечитавши Новый завет множество раз. Изъясняя, что надо или можно разуметь под "воскресеньем" или "отверзанием очей", Павел ясно сказал, что "воскресение пришло через человека". Читателям книги "О жизни" это кажется "удивительным", - что у Вас, значит "то же самое". Очень полезен Павел оказывается и для тех, кто хочет все копаться в чьем-нибудь прошлом. Таких людей особенно много, и с ними оказывается очень полезно сначала дать им утвердиться в восхвалениях авторитетности Павла, а после указать на III главу его послания к Титу (ст. 3). В некоторых случаях это оказывает прекрасные услуги против охотников до "любопрения", и опять замечательно, что место это никому не знакомо, - даже и преподавателям семинарским. Знают, что "Павел знал христиан", но что он был и "раб похотей и удовольствий" - этого не знали и не слышали... Как это удивительно ускользает! У учителя Ваших детей (автора известных замечаний против Гусева) есть ошибка: Христос "у блудницы" в гостях не бывал, то есть этого не видно, - он только был с нею в одной компании. Тут есть разница, к которой могут придаться наши противомысленники. Надо говорить точно и опористо. А в выводах его (в заключении "от противного") упущено, по-моему, то, что Христос бывал в гостях у разной сволочи, но не был ни у одного царя, князя, попа или архиерея. А нельзя сказать, что его туда не пустили бы, - к Ироду-то очень бы его пустили. Читал я, как Стасов Вас "обоготворил". Смешно было! Теперь остается Буренину одеться жрецом, взять жертвенный нож и вести на веревке жертвенных тельцов Короленко, Чехова и Потапенко, чтобы заклать их в честь Вам, "обоготворенному"... А Вам уже будто только и остается броситься и кричать громогласно: "Мужи! что вы это делаете?" Любящие Вас, здесь собравшиеся, были этим смущены немножко, и некоторые думали, что слове "боготворим" не должно быть пропущено без замечания, но я их успокоил Вашим же словом, что "это волапюк" (художественный) и что публика к этому так же бесчувственна и бестолкова, как и сами "боготворители". Мы иногда собираемся на берегу моря, под соснами, и читаем Ваши книги, и пребываем тогда в общении с Вами и с другими друзьями. А читает наичаще моя сиротинка, у которой премилый детский голос, и она все понимает, и нам приятно слушать Ваши слова в чтении ребенка. Не сердитесь на меня, что я пишу Вам. Порою неудержимо хочется рваться к Вам.

Н. Лесков.

Владимир Григорьевич Чертков таки прикончил "Посредник"... Напрасное это и дурное действие. Я этому делу удивляюсь и о нем сожалею, и Ге тоже, и Ругин, и Поша. Убито доброе начинание. Налет русских "обрушителей" очень интересен. Солдат Юфим, кажется, начинает практиковать членовредительство, и очень умно: он увечит чухон в драке, говорит "по уговору"... Каков дока!

27. 1891 г. Августа 15.

15 авг. 91 г. Шмецк, 4.

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru
Сейчас уезжаю из Шмечка на житье в Петербург (Фурштадтская, 50). Здоровье не поправилось и, очевидно, не может быть поправлено, но духовное мое состояние очень хорошо: я знаю, что я ничего не знаю и ни в каком деле не стою на своей стороне, но вижу нечто лучшее и полезное. Все лето читал Ваши писания, и они отлично пользовали мое сознание и дух мой. Был рад, получа от Вани Горбунова письмо, в котором он между прочим писал, что Вы обо мне вспоминали и говорили с ним. Мне очень радостно и полезно знать, что Вы считаете меня гожим для лучших дел, чем исключительная забота о личном счастье. Благодарю Вас за все добро, Вами мне уясненное и открытое, – Вы мне подарили покой и уверенность в том, что "избавитель наш жив и силен восстановить нас из худости здешнего бытия". Прилагаю описание чудес Ивана Ильича в Ярославле. Может быть. Вы не слыхали про это. "О Господи!"

Преданный Вам и благодарный Лесков.

28. 1891 г. Сентября 6.

6 сентября 91. СПб. Фуршт., 50, к. 4.

Лев Николаевич!

Вероятно, Вы видели напечатанное в "Новом времени" извлечение из письма Вашего ко мне "о голоде". Я этого печатания не устраивал и им смущен. Дело вышло так: я прочитал Ваше письмо Ивану Ивановичу Горбунову, а он попросил у меня с него копию, и при этом сказал, что его вообще не надо скрывать, а надо сообщать людям, которые дорожат Вашими суждениями. Мы усмотрели и в самом письме Вашем как бы разрешение на это, выраженное в словах: "пишу это не для Вас, но для людей" и т.п. После этого я списал собственноручно копию с Вашего письма для Ив. И. Горбунова, но прежде чем успел его послать, был застигнут неким фаресовым (амнистированным лорисовцем), который очень дорожит всем, что от Вас к нам доходит. Я ему прочел о голоде, а он попросил у меня "списать" копию для себя. Я и дал, а через два дня увидел в "Новом времени" уже перепечатку из "Новостей"... Таков весь ход дела, и в нем моей вины столько, сколько я Вам объясняю. Вчера этот фаресов был у меня и рассказывал, что он "не утерпел", и ко мне будто заходил, чтобы "посоветоваться", да я был болен, и тогда он поступил без моего совета... Вот и все. Я же его не укорял, потому что это уже было бы бесполезно, да, может быть, как оно вышло – так и хорошо: я бы своего согласия на напечатание, конечно, не дал, а письмо меж тем может зародить в головах думающих людей полезные мысли. Однако, тем не менее, весь этот случай меня конфузит, и я считаю необходимым рассказать Вам, как дело было и в чем тут моя вина, в которой я и прошу у Вас себе извинения и прощения. Я знал этого деятеля за скорохвата, но человека очень честного и искреннего и имел достаточные основания ознакомить его с Вашими мнениями о нынешнем "модном событии", как иные называют голод. Я уверен, что Вы найдете в себе столько доброты, чтобы простить мне этот случай, но я хотел бы, чтобы Вы поверили мне, что и легкомыслия-то с моей стороны не было, а так... фаресов, усматривая в своей фамилии букву "ф", – вдруг пожелал скинуться "фрейшицом" и сделал "волшебный выстрел". Прилагаю Вам при этом вырезку из No "Новостей", где появились выдержки из Вашего письма с послесловием "фрейшица", написанным им (по его словам) "в цензурных соображениях". По сущности, это совсем ничего собою не представляет. Еще раз прошу – простите меня, что все это случилось.

Преданный Вам Н. Лесков.

29. 1891 г. Сентября 14.

14 сентября 91 г. СПб. Фуршт. 50, к. 4.

Сегодня я был обрадован. Лев Николаевич, Вашими строками, в которых есть упоминание о напечатают выдержек из Вашего письма. Очень был обрадован. Я чувствовал себя сконфуженным не столько перед Вами, как перед графиней Софьей Андреевной, Татьяной Львовной и Марией Львовной, которые могли подумать: "Что за разгильдяй такой!" А мне не хочется, чтобы они были мною огорчены, и, получив снисходительные слова от Вас, я теперь почему-то начинаю думать, что и они меня не осуждают за волшебный выстрел моего фрейшица. Он человек не худой, и даже хороший (добрый и пострадавший), но скоропалительный. Худа, разумеется, никакого не вышло, – только немножко позже Вас потрел Мещерский и tutti frutti (*), но Вы ведь "с того растете". Ге убедил меня, что надо не сердиться, а радоваться,

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru когда имя Ваше носят яко зло, и я теперь это понимаю и чувствую. И тот единственный, который дерется Вами, как Позднышевы "дрались своими детьми", вводит меня гораздо в большее смущение... В защиту человека мира и любви раздается единственный голос человека, не ищущего мира и не понимающего иной любви, кроме "адюльтера"... Только и остается сказать: "О Господи!" живу я действительно в суете, но не обладаем и не обитаем суетою. Я мужествую и борюсь с нею, но я очень одинок. Бывало, приходят Поша, Ругин и Ваня, а теперь совсем "по мыслям" слова сказать не с кем, и притом я очень болен. Никак не могу научить себя стерпевать мучения физической боли, которая подобна самой жестокой зубной боли, но на огромном пространстве (вся грудь, левое плечо, лопатки и левая рука). Как это больно – выражается тем, что Пыляев, у которого была *angina* – во время ее приступов кричал: "Пришибите меня!" И во все это время я все помню и все привожу себе на ум то, что надо бы помнить, а боль перебивает. Я все думаю тогда о Вас: как Вы брали верх над болью? Какой тут есть практический прием? Когда отпустит, я опять живу и не унываю. Такой работы, "в которую бы можно уйти по уши" – у меня нет. И как ее выдумать? Мне кажется, будто Вы можете мне что-то присоветовать. Если можете – посоветуйте. Дело это мне может полюбиться уже по одному тому, что его придумали для меня Вы. Если же будет неудобно – я скажу – почему оно мне неудобно. Я хотел купить себе крестьянскую усадьбу на берегу моря (близ Выборга), 60 десятин земли, домик, двор, лесок, лошадь, 4 коровы, 6 овец и 30 кур, плужок и борона, – да не знаю, придет ли ко мне Ругин пахать – чего я не умею и не могу, – и жить вместе да еще сомневаюсь, как мне воспитывать девочку, мою сиротку, которая учится в немецкой школе. Вот и является разносилье! И думается опять: пусть уж так остается, как было. Вы это знаете и отлично описали, – состояние досадительное, с которым помириться никак невозможно. К девочке я привязан, и она меня жалеет и любит, так что разлучаться нам – это значит замучиться: она была брошенная, я ее сам на руках носил по солнышку, когда она страдала в детстве, а теперь мы сжились, и она в свои ранние годы и по духу – то родная мне стала. А мне, больному, все с ней не пополнить, – надо, чтобы она училась и преимущественно у немцев, где нет, или почти нет, многих вредностей казенной школы. И вот я опять обрекаю себя оставаться при старом положении и могу работать только за письменным столом, а вечером дитя мне читает. Что же тут придумать, чтобы "уйти по уши"? Однако не думайте, что литературный мир меня затягивает. Этого нет: я к этому миру отношусь очень не горячо и знаю, что стоит всего человеческого внимания. О попе я писал, потому что он интересовал Хилкова и был интерес выяснять: коего он духа. У Павла, конечно, дело интересное, но ведь "брат наш Павел пишет нечто неудобовразумительное" (Петр, II, 3, 16), но это, что я в последний раз у него вычитал, очень хорошо и общей программе Христовой миссии чрезвычайно соответствует. Я не замечал еще у Вас нигде внимания к другим тоже очень замечательным словам Павла о вероятности конечной судьбы духов, оттерпевших весь курс земного обитания. Пусть Вас и не занимает вопрос о так называемом "оправдании", но есть очень замечательное умствование, или, может быть, лучше сказать, умопроницание Павла о том, что ничто духовное совсем не погибает и не придет в ничтожество. Раб, схоронивший талант, все-таки сам уцелеет, – он только прогорит, а потом в новых проявлениях обрстет мясом и может поправиться и даже непременно должен поправиться и доспеть в полноту того, что "вся добра зело", – "все очень хорошо". Это все в том же I посл. к Крф. III, 12-15. Посмотрите, пожалуйста, в эти строки, – они очень любопытны и очень утешительны. Прогорит, но "сам спасется"... "Сам"-то этот, ведь это чудесно! То это я, здешний представитель его "самости", а сидит во мне он "сам", и находится он в таком тесном сближении с "пакостником плоти", что тот его и может совсем опакостить, но и только, а он через то его "самого" совсем не погубит... Нет, этот "сам" так хорошо задуман, что ему уничтожиться нельзя: "у него дела сгорят", он потерпит урон, но сам спасется" (изгарью), – "выйдет как бы из огня"... то есть "выжигает"... И этого и Гелленбах не заметил, и Сведенборг тоже, и Лессинг не упоминает об этом, хотя это шло ему так сильно на руку против злых речей Геце! А этот же Павел говорит, что "телесное упражнение малополезно" (I к тм. IV, 8), что "родители должны собирать имения детям" (2 Крф. XII, 14) и т.п., с чем не дай Бог власть в согласии. Как бы хорошо было живо и просто нарисовать картину деятельности этого человека! Жаль ведь его терять совсем, в хламе "талмуда". Ваше "Краткое изложение Евангелия" тоже не сразу впечатлевается. Я в нем нашел теперь для себя много такого, что прежде не заметил. Укрепляйте меня не часто, но изредка словом Вашим.

(* и иже с ними (лат.). *)

Н. Лесков.

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru

30. 1892 г. декабря 4. Петербург.

4 дк. 92.

Многочтимый Лев Николаевич!

Анатолий Федорович Кони вчера прислал мне письмо, в котором просит совета, что ему прочитать, дабы приготовить себя к рассмотрению "во множестве поступающих дел о штундистах". Я продумал всю ночь и не мог остановиться ни на одном произведении, которое бы дало обер-прокурору основания судить о штундистах с сохранением к ним жалости и уважения, и из всего, что я знаю, мне наилучшим показалось старое магистерское исследование Ореста Новицкого "о духоборцах". Там именно есть основания, которые одинаковы у духоборцев, иконоборцев, молокан и штундистов. А разницы, между ними существующие, не делают различия в основах их веры, и потому все сектанты этого духа могут быть защищаемы на одной и той же почве. Книжка же Новицкого хороша тем, что она кратка, ясна и кодифицирована, а церковная злоба в ней умещена в местах очевидных и благопотребных. И потому я указал Кони на эту книжку по преимуществу. Усердно прошу Вас дать мне короткий, но скорый ответ: не сделал ли я ошибки и не можете ли Вы мне указать: как я должен исправить то, в чем ошибся? Пожалуйста, дайте ответ.

Преданный Вам Н. Лесков.

31. 1892 г. декабря 9. Петербург.

9 дк. 92.

Высокочитимый Лев Николаевич.

Вчера получил от Вас ответ на мой вопрос о вопросах Кони. В самом деле, я думаю, что я ему отвечал то, что следовало: у магистра Новицкого (Киев, университетская типография, 1832 г.) обстоятельно изложена история рационализма и основания, по которым русские религиозные рационалисты уходят от общения с церковниками. Никто этого не сделал с лучшею основательностью и краткостью (и наивностью), как Орест Новицкий, книга которого уничтожена, а его Николай Павлович хотел "на шкуру наворотить", но позабыл это сделать и сделал профессором. В книге (146 стр.) трактуется о "духоборцах", но штундисты ни в чем существенном от духоборцев и молокан не отличаются, и люди очень глупо делают, трактуя их за особую секту. Все эти секты – одно и то же (по существу), с очень не сложными и не существенными особенностями, на изучение которых, по-моему, не стоит и время тратить, особенно таким лицам, как обер-прокуроры. Поэтому я указал на то, что изначально определяло дело точно, и рассказал, что нет никакой надобности подыскивать новых оснований, ибо это все отпрыски одного и того же толкования, которое и есть во всех рационалистических согласиях, и обсуждать каждое из них в отдельности есть дело напрасное. Я читал доклады сенатора Ровинского и видел, что все это блуждание по чистому месту. Об отношениях штундистов к государству я сказал, что "противности государству у них нет, но есть равнодушие к государству, за что, мне кажется, судить по законам нельзя". Теперь я думаю, что я сказал, что следовало, по лучшему моему разумению; но ответа Вашего я все-таки ждал нетерпеливо и смущался тем, что Вас обеспокоил. Я не пишу к Вам, конечно, только потому, что мне совестно отрывать Вас от трудов на общую пользу. Благодарю Вас за упоминание о моем вмешательстве, за которое я себя казнил много и сурово, но которое я считал своею обязанностью перед Вами и другим человеком. Радуюсь, что мы спасли его от раздражения и уберегли в его огорченной душе любовь, которую он к Вам полон, а Ваше молчание и всеобщее равнодушие к его терзаниям его обижало, раздражало и (мне кажется) томило его тем, что казалось ему унижительным... Благодарю Вас за утешительную радость, которою Вы все это покрыли Вашим благородным усилием над собою. Но я при этом столько помял себя, что ему с тех пор не писал, и буду писать на сих днях, и напишу, что Вы о нем спросили. В пользу гонений я с Вами не согласен, и Вы не докажете, что все гонения "ничего не могут произвести, кроме содействия истинному просвещению". Это, к сожалению, не так, но если бы и так было, то все-таки надо стараться унимать гонения, так как при этом люди жестоко страдают. Кони, конечно, очень даровит, но он, однако, не мог бы идти другою дорогою: карьера и карьерная борьба ему сродны. Здоровье мое не восстанавливается, но острых страданий меньше. С 6-ти часов утра и до 2-х я могу работать, потом силы вдут на убыль, и с вечера нервозность становится несносною; но, однако, я могу говорить и читать.

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru
Духовное мое око чисто, и ропота в уме нет. С Вами я сообщен ежедневно. А теперь у меня к Вам просьба, для которой прилагаю "оправдательный документ" - это письмо Михаила Осиповича Меньшикова, из "Недели" Гайдебурова. Оно пришло ко мне вчера, вместе с Вашим письмом. Прочтите его и сделайте, что захотите; но я думаю, что его надо удовлетворить, чтобы обрадовать многих и не огорчить никого. Пожалуйста, сделайте, о чем они Вас просят. Я ему ответил, что сообщил Вам их просьбу.

Ваш Н. Лесков.

Карточку (то есть кабинетный портрет) пришлите мне или прямо Михаилу Осиповичу Меньшикову. Пб. Поварской пер., No 14, кв. 21. Подношение, кажется, на Рождество. Татьяна Львовна и Мария Львовна! Внемлите и пособите! Пожалуйста, пособите!

32. 1893 г. Января 4.

4 генв. 93. СПб. Фуршт., 50.

Достоуважаемый Лев Николаевич!

Сегодня вошли ко мне Ваня Горбунов и Сытин и сказали, что Вы знаете о моем нездоровье и даже хотели приехать, чтобы навестить меня... Меня это ужасно взволновало и растрогало, и я сладко и радостно плакал. Я не хочу говорить Вам о моих к Вам чувствах. Вы человек пронизательный, и не нужно Вам высказывать то, что в словесном выражении теряет свою сущность и усваивает нечто ненужное. Вы знаете, какое Вы мне сделали добро: я с ранних лет жизни имел влечение к вопросам веры, и начал писать о религиозных людях, когда это почиталось за непристойное и невозможное ("Соборяне", "Запечатленный ангел", "Однодум" и "Мелочи архиерейской жизни" и т.п.), но я все путался и довольствовался тем, что "разгребаю сор у святых", но я не знал - с чем идти во святых. На меня были напоры церковников и Редстока (Засецкой, Пашкова и Ал. П. Бобринского), но от этого мне становилось только хуже: я сам подходил к тому, что увидал у Вас, но сам с собою я все боялся, что это ошибка, потому что хотя у меня светилось в сознании то же самое, что я узнал у Вас, но у меня все было в хаосе - смутно и неясно, и я на себя не полагался; а когда услышал Ваши разъяснения, логичные и сильные, - я все понял, будто как "припомнив", и мне своего стало не надо, а я стал жить в свете, который увидал от Вас и который был мне приятнее, потому что он несравненно сильнее и ярче того, в каком я копался своими силами. С этих пор Вы для меня имеете значение, которое пройти не может, ибо я с ним надеюсь перейти в другое существование, и потому нет никого иного, кроме Вас, кто бы был мае дорог и памятен, как Вы. Думаю, что Вы почувствуете, что я говорю правду. За одно Ваше намерение посетить меня я Вам благодарен до слез, но мне лучше, и Вам не нужно обо мне думать. Приезд Ваш взволновал бы меня до чрезвычайности, и я истерзался бы, думая: как все это сойдет? За Вами бы бегали, о Вас бы писали, и получилась бы целая каша. Восхитительная радость моя видеть Вас была бы истерзана тревогою... Хорошо, что Вы не поехали. Напишите мне письмо такое, которое могло бы пользуеть дух мой, подвергавшийся нападениям страха... Из ступеней до края я прошел наверно 86 и не имел определенного желания возвращаться опять к первой и опять когда-нибудь начинать те же 86 наново; страха ухода уже не было, но был какой-то бесконечный, суживающийся коридор, в который надо было идти и... был страх и истома ужасные. Я читал главы из книги "О жизни", читал, что есть об этом у Вас в других местах, и у Сократа (в Федоне), и все-таки с натиском недуга суживающийся коридор приводил меня в состояние муки... Теперь меня согревает утешительная радость, которой дух мой верит: мне как будто сказано, что я уже был испытан и наказан страхом и что это уже отбыто мною и прошло, и после этого я буду избавлен от этого страха, и когда придет час, я отрешусь от тела скоро и просто. И эта уверенность меня радует. По болезненности моей я теперь все попадаю в этот круг мыслей и не могу из него выйти. Снизойдите к моему настроению и поговорите ко мне в этом духе, чтобы слово Ваше принесло мне разъяснение и утверждение о том, о чем я думаю. На дух мой болезнь имела благое влияние, - я увидал еще свою черноту и, к ужасу, заметил, как много я занимался опрятностью других людей, вместо того чтобы себя смотреть строже. И многое, что казалось важным до этой болезни, стало совсем не важно. Рад, что могу писать Вам, и всем Вашим кланяюсь, а от Вас буду ждать утешения и посылыя моему помявшемуся духу.

Преданный Вам Н. Лесков.

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru

33. 1893 г. января 10.

10 генв. 93. СПб. Фуршт., 50. Воскресенье вечер.

Горячо благодарю Вас, Лев Николаевич, за Ваше письмо. Оно принесло мне то, что было нужно: "у нее кроткие глаза", и Вы ее уже не пугаетесь и с нею освоились. Это имеет много успокоительного. Думать "о ней" я привык издавна, но с болезнью моей овладел мною ужасный, гнетущий страх, - я, кажется, просто боялся физических ощущений оттого, что "берут за горло". Когда меня мучит ангина, я все помню и хочу овладеть собою: припоминаю "тернием окровавленную главу", вспоминаю кончину Филиппа Алексеевича Терновского (удивительную по благодушному спокойствию) и думаю о Вас, но боль все преодолевает, и я теряюсь от страданий и трепещу, что они могут достигать еще высших степеней мучительности. Умереть есть дело неминуемое, и мучителен не шекспировский страх "чего-то после смерти". Это не страшно, но страшат муки этого перехода. Терновский (который очень любил Вас) умирал, претерпев множество унижений, лишений и угроз от мстительности Победоносцева, но все был весел и шутил. Умирая, он попросил карандаш и слабою рукою написал: "Одно печально в моей смерти, что Победоносцев может подумать, что он мог убить человека". Когда Лебединцев прочел, - умирающий ему еще улыбнулся и вскоре отошел. И сколько людей исполняют это с достоинством, а страх все это может обезобразить, испортить. Вот где причина и место страха. Если можете, скажите мне что-нибудь на это, вдобавок к тому, что у нее "кроткие глаза". Ваши слова мне все в помощь. Мне стыдно приставать к Вам, но я слаб и ищу опоры у человека, который меня сильнее, - не оставьте меня поддержать. Я, конечно, очень рад, что Вам не противно то, что я пишу. Когда я пишу - я всегда имею Вас перед собою и таким образом как бы советуюсь с Вами. "Импровизаторов" я писал сравнительно здоровый, а "Пустоплясов" при 39° жара в крови. Как я их написал - и не понимаю! И все это наскоро и кое-как и в отвратительных условиях цензурности, при которой нельзя делать поправок в корректуру... Там есть вымарки очень бессмысленные, но вредящие ясности рассказа. А самый рассказ пришел в голову сразу (за неимением сюжета) после спора о Вас с Татищевым в книжной лавке: "что бы сказали мужики, да что бы сказал он мужикам?" Я и сделал наскоро такой диалог в мужичьей среде на темы, с которыми лезут в разговорах о Вас. Третьего дня была у меня Любовь Яковлевна и говорила, что ей цензор сказал, что "он все узнал", а узнал он то, что его "подвели", потому что "пустоплясы - это дворяне, а на печи лежал и говорил Толстой"... Сытину теперь этого рассказа будто уже не позволят. Вот чем заняты! "Северному вестнику" желаю всякого успеха, но боюсь, что они с этим делом не справятся: задавит их "макулатура", которой они волокут большую грудку и освободиться от нее не умеют. А потом их угнетает цензура, и они от нее тоже не избавятся. Письма Смирновой о Гоголе и о Пушкине будут иметь свое литературное значение для литературного круга, но читателя они не привлекут. Притом я боюсь, что оба писателя в рассказах Смирновой выйдут сентиментальными и не в большом интересе, а особенно Гоголь может выйти раскрашенным в те именно краски, которые надо бы с него по возможности сводить, а не наводить их гуще. Пока журнал под цензурою, ему, разумеется, будет хуже всех, которые издаются без цензуры, и потому работать в нем особенно трудно. Из Ваших 12-ти глав я читал 7. По-моему, все это нужно, и все хорошо, и все "на пользу". Не оставьте меня добрым словом.

Любящий Вас Н. Лесков.

34. 1893 г. января 12.

12. 1. 93. СПб. Фуршт., 50.

Высокоцитимый Лев Николаевич!

Письма Ваши мне, конечно, чрезвычайно дороги, но вымогать их у Вас на мою немощь мне все-таки совестно. Нельзя Вам всех нас утешать и укреплять: сами мы не малолетки и должны знать, в чем искать себе посилья. Простите меня за беспокойство, Вам причиненное. Сейчас я прочитал среди копий с Ваших писем одно большое, но неоконченное письмо (к Чертковой, "послужившее началом книге "О жизни") и нашел там полнейшие ответы на то, чем мучился и о чем нетерпеливо писал Вам. Я имею перед собою Ваши мнения о том, что меня занимает, и мне совестно, чтобы Вы еще писали мне об этом. Я вижу, что я просто запугался телесных мук: на то, что "после смерти", я смотрю с верою и без страха, но "мук рождения" в иное бытие страшусь... Тут "надо отдаться", и кончено! Внутри есть

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru какое-то убеждение, что самое страшное уже претерпено, и дай Бог так! Не беспокойтесь обо мне. А Вы мне вчера принесли радость: я не был знаком с Лидией Ивановной Веселитской (автором "Мимочки"), а повесть эту читал раз пять и восхищался ею; и думал когда-нибудь написать автору, но боялся: будет ли это кстати. Познакомиться с нею было моим желанием, а вчера она пришла ко мне сама и обрадовала меня чрезвычайно. А первые слова ее ко мне были такие: "Я знаю, что Вы больны и что Вы любите Льва Николаевича, и я пришла к Вам". Так имя Ваше собрало двух, и Вы были с нами третий. Лидия Ивановна – моя соседка и обещала навещать меня. "Мимочку" в третьем виде до печати показать не хочет. Я этого не держусь: по-моему, рукопись надо читать (только не зложелателю я не пересмешнику), и из этого чтения я всегда видел пользу. (Не понимаю, как слышавшие "Мертвые души" не видели того, что Петух ныряет в пруде с удовольствием, а Чичиков едет в шубе!) Веселитская, мне кажется, из всех женщин, которых я видел, – всех умнее и искуснее в обращении с идеями. (Она ведь писала Вам.) Наружность ее милая, скромная и высокопорядочная, но с каким-то роковым знаком несчастья... Какое-то такое (не красивое, но милое) лицо, которому непременно как будто надо все страдать и терпеть... На вид ей 32-34 года, и она испытала, должно быть, очень большое семейное несчастье и живет у своих родных, а не с мужем. В уме у нее есть сходство с Яковлевою (Ланской), которая пишет в "Неделе" (был ее рассказ "Наследник" в "Вестнике Европы", имеющий нечто сродное с "Мимочкой"). Будьте здоровы. Усердно благодарю Вас за участие ко мне. Я поправляюсь.

Искренно Вам признательный Н. Лесков.

35. 1893 г. Июля 1.

1/VII. 93. Меррекуль, 94.

Высокочитимый Лев Николаевич!

Мы на днях приготовляемся читать Ваше последнее литературное произведение. Для того Хирьяков привезет ко мне, в Меррекуль, экземпляр рукописи, а 10 июля приедут сюда Веселитская и Меньшиков. Хотела быть тоже и Гуревич, да вряд ли будет, так как ей, кажется, неприятен Меньшиков, а его угораздило еще подогнать как раз к этому времени статью о Волынском в июльской книге "Недели". Будем, верно, читать Ваше рассуждение вчетвером, но никто из нас четырех не знает: представляет ли наш экземпляр последнюю, окончательную редакцию, или после были сделаны Вами существенные изменения. Экземпляр же, которым владеет Хирьяков, привезен в Петербург еще по зиме этого года; а Лидия Ивановна говорит, что она после своей побывки у Вас в мае свезла окончание к Попову в Москву. Это меня приводит в смущение, и я думаю, что мы, пожалуй, будем читать Ваше сочинение в несовершенном его виде... Позвольте мне просить Вас или Татьяну Львовну написать нам (то есть мне: Меррекуль, 94), можно ли экземпляр, списанный зимою (примерно в феврале 93 г.), принимать за удовлетворительный, или сочинение подвергалось существенным изменениям до самого того времени, как Веселитская повезла его в Москву? Если же перемены сделаны не повсеместно, а только в заключительной главе, то и это знать будет полезно. А если Вы или Татьяна Львовна дадите ответ на эти мои строки сразу по получении моего письма, то этот ответ должен прийти в Меррекуль своевременно, то есть к самому нашему сбору, и поможет нам уяснить наши недоразумения. И Вы нам, пожалуйста, в этом не откажите! А мы, которые будем представлять самую первую группу русской публики, занятую чтением Вашего труда, будем замечать: какое это на нас произведет впечатление и "аще обретем кая неудобовразумительная словеса", о тех Вам напишем и "худости ума своего не утаим".

Вам почтительно преданный и благодарный Николай Лесков.

Адрес мой: просто – Меррекуль.

36. 1893 г. Июля 10. Ясная Поляна.

Начал было продолжать одну художественную вещь, но поверите ли, совестно писать про людей, которых не было и которые ничего этого не делали. Что-то не то. Форма ли эта художественная изжила, повести отживают, или я отживаю? Испытываете ли вы что-нибудь подобное? Еще начал об искусстве и науке. И это очень и очень забирает меня и кажется мне очень важным.

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru
Л. Толстой.

37. 1893 г. Июля 28.

28/VII. 93. Меррекуль, 94.

Высокочитимый Лев Николаевич!

Сердечно благодарю Вас за присланное Вами мне письмецо. Строки Ваши мне всегда очень дороги и многополезны, но я стыжусь их у Вас вымогать, потому что Вы "должны всем", а не одному кому-либо. Но когда Вы пишете ко мне - Вы делаете меня радостным. Новое сочинение Ваше мы читали в большой и интересной компании, но с "инцидентами" постороннего свойства, которые мешали если не серьезности, то пристальности чтения. Основательно я его читал до 8-й главы давно, - еще до болезни, которую перенес прошлой зимою; а потом теперь, сам про себя прочел рано по утрам, когда мои гости спали, и, наконец, с усиленным вниманием читали его в третий раз, когда гости схлынули, и у меня остался один Хирьяков, да явился обретенный Лидиею Ивановной молодой поп Григорий Спиридоныч, отрекомендованный ею с той лестной стороны, что он есть "сын (ее) Спиридона Ивановича, до брака с Мимочкой". Я рассудил так, как судит брат наш "Николавра", Черниговский и Нежинский, то есть, что "ежели сочинение написано и назначено для чтения, то его надо не скрывать под спудом, а ставить на свещнике и читать людям". И в согласии с сим добрым братом нашим, я решился преступить запрету нашего "благочинного из Россоши", и принял сына Спиридона Ивановича к чтению. Поп оказался отличным чтецом и прекрасно прочитал все Ваше сочинение вслух в три дня, вперемежку с Хирьяковым, а я уже только слушал и думал о том, что слушаю. Замечаний важных или даже интересных по оригинальности я не слышал ни от кого. Самое веское, что доводилось слышать в этом роде, исходило от очень умного Меньшикова, которого Вы знаете и, - как я слышал от Льва Львовича, - которого Вы признаете за человека одаренного большими критическими способностями (что так и есть); но Меньшиков взял Ваш адрес и хотел писать Вам. Стало быть, мне передавать Вам его мнения не нужно. О первом же его впечатлении лучше всего можно судить по его письму ко мне, которое я послал Татьяне Львовне. Замечания попа (академиста, молодого, очень не глупого и не утратившего стыд) - очень почтительны, но мало интересны. Все они напоминают недавний спор наших ученых медиков, при котором эти никак не могли отличать полезности одного оперативного инструмента от его "портативности". Самое справедливое в этих замечаниях есть "повторяемость" и "усиления"; но, по-моему, это не важно. Хотя жаль, что есть в самом деле, так как по этим местам, конечно, и начнется гусевское обстреливание из Казани. Меня это не заботит: я знаю и говорю, что "Лев Николаевич наш - туляк, и он торгует с запросцем, - чтобы было из чего бедным уступить, и чтобы за уступкою тоже еще хозяину сходно было". В написанном читаем "прификс" для тех, "иже хотят быти совершенны"; а в практическом применении ко всем - возможна и уступка, для отстающих по слабости, - и уступка есть, притом выраженная с такою ясностью, что никакому слабосилию не огорчительно. Так я понимаю и так говорю, и нахожу, что это сочинение Ваше мудро и прекрасно сделано. Надо жить так, как у Вас сказано, а всякий понеси из этого сколько можешь. А если писать иначе, по-ихнему, то трактат пойдет уже не о "полезности", а о портативности и о приспособительности. Это вовсе другое. Я же могу Вам сообщить от себя только одно фактическое замечание о так называемых "духоборцах", о которых доносил Муравьев, что они не хотят брать в руки оружия. Покойный генерал Ростислав Фадеев рассказывал мне, что эти люди сами себе будто нашли занятие и были "профосами" и по их примеру и другие тоже просились "дерьмо закапывать". И я видел раз у редактора "Исторического вестника" копию с какой-то бумаги, где этот факт подтверждался, и я им воспользовался и вывел его в рассказе "Дурачок" (X1 том, который я просил типографию послать Вам). Более я не могу ничего сказать Вам по поводу Вашего сочинения, которое, по моему мнению, должно принести людям большую пользу, если только у них есть уши, чтобы ими слушать, а не хлопать. Все то, что Вы думаете и выражаете в этом сочинении, - мне сродно по вере и по разумению, и я рад, что Вы это сочинение написали и что оно теперь пошло в люди. Сын Спиридона Ивановича ездил на сих днях в Петербург и по возвращении был у меня (еще при Хирьякове) и сказывал, что он уже говорил в Петербурге с неким "синодалом" о том, что прочитал, и что "на него нападали: зачем он это читал!" Но будто бы Янышев тоже сказал, что они "только полицией умеют ограждаться и что сие ненадежно". Лидия Ивановна уехала, не дочитав рукописи далее 9-й главы, так как тут подъехала Любовь Яковлевна Гуревич в большом раздражении на Меньшикова за статью, и сестре нашей Лиде надо было ее успокаивать, и меня больного защищать, а потом увозить Любовь Яковлевну в Петербург и там ее еще допокаивать. А затем Лидия Ивановна

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru хотела предпринять пешее (босиком) паломничество в Колпино "к Божией матери"; а меня просила дать ей список с вашей рукописи, который я себе сделаю. Я ей отвечал, что копию ей дам, но не понимаю, зачем она мучает себя, читая это сочинение: зачем хромать на оба колена: или Толстого надо осудить и проклясть вместе с клянущими его, или "инфаму". Она мне вчера прислала превосходное письмо, – кроткое, но писанное, очевидно, в каком-то борении. О паломничестве босиком в Колпино не упоминает ни словом, но пишет: "Не отговаривайте меня читать это сочинение: мне нельзя этого бояться, и уж конечно не из литературного любопытства я хочу прочесть это. Я надеюсь, что Вы мне дадите Ваш экземпляр. Поручаю Вас Христу, который, во всяком случае, дал человечеству все, что возможно было дать ему, и дает ему еще своих толкователей. А все мы все-таки страшно далеки от него, и подойти к нему можно только любовью и чистотой сердца. И того и другого я только и прошу у Бога – для себя. А для Вас, например, прошу и того и другого". Тут и все: и милая доброта, и приязнь, и шпилечка по моему адресу. А главное, здесь чувствуется какое-то "дыхание бурно" в собственной ее удивительной, чистой, смелой и роскошной душе. Как я рад, что Вы и все Ваши семейные ее полюбили. Простите, что я Вам наболтал много слов с малым толком.

Преданный Вам Н. Лесков.

К писаниям я охоту не теряю, но все болею; а писать хотелось бы смешное, чтобы представить современную пошлость и самодовольство. О том, о чем Вы пишете, я писать не могу и не должен.

38. 1893 г. Сентября 30.

30/IX. 93, СПб. Фуршт., 50, 4.

Высокочитимый Лев Николаевич!

Не посетуйте на меня, что беспокою Вас вопросом по делу, которое, мне кажется, стоит содействия или противудействия и которое мне причиняет досады и, кажется, угрожает профанацией для дел милосердия и сострадания. Я говорю о литературных сборниках, от которых мне нет покоя и которые обыкновенно начинают свою песню с того, что называют себя пришедшими от Вас и имеющими будто бы Ваши обещания... Я давно опасался, что тут есть некоторый "грех" по крайней мере – грех легкомыслия и суетности, но теперь я знаю нечто худшее, а именно, что книжники-кулаки пользуются суетливостью сборщиков и входят в сообщество, при которых сборщики для них обирают писателей, а потом все выручаемое за сборники остается у тех мастеров издательского дела, которые употребляют сборщиков, как кровососок. Я был и остаюсь недругом этого дела, где корыстные люди научают людей легкомысленных заводить затеи для обирательства рабочих людей и нищих, нуждающихся в мирском пособии. Я писал Марье Львовне, что за сборник, изданный будто бы К. Сибиряковым, надо заплатить деньги Сибирякову, который их требует, чтобы издавать опять еще новый сборник с Павлом Ивановичем Бирюковым... А на днях был у меня Никифоров (которого я не знаю) и тоже собирает даровые жертвицы на сборник, который будет издавать на общую пользу без своей корысти какой-то московский рыночник: а этот рыночник за несколько дней писал мне, что он просит меня уступить право на издание моего рассказа за деньги, и я на это не отвечал... и тогда приехал Никифоров, с желанием издавать сборник в чью-то пользу, при содействии того же рыночника, торгующего в Москве на рундучке. Когда Никифоров сказал мне, что Вы обещали дать ему свой рассказ, – дал обещание и я, и рассказ я ему дал; но мне кажется, что мы участвуем в каком-то пустом деле, где прохода действует через мечтателя для своих корыстных целей и яко сын мира выходит много мудрее сынов света в роде своем. Мне же, хотя и лестно быть в числе сынов света, но, с другой стороны, служить обманным людям я не желаю, и прошу у Вас два слова себе во вразумление. 1) Действительно ли Вы обещали г-ну Никифорову свою работу в сборник, предпринимаемый им в сообществе с московским книготорговцем? и 2) в чью пользу будет обращена выручка от продажи этого нового сборника и кем эта денежная операция будет контролирована? Я думаю, что это есть афера для того, чтобы неизвестный рундучник мог рекламировать себя как издатель. Это в лучшем случае, а то тут еще, может быть, есть что-то и похуже... Простите меня, что я Вас к этому отвлекаю, но сборщики начинают обыкновенно с Вашего имени, и Вы, может быть, сделали бы им пользу, если бы помогли им всмотреться в тщету их затей, которые несносно изнуряют писателей и не приносят пользы тем бедным, для которых все это затевают.

Всегда Вам преданный и благодарный Н. Лесков.

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru

39. 1893 г. Октября 4. Петербург.

4/Х-93.

Высокочитимый Лев Николаевич!

Очень сожалею, что беспокоил Вас вопросами делового характера о сборнике г. Никифорова. Через 2 дня едет в Москву Лидия Ивановна Веселитская к Татьяне Львовне, и я с Лидией Ивановной посылаю оригинал рассказа и авторскую записку, в которой написано мое согласие и остается написать только: на какой предмет будет этот сборник. Лидия Ивановна или Татьяна Львовна это обозначат и отдадут г. Никифорову, и тем будет исполнено все его желание. Павел Иванович здесь, и говорит, что он сборника не будет издавать. Довольно их наиздали. Пожалуйста, простите, что я Вас беспокоил моим вопросом. Я нездоров и одинок, а потому и беспомощен, и забываю, что мне накричат при нездоровье: а они так прилежны и так усердны, что впадаешь с ними в отчаяние. Но, может быть, скоро кого-нибудь из этих предприимчивых людей постигнет спасительный урок, и это послужит многим ко благу, чего я и желаю молодым на поучение, а старым на спасение душ. На сих днях за верное передавали, что Лампадоносец вносит прожект, чтобы все книги и брошюры "для народного чтения" и "подходящего к ним типа" пропускались вперед не общою цензурою, а "Учебным Комитетом при Синоде"... Слух этот надо считать серьезным. Слышал, что Вы хвалите Гастона Буассье. Очень рад, что он Вам нравится, а не знаю: за что "героизм" Карлейля Вам не нравится.

Искренно Вам преданный Н. Лесков.

40. 1893 г. Октября 8.

8/Х, 93. Спб. Фуршт., 50, 4.

Высокочитимый Лев Николаевич!

Сегодня получил от Вас ответ на мое письмо о сборнике Никифорова, но до получения этого ответа сделал уже все, что просил Никифоров, то есть выправил и послал ему статью через Лидию Ивановну Веселитскую, которая приехала к Татьяне Львовне и теперь, пожалуй, - у Вас, в Ясной Поляне. Я знаю, что сборники вреда не принесут, но они беспокоят и изнуряют писателей, - людей очень бедных и столько нуждающихся, что для них и для самих можно бы делать сборники. А эти сборщики еще с них тянут и выпускают книги, которые не идут в продажу и не окупают расходов на печать и бумагу, и выходит, что с бедных людей - писателей - собран сбор в размере, какого богачи не дают, а бедным людям - мужикам от этого нет никакой пользы, потому что книги не окупаются и поступлений в мужичью кассу нет. Значит, писатели обобранны напрасно, и это жаль, и продолжать этого не нужно, ибо в этом есть глупость и вред; а между тем за сборничество берутся люди слишком наивные, и они не видят, что делают, и начали уже конкурировать друг с другом, как Знаменская Божья мать с Боголюбскою. "Ходите в свете" идет приманкою в сборнике Хирьякова или Сибирякова, а теперь ее же еще пустит у себя Никифоров, и пойдут уже не Знаменская на Боголюбскую, а прямо "сами на ся"... К чему же это делать и зачем делающим не раскрывать ясно то, что они делают без понятия, по одной своей фантазерской наивности? Я не могу молчать, когда вижу такое делание, и всегда стараюсь его осветить и воздержать от излишней ревности не по разуму. Применительно к тому, что вокруг делается, можно невесть что затевать, да для чего же это?... Припоминается Щедрин с его опытом отправления "применительно к подлости"... Разумеется, все можно простить, если не извинить, но для чего еще лучше не воздержать людей в то время, когда у них "затеи зреют", и их можно остановить, и деятельность их направить хоть немножечко поумнее. Теперь эту глупость (то есть сборники) они пойдут множить, если только кого-нибудь из них не посадят в долгушку, где деятель может опомниться и понять, что он тешил свою суетливость, обирал собратий и ничего не выгадал настоящим голодая и холодаям. Глупее же всего то, что эти "прекрасные люди" (как и я думаю) служат очень дурным целям пройдох и торгашей, которые не дадут им ни 80 ни 8%, и ничего, а положат все в свою кубышку под рундук и издадут на эти деньги "Петербургскую Нану", которая и готова к их услугам. И как я говорю, так оно близко к тому и совершится, и меня это не радует, а огорчает, и я жду от одного из этих предприятий скандала, который поднимут конкурирующие рундучники. Словом, это дело такое, которому нам помогать не надо бы, и я сердит на себя, а не на других. У нас есть путь, - это Сытин, и довольно его; а эти "с бока припеки" к

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru добру не приведут. Я уверен, что это так же понимает и Сытин, и Калмыкова, и графиня Софья Андреевна, если ей известна эта удивительно несообразная затея печь сборники. Умоляю Вас – не будьте к этому равнодушны и, когда можно, воздержите этих очарованных предпринимателей! Пусть придумают себе дело покороче и попроще. Здоровье мое, конечно, непоправимо: это болезнь сердца, а я моложе Вас не много. Но я научился держать себя так, что обхожу жестокие приступы, которые бывают ужасны. Надо не уставать; ходить очень тихо; быть всегда впроголодь и избегать всего, повышающего чувствительность. Последнее достигать всего труднее. При такой осторожности мне несколько легче противу прошлогоднего, когда меня пугала *fuga mortis* (*). Нынче я думаю об этом смелее. Вестями от Вас страстно дорожу, но стыжусь писать к Вам именно потому, на что Вы мне указываете и чего я не боюсь принять за правду: я ведь знаю, как и что надо делать, чтобы быть с Вами в общении, и спрашивать Вас мне не о чем; а отвлекать Ваше внимание к себе без надобности – мне будет стыдно... Но знать о Вас хочу всегда и очень хочу с Вами повидаться, без дела, – любви ради. Если мне не будет хуже до святок, когда у моей сиротки настанут каникулы, то я попрошу друзей (Сытина или Горбуновых) устроить мне приют и приеду в Москву, чтобы побеседовать с Вами. В Ясную мне проехать трудно, и один я совсем не могу ехать, так как припадки сердечной боли страшны и требуют опытной помощи.

(* Приближение смерти (лат.). *)

Пишу я очень мало и вещи совершенно ничтожные, но читаю много и всегда почти за чтением беседую с Вами. Особенно к этому дает много поводов 2-й том Шопенгауэра "Мир как воля", в переводе Мих. Соколова (вышел в Пб. 13 сент. 93). Перевод очень неровен и местами неясен, но все-таки он приятнее фетовского, который можно назвать переводом на египетский (то есть трудный) язык. 2-й том, по-моему, интереснее 1-го, и главы об "отречении от воли жить" просто упоительны по своей силе, глубине, ясности и неотразимой серьезности. Христианство он выводит из браманизма и буддизма и в соединении его с книгами еврейского канона видит возмутительное насилие, которое не извиняет невежеством, а прямо относит к хитрости – устроить "удобную религию". Есть ли у Вас этот 2-й том "Мир как воля"? Рекомендую его Вашему вниманию, "Океан глупости" размахался и хлещет куда попало. Слава Богу, я все понимаю и чувствую. Переход "Посредника" к новому командиру я тоже приветствую и рад служить ему чем могу; но мне кажется, что это еще так не останется, а пойдут еще возвращения – Владимир Григорьевич человек совсем больной. Умную старину я всегда любил и всегда думал, что ее надо бы приподнять со дна, где ее завалили хламом. Вот и Шопенгауэр во 2-й части "Мир как воля" указывает на Эккерта и Ламот-Гион, у которых "легендарный мистицизм покрывает превосходное изложение об отречении воли к жизни". Я это чувствовал и прежде (особенно у Гион), а теперь стал параллельно пересматривать "Способ молиться" (Гион) и "Таинство креста" (изд. Новикова) и пришел в восторг и в изумление: сколько тут ума и добра, и какими это завалено пустословиями! А помните ли еще "Книга жития Енохова, или Способ ходить перед Богом"; или "Наука обращаться с Богом". В Москве ведь все эти книги новиковских изданий можно достать у любителей, да и в библиотеках. Только надо, реставрируя старое, не подавать мысль к уничтожению хорошего нового. Надо, чтобы этого ни за что не случилось и чтобы не было подано к тому соблазна, как вкралось нечто и негде в статье "О неделании", что людям, любящим и почитающим Вас, и задало тону от "поныряющих в дома и пленяющих всегда учащиеся и николи же в разух истины приидти могущие". Написал я всего листка 2-3 иллюстраций к превосходной статье Меньшикова "о китайской стене". Статья называется "Загон". Эпиграф ей из Тюнена об "Уединенном государстве". Там все картины, что была в "загоне" "у своего корыта", когда мы особились, и что опять заводится теперь. Далее начал писать французенку "Мамзель Хальт", которую звали у нас "Халда" и которая принесла нам первые примеры добра и благородства и была не похожа на то, что ворочается ныне в океане, "иде же сливаются животные малые с великими, им же несть числа". Если Вы не отнимаете у меня места у Вашего сердца – поддерживайте меня Вашим словом: Вы для меня очень много значите и очень много для меня сделали, ибо я без Вас блуждал, а с Вами утвердился в том, до чего доходил, но на чем боялся основаться, и не имел покоя, а ныне он у меня есть и мне хорошо.

Ваш Николай Лесков.

41. 1893 г. октября 10.

10/х, 93. спб. фуршт., 50, 4.

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru Писал Вам вчера. Лев Николаевич, много, а на вопрос о синологах не ответил. Синологов теперь я лично не знаю, и думаю, что и вопрошать их, о чем Вы пишете, было бы напрасно. Это люди совершенно равнодушные к духу учений и знают разве только историческую сторону предмета. Все их дело, как у экономок: разложить принятое белье по сортам, в надлежащие ящики комода; а все прочее их нимало не интересует. Об этом я могу говорить с "достаточным основанием". Был тут и жил по соседству со мной "добрый китаец" из посольства, который говорил немножко по-русски и любил рассуждать о вере (мы часто гуляли вместе в Таврическом саду), и он был почитатель Лао-цзы и удивлялся: как западные религиозные люди "начинают с конца", то есть с определенных представлений о боге, а не с того, чтобы разъяснить себе самому и натуру, и в свете этого понимания прозревать дальнейшее умом, освобожденным от мимотекущего обмана! Я все думаю, что, быть может, он и подвинул меня читать все, что я мог находить из творений Конфу-цзы и Лао-цзы; но я этого китаец не видал уже 2 или 3 года и думаю, что он, вероятно, возвратился в Китай или переехал в Париж с маркизом Тцен-ги. А потому я не могу узнать о том, что Вас интересует. Перевод Ваш очень нетерпеливо желал бы прочесть. Удобен ли он к напечатанию в нашей счастливой стране, свободе которой Комаров и Суворин научают завидовать францию? Если удобен, то будем ждать, кого Вы им одарите; а если не удобен, то позвольте списать. Поощренная пирующими в Париже редакторами цензура издавается здесь над их подлым поведением и марает, сама не зная что. Так, например, совершенно напрасно искалечили бедную "Мимочку". Наглость уже пресыщена подлостью и не знает, что ей еще потребовать и над чем измываться? А те стараются и даже превосходят усердием все, что этим снилось, к уничтожению смысла и совести. Помилуй Бог того, у кого нет никакой внутренней жизни! Есть ли у Вас сочинения Ламот-Гион (мистички), на которую ссылается Шопенгауэр во 2-й части "Мир как воля и представление"? Посмотрите ее "Способ молиться", - особенно IX главу (по русск. изд. 1822 г., стр. 30-32). Слыхали ли про нового тавматурга, которого дамы только еще выпускают в свет? Это какой-то "отец Гавриил" из Ораниенбаума, летами моложе Ивана, но даром чудес бойчее: он "положил основать тридцать три монастыря, в меру возраста Христова". Из положенного числа монастырей он будто бы 25 уже выстроил... До чего избрежалась печать! "Новое время" продолжает уведомлять, что наши книжки не шли в городе, тогда как Сытин продал миллион "Чем люди живы" и "Иван дурак", да 500 тысяч "Христос у мужика" и "Совестный Данило". А их нет более и печатать их не дают. И это все-таки никого не устыждает, и на нас лгут и дело представляют в извращенном виде... А "кобель потрясучий" из подворотни так и заливадается... Какого еще можно [ждать?] худшего литературного растления! Меньшиков и я отговаривали Гайдебурова не ехать в Париж, и он как будто боролся с собою, но не выдержал и улетел.

Не забывайте преданного Вам Н. Лескова.

42. 1893 г. Октябрь 16.

Ночь на 16/Х 9. СПб. Фуршт., 50, к. 4.

Сегодня вернулась от Вас Лидия Ивановна Веселитская и пришла меня навестить и долго и много о Вас рассказывала. По ее словам, она очень довольна своею поездкою, хотя опять с Вами не переговорила... Вот задача или незадача! Стасов от нас близехонько, и она к нему пойдет за синологом, а "кобеля потрясучего" кличут Виктором Петровичем. Живет он где-то в Поварском переулке, но дома не знаю, и сам у него никогда не бывал. Ему можно писать в редакцию их издания (М. Итальянская, 18), но, впрочем, Лидия Ивановна послала в адресный стол за справкою и, вероятно, через 2 дня будет иметь возможность сообщить Вам его точный адрес. "О сем довели". "Океан глупости", говорят, вывел Вас из терпения и Вы хотите противопоставить этому отрезвление в немецком издании. Правда ли это? "Океан глупости" противен чрезвычайно, но благоразумно ли ставить свою ладонь против обезумевшего быка? Я ничего опасного не чувствовал в "Царстве Божиим" и теперь уверен, что сочинение это не может вызвать никаких нежелательных последствий; но писать протест и помещать его в немецком издании - это значит сделать вызов, и не одному лицу, а всей орде... Я не отрицаю пользы и славы такого поступка, но я думаю, что тут есть опасность, которой, может быть, следует пренебречь, но которую непременно надо считать вероятною, и даже почти неизбежною. Поступок такого свойства вполне Вас достоин, но... Вы, говорят, недавно читали Герцена, так у него есть сравнение, в котором есть полное сходство с тем, что будет: "Вы явитесь в положении человека, который старается войти в здание в то время, как все оттуда выходят". Мы стары, и нам дорожить собою много не стоит, но надо все-таки знать: чего можно ожидать? А ожидать,

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru по-моему, следует того, что всякое мстительство Вам может быть произведено не только в согласии с "обществом", но, так сказать, как бы в удволение его желаний... К тому, что в "Царстве Божием", прежние читатели Ваши были подготовлены и освоены сочинениями, которые выходили ранее; но удар, направляемый в нынешнюю мету, произведет совсем новое и сильное впечатление. Вы без сравнения умнее меня и дальнороче, но я все-таки хочу Вас просить "семь раз померить" то, что Вы хотите "отрезать". Но в принципе я Вам совершенно сочувствую. Если можно Вам об этом говорить со мною, то не пренебрегайте моим желанием знать: в каком фасоне это будет написано и в какое немецкое издание будет направлено? И почему именно в немецкое, а не в английское? Немецкое приводит целую ассоциацию идей, которые совсем неудобны у нас теперь, а за английскими изданиями держится репутация такая, что там находит себе место всякое благородное слово, которое нельзя у себя высказать.

Преданный Вам Н. Лесков.

43. 1893 г. Октября 20. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Семенович.

Я очень благодарен вам за ваше сердечное участие во мне и советы, и не так, как это обыкновенно говорят иронически, а искренно тронут этим. Вы правы, что если посылать, то в английские газеты. Я так и сделаю, если пошлю, и в английские и в немецкие. Говорю: если пошлю, потому что все не кончил еще. Я не умею написать сразу, а все поправляю. Теперь и опоздал. И сам не знаю, что сделаю. Я верю в таких делах внутреннему голосу и отдаюсь и ему и самим событиям. Голос говорит почти постоянно, что это надо сделать. Тут не только протест, но и совет молодым и неопытным, который старику не следует скрывать. А другое это то, что если следует послать, то это напишется хорошо. До сих пор этого нет, поэтому еще медлю. Вчера я прочел повесть Потапенко в "Северном вестнике". Какая мерзость! Решительно не знают люди, что хорошо и что дурно. Хуже - думают, что знают, и что хорошо именно то, что дурно. Положительно можно сказать, как про наши школы, что они не только не полезны, но прямо вредны, если ими исполняется все тот же мрак. Вся наша беллетристика всех этих Потапенков положительно вредна. Когда они напишут что-нибудь не безнравственное, то это нечаянно. А критики-то распинаются и разбирают, кто из них лучше. Все лучше. Эта повесть Потапенко была для меня *сoup de grace* (*). Я давно уже подумывал, что вся эта беллетристика со включением, и очень, всех Золя, Бурже и т. п., есть бесполезная пакость, а теперь это стало для меня полной несомненностью.

(* Последним ударом (фр.). *)

Прощайте, будьте здоровы и бодры духом. Радуюсь возможности увидеть вас в Москве в ноябре.

Л. Толстой.

44. 1893 г. Октября 25.

25/Х, 93. СПб. Фуршт., 50, 4.

Высокочитимый Лев Николаевич!

Вы очень хорошо сделали, что утешили меня Вашим письмом, на мое письмо о протесте и совете. Я боялся, что мое письмо может показаться Вам наглостью и как бы самомнением о себе и т.п. А потом я стал больше уповать на Вас и уверен был, что Вы так не отнесетесь, а поймете дело как есть. Я действительно бываю пылок и, может быть, излишне впечатлителен, но это и дурно и хорошо: я схватываю иногда в характере явлений то, чего более спокойные люди с "медлительным сердцем" не ощущают и даже отрицают. А так как мне дорого то, что дорого Вам и что в наше время и в нашем месте только и выражается отношениями людей к Вам, то, я думаю, мне надо простить некоторое беспокойство и, так сказать, ревность, что ли, к тому, "как стоят ваши фонды на нашем базаре". Как они понижаются, так сейчас затрудняется возможность делать что-либо в том духе, в каком нам надо. И как у меня тоже есть свой "внутренний демон", то я его беру на совет и думаю: "должен я это сделать, потому что это нужно для дела, и Лев Николаевич, наверно, это так и поймет, и не обидится. Он знает, что я не дурак и не могу находить удовольствия в том, чтобы ему противоречить; а сказать свое я должен, потому что

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru я стою на базаре и вижу, чего он не видит, в своем лучшем положении. Если нужно, чтобы он убавил своей приязни мне – пусть это случится, но сказать ему я должен, чтобы не было никакой темноты от моего умолчания". Я очень счастлив, что это суждение мое не противно Вашему духу и я могу позволять себе роскошь говорить Вам: "Тут ямка". "С протестом" и "советом" идет что-то удивительное: их ждут! И почему и на каком основании – не ведомо, но очень много людей, которым опротивела великая глупость, говорят: "Что же Толстой-то? чего он молчит?" Или еще удивительнее: за верное сказывают, что "Толстой послал протест в "Zukunft", и ищут No No этого немецкого издания. Значит, требуется и нужно: "публика одобряет"; но писать прямо одним немцам – это будет в глаз бить всякому простому человеку, который одно держит во лбу и в сердце, что ведь как бы там ни было, а это они все первые похваляются на всех с силою. Английское издание дает совсем иное, более беспристрастное, нейтральное впечатление и не вызывает такой ассоциации идей, которую не для чего вызывать, чтобы она вертелась под ногами как гусенята в сторожке гоголевского сторожа. Зачем это зарогачевать, а не проводить по ровному? Гладстоном Вы смутили многих, и это очень жаль. "Кто не против нас, тот за нас", а мы у него будто перед глазами платком машем, на котором набито то, что он любит и уважает, и что в самом деле достойно уважения и любви. И вот приходится разъяснять, спорить, слышать всяческие вздоры, и при этом сознавать, что могло быть так, что всего этого не было бы и люди смотрели бы на дело в себе, а не на то, к чему теперь отведены их глаза. Дай Вам Бог написать это как можно лучше, ибо в этом намерении есть воля Божия: это надо сказать людям, и это отнюдь еще не поздно. Помогите Вам Господь говорить добро людям. Повесть Потапенко я еще не читал, но слышал о ней от Лидии Ивановны и других. Отзывы различны. Сюжет скользкий, и Потапенко с ним, вероятно, не справился. Ваше замечание о том, что нравственное у них выскакивает только как случайность, – вполне верно. Преданный Вам

Н. Лесков.

Посмотрите приложенное объявление. Это издает известный шпион и сыщик.

45. 1893 г. ноября 1.

1/ХІ, 93. СПб. Фуршт., 50, 4.

Высокочитимый Лев Николаевич!

Вчера мне случилось видеть "заведующего общежитием студентов" (зятя Бем), и он рассказал мне: как шли "беспорядки" из-за разномыслия в посылке депеш в Париж ("заведующий" этот – такой, какой к этому месту сроден и нужен). Было так: хотели послать депешу очень немногие, а против посылки были все поляки, все немцы и "мелкие народцы", то есть эсты, литвины, хохлы и евреи. Русские же партизаны делились по факультетам: юриста) и филологи подписали в количестве 96-ти человек, а остальные не подписались. А естественники и математики все не подписались. Немцы отвечали прямо, что они "но хотят" посылать депеши; поляки вначале давали уклончивые ответы, но потом тоже стали прямо говорить, что "не хотят" мелкое рассеяние уклонялось от ответов и от подписей. Окна действительно били, и междуусобная потасовка была, начеку. Тогда и были приняты "меры", о которых рассказчик не сообщил, и затем депеша "от студентов" составлена и послана ректором Никитиным. Ответа на нее нет, и это "заведующий" объясняет тем, что в Париже не только знали о разномыслии студентов, но и еще того более: будто бы студенты, через Берлин или другой заграничный город, телеграфировали в Париж, что они этим празднествам не сочувствуют. Сообщаю это Вам для Ваших соображений, и еще раз повторяю, что "заведующий общежитием" зять Бемов (Барсов) человек, который достоин своего поста по своим заслугам, но рассказ его я принимаю за верное и сам на него полагаюсь. На торжестве Григоровича не был. Описания, вероятно, читаете. Письмо Ваше, говорят, было встречено с очень благородною серьезностью и напутствовано живым, как бы демонстративным рукоплесканием. Кони переселился ко мне в соседство и хочет "стучаться вечером", чему я, конечно, рад. Лидию Ивановну видел вчера. Она пишет нечто для Гуревич. Я написал нечто для "Недели", и это уже набрано, но как-то пугает всех, и потому не знаю: выйдет это или нет. Называется это "Загон". По существу, это есть обозрение. Списано все с натуры. Если выйдет это, то, пожалуйста, прочитайте и скажите мне: безвредно это или вредно. Мне не нужно похвал, а нужно проверять себя по суду того, кому верю. Не в том дело, мастеровито ли это, а в том: есть ли сие на потребу дня сего? Мне ведь тоже говорят и так и иначе; а я один, слаб и умом шаток. Обозреньице это читают в корректуре люди разные, и кое-что мне возражают,

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru что будто этого не надо бы; а другие говорят "надо"; и в числе этих редакция "недели", а я сам уверен так, что это представить стоило, и вреда я ничему доброму не делаю. Посмотрите, пожалуйста, и Вы.

Преданный Вам Н. Лесков.

46. 1893 г. ноября 2.

2/ХI, 93. спб. фуршт., 50, 4.

Высокочитимый Лев Николаевич!

В "Вестнике Европы", за ноябрь месяц 93 года, в XV статье, начиная стр. 393-й под рубрикою "иностранное обозрение" напечатаны очень дельные характеристики "океана глупости" и выражены меткие замечания и соображения о "русских журналистах в Париже". Все это, конечно, сухо и в докторальном тоне, но справедливо и хорошо. Считаю не излишним, на всякий случай, указать Вам на это, так как Вы, кажется, "Вестника Европы" не получаете. Во всяком случае, хорошо, что хоть откуда-нибудь послышался человеческий голос, а не одно повсеместное скотское бляние наших "делегатов". За день до юбилея Григоровича сюда приехал из Москвы Гольцев и был у меня прямо с поезда и планировал посетить того и другого и возгласить здравицу "кавалеру"; но я его более уже не увидел, так как ночью прилетели к нему ангелы и умчали душу его обратно в Москву, и так все, что он придумал сказать дорогому имениннику, осталось в нем... Сегодня он пишет мне уже из Москвы, что и там был визит его семейству, и у его семейных спрашивали: "Всегда ли он ночует дома и часто ли не ночует?" Гольцев очень обижен. Суворин возвратился вчера утром (на другой день после производства Григоровича в кавалеры). Я его не видел. Гайдебуров еще не показывает глаз. Может быть, ему будет немножко стыдно, так как я его уговаривал не следовать примеру пошлости и не ехать в Париж, и то же ему говорил Меньшиков, но он не послушал нас, и Меньшикову сказал на словах, а мне даже написал, что "только посмотрит, а делегатом не пойдет и никаких доказательств делать не будет"... Есть такое его письмо, но и я и Меньшиков этому, конечно, не верили, и "Гайдебуров Павел себе чести сбавил". Сегодня в "Новостях" классический Модестов изъясняет серьезное значение образовавшегося "союза народов" и выводит рост русского общества... Очень пошло, но любопытно для объема профессорского понимания. Я теперь не беспокоюсь более о том, что написал для "недели". Пусть посмотрят на этот "рост". Пока еще нет известий, выберется моя статья на свет или не выберется.

Преданный Вам Н. Лесков.

47. 1893 г. декабря 10. Москва.

Дорогой Николай Семенович, уже давно следовало мне написать вам, да сначала не прочел вашей вещи, о которой хотелось писать вам, а потом некогда было. Мне понравилось, и особенно то, что все это правда, не вымысел. Можно сделать правду столь же, даже более занимательной, чем вымысел, и вы это прекрасно умеете делать. Что же вам говорили, что не следует говорить? нечто то, что вы не восхваляете старину. Но это напрасно. Хороша старина, но еще лучше свобода. Слышали ли вы о Хилкове, о том, что его мать по высочайшему повелению, приехав с приставом в место его ссылки, увезла его детей? Я не описываю подробней, потому что вы, верно, все знаете. Какая прекрасная статья Меньшикова! Я все пишу то же и все не кончаю. Москва и ее суета мешают мне работать столько и с такой свежей головой, как в деревне. Как вы живете? Радуюсь мысли увидеть вас.

Любящий вас Л. Т.

48. 1893 г. декабря 14.

14/ХII, 93, спб. фуршт., 50, 4.

Высокочитимый Лев Николаевич!

Покорно Вас благодарю за Ваши строки о моем "Загоне". Я очень люблю эту форму рассказа о том, что "было", приводимое "кстати" (а ргорос), и не верю, что это вредно и будто бы непристойно, так как трогает людей, которые еще живы. Мною ведь не руководят ни вражда, ни дружба, а я отмечаю такие явления, по которым видно время и веяние жизненных направлений массы. Но мне самому очень важно

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru знать, что и Вы этого не порицаете. Я иду сам, куда меня ведет мой "фонарь", но очень люблю от Вас утверждать себя, и тогда становлюсь еще решительнее и спокойнее. К сожалению, моих "а propos" негде печатать. Гайдебуров не только их боится, но еще и страх накликает, и я продолжать эту работу не могу. Тем, что Вы пишете по поводу флотских визитов, я заинтересован до крайности. Правда, что это как будто поздновато будет, но ничего: дельное слово свое возьмет. Зима стоит мягкая и влажная, и это мне на пользу: я не испытываю таких мучений, каким подвергался в прошлом году. Поехать в Москву, чтобы повидаться с Вами, очень желаю и надеюсь; а удобное время к тому только на святках, потому что я один ехать не могу (может сделаться припадок сердечной судороги), а сиротка моя свободна только на святках. А она знает мою болезнь и не теряется, а умеет делать что надо. Теперь в Москве должен быть очень умный Меньшиков, и Вы с ним, конечно, уже беседуете. Статьи его все очень хороши, а "Работа совести" превосходна. Я Вам писал о ней. Посылал я Вам тоже кое-какие весточки, как материал, быть может, годный для занимающей Вас работы. Надеюсь, Вы получили все мои письма. О Хилкове я все знаю, и это отравляет мне весь покой. Хуже всего это – как к этому относятся люди нынешнего общества, совсем потерявшего смысл и совесть. Говорят об этом очень мало и всегда – вяло и тупо и с таким постановом вопроса: – "Это-де как смотреть – с какой точки зрения". И всегда, разумеется, устанавливаются на такой точке, с которой родители "сами виноваты". Для меня это так несносно, что я со многими перестал говорить, чтобы себе и им крови не портить. И главное тут еще то, что мать Хилкова начала это "с благословения Пержана", а Пержан что ни спакостит, то все "свято". Вот он когда сквитовался с Хилковым за сцену в Сумах! Теперь, впрочем, все "mesdames" успокоены, что, "по крайней мере, деток очистят, а то они в чесотке". Не могу про это говорить более и удивляюсь нечеловеческому самообладанию дам и поэтов. Еще, слышно, взяли детей у Паниной, которая тоже в церкви не венчана и дети ее не обмокнуты. Я ее не знаю, но говорят, будто она женщина бойкая, пылкая и мстивая... Спаси ее Бог от большой напасти. И вот, вообразите же, никто из "противленцев" не возвысит голос, и с своей точки зрения не оценит, как это опасно – отрывать детей от сердца матери. Тупость мешает это представить себе, а одно слово, что "отец Иоанн благословил", – все примиряет. "Так и надо". Я кипячусь и ссорюсь, и иначе не могу, и даже, кажется, не хочу иначе. У всех так и поперла поповская отрыжка. И даже те, от кого этого не ждал бы – все на одну статью сделались. Невыносимо грустно, мучительно и противно и в лад слова сказать не с кем, – вот как живу. Удушливый гнев и негодование, по крайней мере, поддерживают дух и не дают места унылости. Читаю всего более "Письма Сенеки к Люцилию". Не хожу ни к кому, потому что везде один тон. Одновременно с Вашим письмом вчера получил письмо из Москвы от "редакции Иогансона", у которой есть редактор, неизвестный мне Василий Евгеньевич Миляев, и ему вздумало издать "сборник"... Он нацеплял "имян" и меня туда же тянет, но Вашим именем не хвастается... Верно, Вы смужествовали, и я последую Вашему примеру. Остепенять надо этих затейников, которые лезут сами не зная куда и зачем.

Преданный Вам Н. Лесков.

49. 1893 г. декабря 15.

15/ХІІ, 93. СПб. фуршт., 50, 4.

Высокочитимый Лев Николаевич!

В последнем письме моем к Вам я сказал в одном месте, что Вы теперь, верно, уже беседуете с Михаилом Осиповичем Меньшиковым. Это я написал, потому что Меньшиков совсем собрался ехать в Москву, и я уже пожелал ему счастливого пути и радостной встречи с Вами; а он вчера пришел ко мне неожиданно и объявил, что сборы его рассыпались и он не поедет за редакционную работу, которой теперь очень много. Я Вам это и пишу, чтобы объяснить соответствующее место в моем прошлом письме и не явиться перед Вами легкомысленником. Вчера получил известие от великосветской дамы (кн. М. Н. Щербатовой), что рассказы старой Хилковой о заразной нечисти на детях Дмитрия Александровича не подтвердились: чесотки нет; а цели для отобрания их две: 1) окрестить и 2) усыновить и укрепить за ними наследство. Обе эти цели встречают почти всеобщее одобрение, – особенно вторая, то есть закрепление наследства. Говорят тоже, что будто "потом детей возвратят", но я думаю, что это "потом" будет очень не скоро. Вообще мероприятие это принято с ужасною тупостью ума и чувств. Есть даже "благословляющие" и уверенные, что "этим путем будет спасен и отец, который возвратится к Богу". И это не у одних православных, а и у пашковцев. Ругин (Иван Дмитриевич), перешедший к пашковцам (он "уверовал в

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru спасение"), вчера принес мне известие, что у них тоже радуются, что Дмитрий Александрович "придет", и уже молились "за него и за Вас", - чтобы и Вас Бог "привел". Слушаешь будто что-то из сумасшедшего дома. Было "пророчество" и на Марью Львовну, что она тоже "придет" и "будет спасена", и т. п. Сентиментальное место у Жуковского о смертной казни я нашел: это в 6-м томе 6-го издания (1869), начиная с стр. 611. Приспосабливаюсь этим воспользоваться. Происшествием с Хилковым удручен до изнеможения и не могу, да и не хочу, приходить в иное состояние, ибо это почитаю теперь за самое пристойное. Какие рассуждения при такой скорби? Если все будет идти так, то лучше ни с кем не видаться, чем прилагать мученье к мучению. - У Сенеки встречаю много прекрасных мест о "неделании", и все это изложено в восхитительной ясности. Вспоминаю Вас за этим чтением. Об ответах на мои письма никогда не прошу Вас, но, если получаю Ваши строки, то бываю ими утешен и обрадован, а нередко и укреплен, - в чем постоянно и сильно нуждаюсь.

Преданный Вам Н. Лесков.

50. 1894 г. Апреля 8.

8/IV. 94. Фуршт., 50, 4.

Высокочитимый Лев Николаевич!

Я избегаю того, чтобы беспокоить Вас письмами; но теперь имею в этом неотразимую духовную надобность, с которою могу обратиться только к одному к Вам. Потому, пожалуйста, прочтите мои строки и скажите мне свое мнение. Дело в том: "что полезно писать?" Вы раз писали мне, что Вам опротивели вымыслы, а я Вам отвечал тогда, что я не чувствую в себе сил и подготовки, чтобы принять новое направление в деятельности. Это была простая перемолвка. С тех пор прошло кое-что новое, и многие приступают с тем, что "надо-де давать положительное в вере", и просят от меня трудов в этом направлении, а то, что делаю, - представляют за ошибочное. Это меня смущает. Вера моя вполне совпала с Вашею и с верою Амиэля. Положительного я знаю только то, что есть у Амиэля, у Вас, у Сократа, Сенеки, Марка Аврелия и других Богочтителей, но не истолкователей непостижимого. Хотят не того, и этого хотят не какие-нибудь плохие, а хорошие люди, которые как будто наскучили блужданием и служением Богу в пустыне, и хотят видеть и осязать его, а я, конечно, знаю, к чему это вело людей ранее, и к чему ведет и уже привело иных теперь, - и я от этого служения отвергаюсь и положил: продолжать делать то, что я умею делать, то есть "помогать очищению храма изгнанием из него торгующих в нем". Это сказал кому-то о себе Каульбах, и мне это давно показалось соответствующим моему уму, моему духу и моим способностям. Я не могу "показывать живущего во святая святых" и считаю, что мне не следует за это братья. Мне столько не дано, и с меня это не спросится. Но "горница должна быть выметена и послана" ранее, чем в нее придет "друг всяческой чистоты". Работая над тем, над чем я работаю, то есть соскребая пометы и грязь "купующих и продающих" в храме живого Бога, - я думаю, что я делаю маленькую долю своего дела, то есть дела по моим средствам, - дела, с которым я привык уже обращаться и достиг некоторого успеха. Я думаю, что делание это и теперь (и даже особенно теперь) вовсе еще не бесполезно, а напротив - оно нужно, и я могу и должен, его продолжать; а не устремляться к осуществлению задач, которых я не могу выполнить. Словом, я хочу оставаться выметальщиком сора, а не толкователем Талмуда, и я хочу иметь на это помимо собственного выбора еще утверждение от человека, который меня разумнее. И вот об этом я Вас прошу. То небольшое дарование, которое дано мне для его воздвизания, не может произвести великих произведений. Это вне всякого сомнения, и я это всегда знал и никогда за этим не гнался. Если я не стану делать того, в чем привык обращаться, то я иного лучше не сделаю; а в моем роде одним работником будет менее. Поэтому я хочу держать свой термин и думаю, что я поступаю правильно. Я очень дорожу Вашим советом: не откажите сказать мне: хорошо или нет я рассуждаю и поступаю? Пусть ответ Ваш будет хоть самый короткий: "Благословляю Вас оставаться при метле". Утверждение Ваше я сберегу, если нужно, в святой тайности.

Преданно любящий Вас Лесков.

В Петербурге я до 20 мая, а после (до августа) "Меррекуль, 90".

51. 1894 г. Мая 14. Ясная Поляна.

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru
14 мая 94 г.

Николай Семенович, в последнее время мне привелось так очевидно неправдиво употреблять обычные в письмах эпитеты, что я решил раз навсегда не употреблять никаких, и потому и перед вашим именем не ставлю теперь ни одного из тех выражающих уважение и симпатию эпитетов, которые совершенно искренно могу обратиться к вам. То, что я писал о том, что мне опротивели вымыслы, нельзя относить к другим, а относится только ко мне, и только в известное время и в известном настроении, в том, в котором я вам писал тогда. Притом же вымыслы вымыслам рознь. Противны могут быть вымыслы, за которыми ничего не выступает. У вас же этого никогда не было и прежде, а теперь еще меньше, чем когда-нибудь. И потому в ответ на ваш вопрос говорю, что желаю только продолжения вашей деятельности, хотя это желание не исключает и другого желания, свойственного нам всем для себя, а потому и для людей, которых мы любим, чтобы они, а потому и дело их, вечно, до смерти совершенствовались бы и становилось бы все важнее и важнее, и нужнее и нужнее людям, и приятнее Богу. Всегда страшно, когда близок к смерти, я говорю это про себя, потому что все больше и больше чувствую это, что достаешь из своего мешка всякий хлам, воображая, что это и это нужно людям, и вдруг окажется, что забыл и не вытряхнул забившееся в уголок самое важное и нужное. И мешок отслуживший бросят в навоз, и пропадет в нем задаром то одно хорошее, что было в нем. Ради Бога, не думайте, что это какое-нибудь ложное смирение. Нашему брату, пользующемуся людской славой, легче всего подпасть этой ошибке: уверишься, что то, что люди хвалят в тебе, есть то самое, что нужно Богу, а это нужное Богу так и останется и сопреет. Так вот это страшно всем нам, старым людям, я думаю, и вам. И потому жутко перед смертью и надо шарить хорошенько по всем углам. А у нас еще много там сидит хорошего. Пока прощайте. Желаю, чтобы письмо это застало вас в Петербурге и в добром телесном и душевном состоянии.

Лев Толстой

52. 1894 г. Мая 18.

18/V. 94. фуршт., 50, 4.

Высокочтимый Лев Николаевич!

Усердно благодарю Вас за ответ на мое письмо. Я написал Вам, потому что нуждался в укреплении себя Вашим словом; а потом каялся, что Вас беспокоил. Так мне и всегда бывает, когда напишу Вам; а потом приходит от Вас ответ, и я бываю обрадован до веселия духа. Сердечно благодарю Вас за эти радости. "Прилагательные" в начале писем, равно как и "уверения" перед подписью ужасны, и я это чувствую всю жизнь, и Тургенев, помнится, этим томился. Я и отступаю от этого давно, где только это совсем противно тому, что я чувствую, и мы все, с Вашего почина, это поослабили; но Вам я пишу с прилагательным, во 1-х, потому что оно выражает то, что я чувствую, а во 2-х, что мне было бы чрезвычайно неприятно обращаться к Вам иначе. Панибратство с Вами было бы большею искусственностью и манерностью, чем привычка и потребность держать с Вами тон простой и искренней почтительности, к которой нас обязывает и благодарность к Вам за труды, понесенные Вами на общую человеческую пользу. О самом предмете моего вопроса Вы мне ответили довольно для меня вразумительно, и это совсем мне не по мыслям. Я не хочу и не могу написать ничего вроде "Соборян" и "Запечатленного ангела"; но с удовольствием написал бы "Записки расстриги", героем для которого взял бы молодого, простодушного и честного человека, который пошел в попы, с целью сделать что можно ad majorem Dei gloriam (*), и увидавшего, что там ничего сделать нельзя для славы Бога. Но этого в нашем отечестве напечатать нельзя. Меня же берут и с этой стороны и еще с другой, о которой я более сожалею. Я Вам писал для того, чтобы укрепить себя на произведение желательных впечатлений не только путем положительным, но и отрицательным, который только и возможен в иных случаях. Его-то, однако, и осуждают и требуют изображений "буколических" и "умилительных". Я считаю это за требование неосновательное, вослед которому я не пойду. Я так сделал бы и сам, но теперь нахожу поддержку и в Вашем слове. Этого мне и довольно. Пространнее об этом говорить не для чего. Истома от дыхания не далеко ожидающей смерти я теперь по милости Божией не ощущаю. Было это позапрошлой зимою, и Вы мне тогда писали, что тем я как бы отбывал свою череду. Пока оно остается так. Думы же о смерти со мной не разлучаются и приходят моментально даже в первое мгновение, когда проснусь среди ночи. Я считаю это за благополучие, так как этим способом

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru все-таки осваиваешься с неизбежностью страшного шага. Из писавших о смерти предпочитаю читать главы из Вашей книги "О жизни" и письма Сенеки к Луцилию. Но как ни изучай теорию, а на практике-то все-таки это случится первые и доведется исполнить "кое-как", так как будет это "дело внове". Надо лучше жить, а живу куда как не похвально... А в прошлом срамоты столько, что и вспомнить страшно. Ваше предчувствие "близости" исполняет меня скорби. Мы, конечно, дошли до "земного предела" (я моложе вас на 3-4 года), но я бы хотел, чтобы Ваши предчувствия не были точны: я чувствую в Вас долговечие, и дай Бог Вам еще послужить человечеству. Простите, что Вас беспокоил и, может стать, еще так же побеспокою. Намереваюсь ехать в Меррекуль - 22-го мая.

(* К вящей славе Бога (лат.). *)

Никол. Лесков.

Не откажите сказать мой поклон графине Софье Андреевне, Марье Львовне, Татьяне Львовне и Льву Львовичу. Видел Ваш новый фотографический портрет, а портрета Ярошенко не видал.

53. 1894 г. Августа 1.

Меррекуль, 90. I/VIII, 94.

Высокочитимый Лев Николаевич!

Мы давно слышим о том, что Вы занимаетесь катехизацией христианской веры. Меня этот слух исполнял чрезмерной радостью и утешением: это как раз то "самое нужное", что нужно сделать и что нынче только Вы один и можете сделать. И по сему следует, что Вы должны это сделать для пользы людей, выведенных Вами из темноты предрассудков и суеверий, но тоскующих и сетующих о "неимении ничего положительного" в вере. Сетования этого рода слышатся всего чаще, и именно от людей живых и способных к духовному росту, то есть самых дорогих людей, на которых приходится радоваться и о них же грустить и плакать. С появления в свет книги "О жизни" включительно до "Царства Божия" Вами высказано так много, требующего свода и закругления, что Вам можно сказать почтительное замечание: умы распалены и томятся, не находя прохлады, способной утолить их терзания. Это "святое недовольство" пробудили Вы, и Вы должны подать им чашу студеной воды для утоления зноя. Положительное изложение христианского учения в катехизической форме нужно более всякого иного литературного труда, и работа эта, - Вы увидите, - будет знаменитейшим Вашим произведением, которое даст место Вашему имени в веках и сделает дело прямо сказать апостольское. Как ни мал и как ни слаб ум мой, но я обнимаю все это дело и вижу, как оно станет в ряду событий и что оно принесет христианству. Христос, конечно, Вас встретит и обнимет, или, может быть, лучше сказать: он Вас уже встретил и обнял. Это Вы делаете труд великий, чрезвычайно нужный и никому иному, кроме Вас, непосильный. Меньшиков, уезжая с Лидией Ивановной из Меррекуля, обещал мне похлопотать, чтобы дать мне возможность познакомиться с этим Вашим "Катехизисом"; но сегодня Меньшиков прислал мне из Ростова письмо, где говорит, что в Москве нет еще "Катехизиса" и что Вы его еще пишете и пишете "очень тщательно и осторожно". Так это еще радостнее! Труд такого большого значения должен быть исполнен со всею обдуманностью, и дай Бог Вам силы и терпения его выполнить во всем совершенстве. Но мне все думается: доживу ли я на земле до того времени, когда это сочинение будут читать? А мне хотя и не боязно и не дико идти за Вами и совсем легко быть с Вами в единоверии и единомыслии, к которым я пришел давно, но мне тоже очень важно уяснить многие мои недомыслия прекрасною ясностью Вашего разума и проникновения. И так как надеюсь, что Вы этому верите, то и прошу Вас: нельзя ли позволить мне ознакомиться с этим сочинением прежде, чем оно будет отпечатано? Конечно, отпечатанное опять придется получать с хитростями, а лучше бы хотелось получить его список. И вот прошу Вас: разрешите мне получить в списке все, что можно из этого сочинения, а я, конечно, не злоупотреблю Вашим доверием. Если есть кто-либо, желающий письменного заработка, - такой человек, который может снять список, - то пусть бы он это сделал и отдал бы тот список Ивану Ивановичу Горбунову, который за меня и расплатится. Прошу Вас, если это можно, - разрешите; а если нельзя, и не надо. И в сем последнем случае не осудите за доuku мою. О друге вашем Н.Н.Ге я, как жается, не могу писать и Стасову еще не отвечал. Я часто говорю здесь о Ге с Шишкиным и Волковым, и все раздражаюсь и убеждаюсь в огромных превосходствах Ге над всеми людьми его среды. Если писателю не легко протереть себе глаза и начать видеть, "где свет", то колыми паче сим,

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru последователям Александра и Деметрия, делавшим статуэтки и храмы Дианы Ефесской. Я бы на это и налег и даже на сем камени стал бы строить память Ге, но это раздражит Александров и Деметриев, да и самому Стасову будет не по носу табак. Он уже меня вопрошает, когда они были лакеями? (в известном, конечно, смысле): а я не знаю, когда они таковыми не были?! И если не были в смысле подхалимства перед "заказчиками", то были "художественные нахалы". Ге ушел от всего этого и на прощанье со мною радовался на Валентина Серова, который отказался от должности в Академии художеств, потому что не хотел делать пустого дела при очевидной невозможности учить искусству с хорошими целями. А 70-ти летний Шишкин, и Репин, и В. Маковский, и tutti frutti все "свиньем поперли" и будут ходить в мундирах и "виц-мундирных фраках". Ге хотел Туда идти, "чтобы поглядеть этот срам", которому себя предадут люди сытые, прославленные и "никем же гонимые - сами ся гонят"... Я бы по поводу Ге все говорил колкости и обиды этим "прирожденным холопам", и Стасову это было бы неприятно; а потому, вернее всего, я откажусь писать о Ге. Низко Вам кланяюсь и прошу порадовать меня какою-нибудь вестью о том труде Вашем, который Вас занимает. Любящий Вас и Вам благодарный

Николай Лесков.

В Меррекуле думаю остаться до 16 августа. У моря мне немножко легче.

54. 1894 г. Августа 14? Ясная Поляна.

Дорогой Николай Семенович, боюсь, что работа, за которую я взялся и о которой вы пишете, мне не по силам. До сих пор, несмотря на упорное занятие, я очень мало подвинулся. Я думаю, что я захотел слишком многого: изложить в краткой, ясной, неоспоримой и неспорной и доступной самому неученому человеку форме - истину христианского мировоззрения - замысел слишком гордый, безумный. И оттого до сих пор ничего нет такого, что бы не стыдно было показать людям. Впрочем, в таком деле должно быть все или ничего. И до сих пор, да, вероятно, и навсегда, останется ничего. Хотя для меня лично работа эта очень полезна, она и поучает и смиряет, и я не бросаю ее. О Ге я не перестаю думать и не перестаю чувствовать его, чему содействует то, что его две картины: "Суд" и "Распятие" стоят у нас, и я часто смотрю на них, и что больше смотрю, то больше понимаю и люблю. Хорошо бы было, если бы вы написали о нем! Должно быть, и я напишу. Это был такой большой человек, что мы все, если будем писать о нем, с разных сторон, мы едва ли сойдемся, то есть будем повторять друг друга. Рад знать, что здоровье ваше относительно лучше. Если не увидимся здесь - чего бы очень желал - то увидимся - не увидимся, а сообщимся там, то есть, не там, а вне земной жизни. Я верю в это общение, и тем больше, чем больше тот человек, об общении с которым думаю, вступает здесь уже в область духовной жизни. Сам в одну дверь уже вступаешь, или заглядываешь в эту область вне временного, вне пространственного бытия и видишь, или чувствуешь, что и другой вступает или заглядывает в нее: как же не верить, что соединишься с ним? Прощайте пока, дружески жму Вам руку.

Лев Толстой.

55. 1894 г. Августа 21.

21/VIII, 94. спб. фуршт., 50.

Высокоуважаемый Лев Николаевич!

Перед самым отъездом из Меррекуля, где дышать очень легко, и переездом в Петербург, где дышать трудно, я получил Ваше дорогое письмо, с ответом на мои недоразумения о том: писать или нет о друге нашем Н.Н.Ге. А до тех пор Стасов мне еще раз написал об этом самом, да потом побудил к тому общую нашу приятельницу Елизавету Меркуриевну Бем. Я все отпирался, потому что не понимаю: зачем нужно такое сотрудничество?! Другое дело "сообщить письма", но зачем же нужно, чтобы мы писали, а Владимир Васильевич наши писания вписывал в свое сочинение? Право, куда ни толкнись, повсюду находишь какую-то беспорядочность, суету и сутолоку... Я должен повидаться со Стасовым и добиться от него толку: что такое он затевает? Сначала речь шла о "сборнике" (еще мало их!); а во втором письме он уже говорит о "статье", которую он напишет для какого-то журнала и в эту статью вкратит то, что сообщали ему лица, которых он запросил о Ге... Это мне совсем не представляется ни удобным, ни справедливым. Я не противоречу Вам и думаю, что о Николае Николаевиче все мы можем написать, "не повторяя друг друга", но, кажется, гораздо лучше, чтобы мы сделали это "выведенные на

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru свободе", каждый за свой собственный страх... На что же нам писать "под редакцией" хотя бы даже и Владимира Васильевича Стасова? По-моему, это совсем лишнее стеснение и повод к несогласиям и спорам. Этого мнения я не вижу возможности изменить, хотя после письма Вашего я готов попробовать сочинить нашему другу "похвальное слово" за его преимущества в деле служения "свободному" и освобождающему искусству. Но тут-то я и должен буду впасть в тот тон, который мил Стасову не будет, тем более что за последнюю гостинку Ге в Петербурге он со мною много говорил о стасовском национализме и порицал его за его крайности, "сбивавшие людей с толку". Из Вашего письма я, однако, не вижу, что Вы дадите свою работу о Ге, как составной элемент для статьи Владимира Васильевича, и я полагаю даже, что Вы этого не сделаете и что делать этого не надо, и что Владимир Васильевич что-нибудь путает и представляет себе обещания в ином смысле, нежели они ему выражены. Но если я ошибаюсь, а не Стасов, и Вы пойдете только как вкладчик в стасовскую статью, тогда я ему напишу письмо, в котором изложу только то, что найду сообразным этой стеснительной и неприятной форме сборной характерности одного характера. Пока же это не разъяснится, я буду думать, что ошибается Стасов и что и Вы, и я можем подать свой голос прямо от себя. Мне было бы очень полезно это узнать, и если это Вас не затруднит, я усердно прошу об этом. Здоровье мое, без сомнения, непоправимо (ангина не излечивается), но сравнительно сносно. По крайней мере, так было в сосновом лесу, на скалах и над морем. Я пользуюсь облегчением с жадностью, и много читаю и не мало пишу, только все "вдоль", без отделок, и теперь, может быть, стану обрабатывать. В Меррекуле нестерпимо тянуло под солнце, в лес и на Удргасскую скалу, переименованную у нас в скалу "Пренепорочной Лидии", так как она тут и жила как русалка, и чуть ли не слетела раз отсюда в море и пришла вся мокрая по шею. Она прожила в Меррекуле 18 дней и пела в церкви 7-й No "херувимскую" и "многая лета". Одновременно был там и Меньшиков и херувимскую с многолетием слушал. Лидия Ивановна все та же, как и была, а Меньшиков как будто "предлагается" – все томится по "положительным верованиям", а этого рода томления и тоска, по моему наблюдению, ведут на тот путь, которым пошел Алехин и Ругин и сойдут еще многие, без различия их умственных средств. Я иногда их "отпрукиваю" и, по совету Нила Сорского, "сдерживаю с облак за ноги, дабы могли зрети землю и иметь суждение с разумом растворенное", но слово мое не искусно и не сильно, а порывы желающих найти "приют веры" очень сильны, и никакое "растворение в разуме" им не мешает производить смущение в умах. Имя Ваше беспрестанно на устах у людей, особенно у людей того сорта, из которого состоит приморский дачник, но это не для того, чтобы искать света и уяснить себе свое положение в "земной эпизоде", а прямо для спора и для кривляний. Со мной были Ваши сочинения, которые я наиболее читаю: "Евангелие", "О жизни" и "Царство Божие", но я их в нынешнее лето уже прямо не давал никому, потому что читают не для пользы, а для глупых разговоров, ничего не выясняющих, кроме глубокой погруженности людей во мрак самодовольной пошлости. "катехизис" был бы очень потребен, но, без сомнения, Вы не преувеличиваете трудности такого сочинения... Конечно, оно очень трудно, но зато оно и очень нужно... Вам бы надо собрать все силы, чтобы попробовать это сделать. Думаю, что Вы сами видите, что без этого как будто недостает того камня, который может стать в своде замком. Но, если бы Вам это и не так казалось, то Вы тут не авторитет, ибо "со стороны дело виднее"... А "со стороны" смотря, и видно, что это нужно; и именно это, а не что-нибудь другое. По крайней мере, я это вижу с ясностью, которой яснее не может быть самая очевидная вещь. Ничто (кроме пересказа Евангелия) не потребно столько, как катехизическое изложение: во что христианин может верить, "содержа веру с разумом растворенною". Разум позволяет молить Бога, чтобы Вам было дозволено и внушено это сделать. Читали ли Вы "Лурд"? Противная манера письма и много легкомыслия в суждениях, но вещь (по-моему) все-таки очень полезная. А главное, критик (мало-мальски смысленный) имеет большое раздолье высказать по поводу этого сочинения очень полезные суждения (например, "командор"). Все-таки земля является "станцией" и "эпизодом" в жизни духа, "облеченного в кожаную ризу". И что тут канючить о продлении мучительного пребывания, когда конец его есть очевидное избавление от мук в страдающем теле. И Меньшиков мог бы об этом писать, но он и сам едва ли не ищет чуда.

Преданный Вам Н. Лесков.

56. 1894 г. Августа 25-26. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Семенович, сейчас получил ваше письмо и спешу ответить. Предлагая вам писать о Ге, я никак не думал о том, чтобы вы отдали свое писанье Стасову или чем-либо стеснялись в выражении ваших воспоминаний и мыслей. Я

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru разумел, что вы напечатаете где-нибудь в журнале, и очень радуюсь тому, что вы это сделаете. Спасибо вам за поддержку в моей работе. Я очень ценю ваше мнение. Работа подвигается. Будьте радостным.

Ваш Л. Толстой.

57. 1894 г. Августа 28.

27/VIII, 94. спб. Фуршт., 50.

Покорно Вас благодарю. Лев Николаевич, за то, что Вы мне разрешили мои недоумения насчет того, как я могу писать о Ге. Я, признаться, и не думал, чтобы Вы намечали как-нибудь иначе, и особенно так, как представляет это себе Владимир великий. В том все и горе, что как дойдет дело до воспоминаний о человеке, жизнь и деятельность которого представляют собою интерес и поучение, наперебой этому является суетность воспоминателей, и дело на этом очень много теряет. Вы и Ваши дочери отдали бывшие у Вас письма Ге... Я никак не решился бы сказать: хорошо Вы это сделали или нет; но сам я так не поступил бы. Я знаю все хорошие стороны Стасова и очень его уважаю, но думаю, что он все-таки всего более то, что сказал о нем Щербина, то есть "служебный якобинец", и таких теплых нежных тонов, какие были в Ге, он не может усвоить и не в состоянии их воспроизвести. Он, без сомнения, захочет "раззолотить главу" Николая Николаевича, но наклеет всю эту позолоту на своей амальгаме. Я сожалею, что за это взялся именно Владимир Васильевич, и утешаюсь только тем, что другие проворные люди сделали бы это еще хуже. Из таких один (Фаресов), писавший в "Вестнике Европы" об Энгельгардте, совсем уже изготавился строчить о Ге и отравлять мне вечерние часы рассказом о добытых им "материалах" (то есть письмах от Костычева), после чего я должен ему что-то советовать. А что же можно советовать людям, которые собираются писать о человеке, водившемся верою, не только не содержа в себе никакой веры, но даже почитая это за излишнее и смешное. Вот это и будет таковы первые два "воспоминания" о Ге, - людей, с которыми у него не было общего в самом главном. Фаресов не понимает в этом ничего, но он уже побывал в редакции "Вестника Европы", и Пыпин сказал ему, что их это интересует. Стало быть, воспоминания явятся Фаресова в "Вестнике Европы", а Стасова в "Северном вестнике". По крайней мере, так мне говорил вчера флексер, который был у меня еще раз вчера вечером опять с этим же Фаресовым и говорил, что Стасов ждет моего вклада. Что за напасть, право! А я самого Стасова еще не видал и боюсь, что, заговорив с ним, стану горячиться, а это мне беда. Но во всяком случае я "вклада" делать не могу, потому что я с Владимиром Васильевичем во множестве вещей не согласен, особенно после того, как он егозил с Аданшиным альбомом и втравил в это достопочтенную Надежду Васильевну. Потом в хохлатчине поднимаются "враги" Ге, которые знают за ним что-то такое, что желают "обличить"... Мне это передала жена Хирьякова, на сих днях возвратившаяся из Чернигова. Неловкие воспоминания могут все это раззудить и вызвать дрянные речи, которых бы не надо. И потому, думается, пусть уж делается то, что заделано (Стасов и Фаресов) и чего остановить нельзя; а мне и Вам торопиться не для чего, а очень благоразумно повременить, так как очень может быть, что нам еще доведется сказать слово кстати по поводу чьих-либо неверных суждений. Так, по крайней мере, мне кажется лучше. В Вашем маленьком письмеце стоят слова, что Вы "очень цените мои мнения". Мое к Вам почтительное и любовное отношение не позволяет мне видеть ни в одном Вашем слове чего-нибудь похожего на так называемую "любезность", и потому я и эти слова Ваши принимаю всерьез, а мне от них конфузно... Какую цену могут иметь мои мнения перед Вашим умом? Разве цену толкового читателя. Если это так, то это верно: понятливость во мне есть, а люблю я то самое, что и Вы любите, и верю с Вами в одно и то же, и это само так пришло и так продолжается. Но я всегда от Вас беру огня и засвечиваю свою лучинку и вижу, что идет у нас ровно, и я всегда в философеме моей религии, (если так можно выразиться) спокоен, но смотрю на Вас, и всегда напряженно интересуюсь: как у Вас идет работа мысли. Меньшиков это отлично подметил, понял и истолковал, сказав обо мне, что я "совпал с Толстым". Мои мнения все почти сродны с Вашими, но они менее сильны и менее ясны: я нуждаюсь в Вас для моего утверждения. Но как толковый читатель и притом вполне согласный и сильно Вам сочувствующий, я, конечно, могу себе позволить сказать Вам, что думаю и что чувствую. И вот потому и теперь я говорю: завязать узел катехизисом есть мысль превосходная и дело очень важное. Кроме Вас и Филарета, этого никто сделать не в состоянии. Филарет свое сделал, а теперь сделайте Вы. Я понимаю, что это дело ужасной трудности и даже для Вас, и, несмотря на то что Ваши средства мне кажутся исполнинскими, я все-таки не уверен, что это непременно выйдет хорошо в лучшем виде, но почти уверен, что оно все-таки выйдет хорошо и

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru будет очень полезно. Вот потому мне и не жаль, что Вы трудитесь над этим очень трудным, но и очень важным делом. Помогай Вам Бог: это очень нужно, и Вы не должны отменять себя с этой работы, так как ее, кроме Вас, некому сделать. Измена и ослабление и шат идет по всей линии. Удивительно! "Положим маску снять - зачем снимать рубашку?" Прибыл Ругин от Поши... Что говорит, так именно уши вянут. В чем они "разочаровались" и кто их очаровывал? Какие все пустые слова и пустые заботы! Думается, что этого совсем могло бы не быть. То, что Вы вычитали и изъяснили, никакого зачарования не имело, а ставило в свете вопросы, до сих пор затененные, и отчего, если это у десяти человек не отбило смысла и разумной веры, - отчего остальным понадобилась такая чехарда?.. Но дело великое сделано: людям дано в умы верное направление. Это Ваша бессмертная заслуга. Надо бы, пожалуй, сократить споры... Мне кажется, они совсем не полезны. Искренно стремящимся к вере все ясно и как они верят, так и жить могут. Меня споры умаяли до усталости.

Преданный Вам Н. Лесков.

1) Не прошло ли у Вас незамеченным, что у ап. Павла есть указание на обязанность родителей "собирать имения детям"? Это во 2-м послании к Коринфянам, гл. 12, ст. 14. 2) Известно ли Вам, что на старом языке у нас "наследство" называлось "задница"? Это встречается два раза в примечаниях к "Истории" Карамзина (506) "тяжати о задницу". По изъяснению Петрова, "Опыт словаря древних речений" (1831), это значит "иметь спор о наследстве".

58. 1894 г. Сентября 12.

12/IX, 94. СПб. Фуршт., 50, 4.

Усердно благодарю Вас, Лев Николаевич, за большое удовольствие и пользу, которые я получил на сих днях от Ваших трудов. На днях я прочитал "Патриотизм и христианство", критическую статью о Мопассане и перевод превосходного письма Мазини. Впечатление от всего этого полное, радостное и полезное. О патриотизме и христианстве я думал точно то же, но в изъяснении "безнравственности" патриотизма Вы дали мне новые определения и доказательства, которых я не мог себе выбрать и составить. В первой половине статья читается тяжело: чувствуются длинноты и видно, где они заключаются: это выписки из газет, которые очень долги и не всегда оправдываются необходимостью. Если читает чтец не особенно "мастеровицкий", то слушатели просто начинают "нудиться" на этих обширных выписках, и это потом вредит всему впечатлению превосходной второй половины, я прочел "про себя" 2 раза, да присутствовал 3 раза при чтении вслух, и все выходили одни и те же результаты: выписки очень длинны, и их бы очень полезно было сократить, оставив только важнейшие места. Так это кажется мне и другим, а как Вы когда-то писали, что хотите знать о впечатлениях, то я Вам и пишу это. Критическая статья о Мопассане чрезвычайно хороша. Этот могучий человек мне всегда представлялся птицею с огромными и сильными крыльями, но с вытрепанным хвостом, в котором все правильные перья изломаны: он размахнет широко, а где сесть, не соразмерит. Все сказанное Вами о нем очень верно, и статья написана так, как бы и надо писать критики, не только для того, чтобы дать людям верное понятие об авторе, но чтобы и самому автору подать помощь к исправлению своей деятельности. Мопассану, впрочем, это не принесло бы пользы, потому что, как ни вертите, он все-таки смаковал разврат и, конечно, был убежден, что "с бабой думать нечего". Я не чувствую в нем нравственности... Письмо Мазини это один восторг и упоение. Очень хорошо сделали Вы, что обрели его и подали в русском переводе. Из "Патриотизма" "Новым временем" было взято нечто удобное им на потребу (как Вы было расплакались от умиления), а оттуда бы надо было взять бесценное по силе место о том, что делают люди, потому что "это не важно". Ах, какое это "пронзительное" и великое указание! То не важно и се не важно, а меж тем все это делают, и выходит целая картина с своей атмосферой, и затем, если кто этого же уже не хочет делать, то это уже важно! Все забывают, что "общественное мнение" представляет собою каждый из нас. Я хотел бы сделать вытяжку из этого места, но не знаю, где с нею приткнуться... И последняя... "Русская жизнь" сменила людей "нового общественного мнения", которые, впрочем, уходя, разжаловались по-старому. А в "Неделе" за сентябрь месяц на 246 стр. 2-го отдела уже прямо читаем, что "Россия это непочатый угол всякого добра" и "русскому беллетристу предстоит будущность", если он "отрешится от стремления обличать бессильное ничтожество", а станет давать "положительные идеалы"... Скатертью дорожка! Хочется думать, однако, что это делается искренно и без особенно дурных побуждений, ибо это делается, без сомнения, во вред себе, так

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru как читатель, приученный к тихонькому протесту, вероятно, не удовлетворен этим новым курсом. Если пробудем здесь до зимы, то хочу Вас видеть для моей пользы душевной и ободряюсь надеждою съездить к Вам в Москву.

Ваш Н. Лесков.

59. 1894 г. Сентября 19.

19/IX, 94. СПб. Фуршт., 50, 4.

Мне очень стыдно за глупые слова, которые я написал Вам о Мопассане. По поводу Вашей статьи о нем я принялся за него наново и перечитал все, с хронологической последовательностью по времени писания. Вы совершенно правы: он рос, и кругозор его расширялся, и то, что он дал, есть дорогое достояние. Моя погудка о несоответствии силы крыльев с рулевою силою хвоста этой могучей и дальнотворкой птицы никуда не годится. Но так как я до сих пор читал Мопассана урывками и не знал времени появления тех и других произведений его пера, то думаю, что и для такого мнения, какое я имел, есть основание; а как такого рода мнения не верны, то надо радоваться, что Вы, Лев Николаевич, написали Вашу критическую статью об этом достойном любви писателе. Благодарю Вас, что Вы дали мне возможность проверить свои понятия и исправить их. Очень интересуюсь тем политическим сочинением, которое выпустила о Вас г-жа Манассеина. У меня был Стасов и молот, что Вы ему об этом писали, но он книги не видал; я болен и не могу ее разыскивать, да и не знаю ее заглавия; писал Любви Яковлевне Гуревич, чтобы она нашла, но она не спешлива; вчера просил Лидию Ивановну, но и эта ничего не знает. А я был, есть и, кажется, буду всегда нетерпачий и не могу успокоиться, пока пойму дело. Я эту даму видел раз в жизни у поэта В. Величко, и она мне показалась какою-то ужасною... Крайняя материалистка, которая все требовала: "Дайте мне твердую положительную веру, с устойчивым основанием". Потом она перешла к своей дружбе с Лампадоносцем и окончила тем, что при его благодати получила развод с старым мужем и вышла за нового, молодого и очень глупого. И вот теперь она, значит, поднесла ему еще свое последнее "мерси"... Я очень хочу прочесть эту книжечку и, может, мог бы кое-как ответить. Если у Вас эта брошюра без надобности, то нельзя ли сообщить ее мне; а я ее возвращу Вам. Иначе, я боюсь, что долго ее не достанешь. Литературная затея Стасова, по-моему, не хороша: это будет какой-то ворох чего попало, без всякой определенной и ясной цели. Особенно жалка возня с письмами и датами: "В котором году вы виделись?" "Где об этом говорили?" "Молился ли он Богу?" и т. п. Не знаю: каковы были письма Николая Николаевича к Вам и девицам Татьяне Львовне и Марии Львовне, но письма его ко мне были маловажны для биографии. Это были шуточные отписки, иногда совсем шалости, даже с шутовскими подписями: я его "благословлял" как "священноересиарх", а он как "Николавра". Что тут вписывать в статью!.. Нет; это не надо. Потом Владимиру Васильевичу хочется, чтобы я написал, что Николай Николаевич говаривал "о художниках", и между прочим о Репине. А он о них говорил много (особенно когда сидел у меня во время писания Серовым с меня портрета), но зачем же все это выволочь на общее позорище и для обиды многих? Владимир Васильевич просит, чтобы "и о нем, что говорилось - и то написать"; но уж это совсем было бы из "волшебного циркульника". Я ничего этого делать не стану, а постараюсь дать указание: чем Ге был полезен как художник и в чем ему следует подражать. А это, думается, только и надо. Лидия Ивановна вчера говорила, что она что-то переписывала из Вашего катехизического труда и что это было очень хорошо. (Значит: ясно и понятно для разума и благоприятно для религиозного чувства.) Не могу ли я выпросить у Вас хоть что-нибудь из этого труда для того, чтобы получить о нем хоть частное понятие? Меня ничто так не интересовало, как это Ваше сочинение, и притом я болен и тороплюсь ознакомиться со всем, что манит дух мой к свету. Если можно будет, то не пришлет ли мне что-нибудь из этого для прочтения Татьяна Львовна? Я прочту и сейчас же возвращу. Уехали ли Хилковы за границу? Вчера был у меня Петр Ге. В то же время случилась м-ме Бем, и говорили скоро и беспорядочно.

Н. Лесков.

Ваше упоминание о разговоре с художником (в статье о Мопассане) очень замечено в их среде и произвело впечатление, как "зерно, падшее на камень". Я раз после известия о кончине Ге говорил в этом роде с 73-летним Шишкиным, и он говорил утром: "Вы мне ночь испортили: я до утра не спал", и опять делает то же самое, даже без надобности, так как "его часть - сосна". Теперь их подкрепил еще Менделеев, и они, приведя это имя, считают, что все кончено и нечего стыдиться.

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru

Приписка к приложенному письму Л.Я.Гуревич к Лескову.

Из настоящего письма увидите, что книжки Манассеиной нам присылать уже не надо, так как Гуревич ее нашла, но если есть какая-нибудь возможность дать мне ознакомиться с катехизисом, то об этом очень прошу.

Ваш Н. Лесков.

60. 1894 г. Октября 3.

З/Х, 94. СПб. Фуршт., 50, 4.

Я очень огорчен, Лев Николаевич, тем, что с брошюрой Манассеиной вышла глупость. Я страстно хотел ответить на нее и думаю, что ответил бы удовлетворительно и основательно, держась почитаемого "отца церкви" Исаака Сирина (не Ефрема), но обстоятельные скорохваты свертели так, что я и не увидел брошюры: а ответ на нее был написан не знаю каким Цицероном и с какою основательностью, но думаю, что это было сделано неумело и потому показалось грубым и невозможным. Они совсем не умеют спорить с достоинством и особенно не способны спорить о христианских толкованиях, и очень жаль, что они за это берутся. Обратите внимание, что есть в вашем духе у Сирина (Исаака) о молитве: "Те, в ком воссиял свет веры, уже не доходят до такого бесстыдства, чтобы просить у Бога в молитвах: "дай нам это" или "возьми то", и нимало не заботятся о себе самих" (703). Подвижность и переменчивость ума: "во всяком разумном естестве перемен бывает без числа, и с каждым человеком ежечасно происходят изменения" (724). Суд. "Судиться не христианского жития дело: об этом нет и намека в учении Христовом" (805). Непротивление. "Пусть тебя гонят, ты не гони; пусть тебя распинают, ты не распинай; пусть тебя обижают, ты не обижай; пусть на тебя клеветают, ты не клеветай". Казнь. "Дело без милосердия, - это то же, что закование сына в присутствии его отца" (803). Если Вы оправдываете возращение Манассеиной на этих основаниях, то я бы хотел их высказать хоть в "Неделе". Но у меня нет брошюры, и я не нахожу ее нигде, а Любовь Яковлевна и Флексер не дают о ней никакого ясного представления. Нельзя ли Марье Львовне или Татьяне Львовне дать мне хоть мало-мальски верные понятия об основаниях, на которых Манассеина составила свою брошюру? Я, по своим соображениям, думаю, что эту брошюру надо отбросить (так как она есть своего рода "мерси" и составлена "соборне"); но если Вы думаете иначе, то, конечно, пусть будет по-Вашему. Но это не то, что надо оставлять без ответа.

Преданный Вам Н. Лесков.

61. 1894 г. Октября 7. Ясная Поляна.

Получил ваши последние два письма, дорогой Николай Семенович. Вы спрашиваете у меня в предпоследнем письме, не могу ли я прислать вам то, что я пишу, или часть этого. Никак не могу - не то что не хочу, напротив, очень хотел бы, но не могу, потому что все, что написано, так несовершенно, и так отрывочно, и так запутано, и так беспрестанно изменяется, что в том виде, в каком оно теперь, оно не может дать никакого понятия о том, чем бы я хотел, чтобы это было. От того, что переписывала Лидия Ивановна, кажется, ничего уже не осталось. Все это должно быть коротко, но так связано, как свод, который не может держаться без замка. И вот этот-то свод до сих пор еще не сведен мною. Но я не отчаиваюсь и работаю с большим напряжением, радостью и пользою для души. Что касается до книги Манассеиной, то мне очень жалко, что я написал про нее. Она не стоит того, чтобы отвечать на нее. Она лежит у меня без употребления, и я с этой же почтой посылаю ее вам. Вы сами это увидите. Если бы отвечать на все такие книги, то недостало бы времени ни на что другое, а времени мало и все меньше и меньше. Те доводы из отцов, на которые вы указываете, могут быть полезны для некоторых искренно сомневающимся людей и приписывающих значение внешнему авторитету, но я думаю, что таких мало. Я думаю, что человека, который, прочтя хотя только Нагорную проповедь, не говорит все Евангелие, не пришел к убеждению, что непротивление злу насилием составляет основное условие христианского жизнепонимания, такого человека не убедят никакие доводы. От души желаю вам здоровья, и еще больше душевного спокойствия. Очень радуюсь мысли увидеть вас в Москве.

Л. Толстой.

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru
62. 1894 г. Октября 11.

11/х, 94. спб. Фуршт., 50, 4.

Покорно благодарю Вас, Лев Николаевич, за Ваши ответные строки и за присланную книжку Манассеиной. Вполне согласен с Вами, что возражать на эту книжку не следует, но сама по себе она мне интересна и знакома. Некогда что-то очень на это похожее сочинял Гречулевич, познаниями которого, кажется, воспользовался Саблер, и, вероятно, таким образом вышло это "терси". Надо думать, что это и есть те громы, которые они выдвинули бы против неприятных им толкований, если бы их высокое о себе понятие допустило их до состязания с разумом. Теперь я не сомневаюсь в происхождении этой книги, и она мне интересна как образец того, на чем думают укрепиться враги истинного учения Христова. Что Вы пишете о тщете доказательств, то тоже вполне верно, и я давно уже наскучил себе этими разговорами и бегу от них, но они всюду слышатся, и отмалчиваться от них иногда невозможно. Но, однако, всячески надо воздерживаться и не разводить рацей ни с кем из тех, кто ищет "разглагольствий", а не пользы душевной немедленно. Те и другие люди всегда ясно видны, и их можно узнать и различить. Книгу Вам возвращаю. Писали Вы о ней в самом деле, может быть, напрасно: это заставило говорить о ней в литературных кружках и содействовало ее известности. За просьбу мою о катехизисе, пожалуйста, простите меня: я бываю часто очень спешлив и хотя после о том часто сожалею, но исправить себя не могу. Конечно, Вам неудобно давать мне читать столь важное сочинение в недовершенном виде. Сочинение это самое важное из всего, что Вы написали, и его надо совершить в неспешности и покое. Я жду его и удивляюсь, как Вы с этим делом справитесь! Должно быть, это можно выразить словами, и всех лучше можете сделать это Вы, но и Вам это не легко придется. Но только не пренебрегите и стилем. Тут это будет иметь большое значение. В "Царстве Божиим" и еще негде в последних вещах чувствуются дописки, сделанные на маржах и внесенные в текст "силом". В катехизисе, вероятно, этого не будет, ибо это вредит силе впечатления. Помогите Вам Бог сделать это сочинение самым лучшим образом. Повидаться с Вами и побеседовать не наспех, для моей душевной пользы, я чувствую огромную потребность, и так как мне теперь несколько лучше и я сделал кое-какие работы, то могу позволить себе душевный праздник. Если позволит Бог, я думаю просить друзей нанять мне 2 комнаты на все святки и хочу приехать в Москву с моею воспитанницею, как только начнутся зимние каникулы в Annen Schule, где она учится. Без нее я боюсь ехать, а у нее есть знакомство с Ив. Ив. Горбуновым и с Пошей. Я бы хотел пожить в Москве недели две и отдохнуть с единомысленными людьми, но сбудется ли это - еще не знаю, а только очень этого желаю, и время для этого самое удобное есть святки, когда свободна моя провожатая, знающая припадки моей предательской болезни (грудной жабы). Если можно будет дать мне тогда познакомиться там с катехизисом, то Вы мне дадите; а если нельзя, то я просить не буду, и Вам мне не придется отказывать. Знаю, что у Вас был гр. Орлов, в доме тетки которого я живу, и видел Варвару Николаевну Мак-Гахан, которая была у меня два раза и привозила Ваше письмо. Она очень искренно усиливается "понять ваше учение", и, к сожалению, это ей никак не удастся. Она ищет не "разглагольствий", а "репортицы" и, вероятно, будет сбивчиво изъяснять то, что без нее уже известно в Америке. Здесь она все заправлялась у Саблера и очень хотела "изучать о. Иоанна". Был у меня Петр Николаевич Ге и с женою своею, которая читала мне то, что она написала для Стасова о Н.Н.Ге. Мужу ее это не нравится, и он не хотел бы, чтобы это печаталось, но я не мог его поддерживать, потому что это все-таки хоть содержательно и воспроизводит жизнь Ге, а не счеты посторонних лиц между собою. Простите меня, что я Вам докучаю, и не лишайте меня своей нравственной поддержки.

Преданный Вам Николай Лесков.

Примечания

В примечаниях использованы следующие сокращения: Летописи - Летописи литературное музея кн. 12. М., 1948 Лесков - Н.С.Лесков. Собрание сочинений в 11-ти т., М., 1956-1958 Жизнь Лескова - Андрей Лесков. Жизнь Николая Лескова. В 2-х т., М., 1984 Толстой - Л.Н.Толстой. Полное собрание сочинений в 90 томах. ЯПБ - Яснополянская библиотека Толстого

В обширном эпистолярном наследии Лескова (полностью еще не опубликованном) переписка с Львом Толстым занимает исключительное место. Подавляющее большинство корреспондентов писателя - издатели, редакторы журналов и газет самых разных

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru направлений, публицисты, критики, богословы, и меньше всего среди них собратьев по перу. Так, например. А.С.Суворину Лесковым было отправлено 75 посланий, а Достоевскому – 3. публицисту, критику, издателю П.К.Щебальскому – 46, а Гончарову всего 4, В.А.Гольцеву – 13 а Писемскому 6. Но даже эта немногочисленная переписка посвящена в основном издательским делам, за исключением, быть может, переписки с Писемским, в которой Лесков касается его романов. С Толстым все было иначе. С ним, пожалуй, единственным велся подлинно профессиональный диалог, затрагивающий множество проблем писательских, религиозных, жизненных, экзистенциальных. Первое письмо Толстому Лесков написал 18 апреля 1887 года, где высказал свое "горячее желание видетсья" с ним "в этом существовании" (желание это осуществилось: спустя два дня в Москве, в Хамовническом доме писателя и второй раз – в январе 1890 г. в Ясной Поляне). Последнее было отправлено им 11 октября 1894 года. До нас дошло 51 письмо Лескова и 10 ответных, московских и яснополянских. Не найдены 6 лесковских посланий и 7 толстовских. Настоятельная потребность в личном и эпистолярном общении с "высокоцитимым" выдающимся современником ощущалась Лесковым давно. Он как-то признался Суворину: "Я люблю и почитаю этого писателя и слежу за его делом страстно... Мне все приходится пробираться и побираться, где бы можно сказать о Толстом не банальное, шаблонное слово" (*). И в самом деле следил пристально и неустанно, и неоднократно говорил нешаблонное слово, выступая в печати со статьями, заметками в защиту Толстого от его несведущих хулителей, пристрастных, бесконечно далеких от постижения сути толстовских свершений, его алчущего истины беспокойного духа. Впервые Лесков заявил о себе как стороннике идей Толстого, их защитнике, в "отчете" под названием "Герои отечественной войны по гр. Л.Н.Толстому", посвященному выходу в свет пятого тома "Войны и мира", и в дальнейшем продолжал внимательно следить за "высокоцитимым" мастером, почти на каждую его публикацию отзываясь в печати, и всякий раз не "шаблонно". "Власти тьмы" посвящены Статьи "О драме Л.Н.Толстого и ее варианте". "По поводу драмы "Власть тьмы" ("Петербургская газета", 1887, No 38, с. 62). Он откликнулся и на появление толстовского "Календаря с пословицами на 1887 год", на его народные рассказы и повесть "Смерть Ивана Ильича". Уже после смерти писателя был опубликован его очерк "Рассказы к стати" ("По поводу "Крейцеровой сонеты") ("Нива", 1899, No 30). Толстовиана, созданная Лесковым, отразила всю сложность и многогранность его восприятия творчества русского гения. Автор "Войны и мира" и "Исповеди" стал Лескову необыкновенно близок, дорог и душевно необходим. "О Л.Н. мне все дорого и несказанно интересно, – писал он В.Г.Черткову. – Я с ним всегда в согласии, и на земле нет никого, кто мне был бы дороже его. Меня никогда не смущает то, чего я с ним не могу разделить; мне дорого его общее, так сказать, господствующее настроение его души, и страшное проникновение его ума. Где есть у него слабости, – там я вижу его человеческое несовершенство и удивляюсь, как он редко ошибается, и то не в главном, а в практических применениях, что всегда изменчиво и зависит от случайностей" (**).

(* Лесков. Т. 11, с. 301. *)

(** Там же, с. 356. **)

Лесков вошел в жизнь Толстого как духовный единомышленник, благодарный и искренний его почитатель, в отличие от остальных собратьев не коривший его за "уход" от искусства, за небрежение своим призванием. Лесков пишет часто, пространно, взволнованно, явно стремясь выговориться, сказать многое о себе, о своем душевном состоянии, о своей работе, начатой и завершенной, о трудной издательской судьбе своих произведений. Он делится своим мнением о недавно увидевших свет легально и подпольно религиозно-философских трактатах Льва Толстого, ни разу не вспомнив при этом, что его корреспондент – еще и замечательный прозаик и романист. Толстой пишет реже, сдержанней, короче, без интимной доверительности, которой проникнуты послания его корреспондента. На эту особенность их переписки обратил внимание сын Лескова: "С Толстым бралась чуждая натуре умягченность тона. Случались сбои. Вообще же чувствовалась напряженность, калейдескопичность сообщаемых злободневных вестей, слухов... Неустанная хвала утомляла хвалимого. Равновесие переписки утрачивалось. Одна сторона засыпала своими пространными письмами другую. Обнажался письменный крен" (*).

(* Жизнь Лескова. Т. II, с. 410. *)

Л.Я.Гуревич так разъяснила возникшие по этому поводу у А.Н.Лескова недоумения: "Отношение его к Толстому у меня на глазах. Что не все было ладно в нем, мне ясно. И Толстой, несомненно, чувствовал это. Толстой говорил: "Да, он мне пишет

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru иногда... Только иногда дан тон какой-то... уж слишком... неприятно бывает" (*). А в дневнике 12 ноября 1890 года Толстой записал: "получил вчера неприятно льстивое письмо Лескова" (**).

(* Там же. *)

(** Толстой. Т. 51, с. 104. **)

На протяжении почти всей своей жизни Лесков страдал от одиночества, чужой среди литераторов, чужой и демократической интеллигенции, и консерваторам. Толстой – писатель, религиозный философ, родственник по "настроению", духовными исканиями – помог осмыслить все то, что тревожило, наводило на размышления, но не оформилось, не сложилось в концепцию. "Я сам подходил к тому, что увидел у Вас, – не таясь, заявлял Лесков Толстому, – но у меня все было в хаосе – смутно, неясно, и я на себя не полагался, когда услышал Ваши разъяснения, логичные и сильные, и все понял, будто как "припомнив", и мне своего стало не надо, а я стал жить в свете, который увидал от Вас... Он несравненно сильнее и ярче того, в каком я копался сам своими силами". И прочтет яснополянский старец строки, что благодаря ему отправитель письма "утвердился в том, до чего доходил, но на чем боялся остановиться". Безусловно, прав его биограф – "хвала утомляла хвалимого". В роли наставника, пророка, провозвестника Толстой чувствовал себя неловко, и от этого ему было не по себе. Но и Лесков прав. Многие из того, что он вычитал в трактатах Толстого, совпадало с тем, что роилось в его сознании, отражалось в картине русского быта, воссозданного им в его замечательной прозе, большой и малой. Оба писателя не принимали официальную церковь, мракобесие ее служителей. Лесков верил, что толстовское "гениальное истолкование христианства" способно "соскрести пометы и грязь купующих и продающих". Вот почему он так настойчиво убеждал Толстого продолжать работу над новыми сочинениями такого рода, как его трактат "Критика догматического богословия". "Мы даже слышали, что вы занимаетесь катехизацией христианской веры... это как раз есть то самое, что нужно сделать и что нынче только вы одни можете сделать". И тем не менее громадное уважение, с которым относился Лесков к своему великому современнику, никогда не переходило в фанатическое поклонение. Лесков никогда не был толстовцем-догматиком. "Он последователь, но не слепой" (*), – заметил как-то Толстой.

(* Фаресов А.И. Против течения, – СПб., 1904, с. 70. *)

Лесков оспаривал в письмах интерпретации евангельских текстов, очень критически относился к толстовцам, к их общинам. "Я замечаю: в этом течении опять преобладание теоризма, – заявил он Черткову. – От практики вашей не жду никакого прочного успеха и в деле переустройства общественного и житейского сознания... Я опасаясь, что все это движение не оставит даже следа и будет приравнено к "наивным затеям" (*). Лесков не стал ортодоксальным приверженцем "очищенного христианства", он относился к нему критически, проявляя во всем независимость и самостоятельность суждений. Корил он и Толстого, за то, что "для полноты своего нравственного облика не отдал своего имени крестьянам". Pro и Contra слышатся в его высказываниях.

(* Жизнь Лескова, т. II. с. 404. *)

Яснополянские ответы Лескову носят совсем иной характер, они светские и литературные. После первого свидания с петербургским гостем хозяин дома вынес такое благоприятное для него впечатление: "Какой умный и оригинальный человек" (*). Толстой пишет Черткову, прочитав лесковское "Сказание о Федоре христианине и Абраме жидовине": "Статья Лескова кроме языка, в котором чувствуется искусственность, превосходна. И по мне, ничего в ней изменять не надо, все средства употребить, чтобы ее напечатали у нас как есть" (**). Толстой сразу распознал в Лескове незаурядный талант, самобытную личность художника. Он внимательно, вдумчиво читает тексты опубликованные и новые, полученные от автора. Почти все рассказы и повести его восхищают, ему импонируют, но в своих поэтических разборах он обязательно отметит языковые погрешности, "излишества", "манерность", "кудреватость".

(* Толстой. Т. 86, с. 49. *)

(** Там же, с. 49. **)

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru
Годы сближения с Лесковым отмечены повышенным интересом Толстого к проблемам искусства, раздумьями о его настоящем и его перспективах. Тревогу у Толстого вызывало снижение уровня некоторых современных писателей, "безсодержательность", "внимание к бессовестным пакостям". В письме своему корреспонденту Толстой констатировал; "вся наша беллетристика всех этих Потапенков положительно вредна". И для Толстого была очень важна встреча с писателем такого уровня, как создатель "Полунощников". Переписка двух великих писателей – неотъемлемая часть нашей культуры, а их долгий диалог, уважительный, бескомпромиссный, доброжелательный, без дани "низкой прозе", мелочам бытия, – поучительный урок для тех, кто осознает, что "гладким, жуирующим" писателем быть не должен. Печатается по изданию: Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями в 2-х т., т. II. М., Худ. лит., 1978, с уточнениями и дополнениями.

1

Вы на днях будете в Москве. – Толстой вернулся из Ясной Поляны в Москву 18 апреля. Он и Владимир Григорьевич Чертков... – С Чертковым и Бирюковым Лесков был знаком и находился с ними в переписке. Бирюков Павел Иванович – один из близких друзей Толстого. После окончания Морской академии служил морским офицером. Под влиянием учения Толстого бросил службу, "опростился", изменил образ жизни. Принимал активное участие в работе издательства "Посредник". Лесков познакомился с ним в конце 80-х годов, когда он стал автором этого издательства и вначале относился к нему с симпатией, но иронически – к его толстовству. "В способность Бирюкова к пахоте не верю. Если он пашет, то я жалею его бедную лошадь" (Жизнь Лескова. Т. II. с. 413). Чертков Владимир Григорьевич – из знатного аристократического рода, служил в конногвардейском полку. Увлеченный идеями Толстого, изменил свою жизнь, стал их активным пропагандистом, создателем издательства "Посредник", а затем в Лондоне организовал бесцензурное издание запрещенных в России сочинений Льва Толстого – "Свободное слово", "Листки свободного слова". Был убежденным толстовцем, преданным и близким другом писателя. Лескова связывали с ним деловые отношения, которые впоследствии изменились (см. письмо 17 и примеч. к нему). Сохранилось 49 писем Лескова к Черткову. Когда я могу у Вас быть... – Свидание Толстого с Лесковым произошло 20 апреля. "Какой умный и оригинальный человек!" – заметил Толстой в письме к Черткову (Толстой. Т. 86, с. 49).

2

Лекции Филиппа Алексеевича Терновского – вероятно, речь идет о книге "Три века христианства", Киев, 1877 (см. примеч. к письму 4). Здесь нет ни "Прологов, ни Четых Минеи... – у Толстого имелись "Пролог", 1875, и "книга житий святых", 5-е изд. (Япб). "Четьи Минеи – это стало любимым моим чтением... Чтение это открывало мне смысл жизни", – признавался Толстой в "Исповеди" (Толстой, т. 23, с. 52). Севастийские мученики – христиане IV в., отказавшиеся от военной службы в римских легионах. Нет ли у Вас церковной истории Гизелера и Гагенбаха – в библиотеке Толстого книг этих богословов нет. Профосами называли в XVIII в. военных парашников, убравших в месте расположения войск все нечистоты. Они же – военные полицейские служители и полковые палачи, прозванные "прохвостами". Официальные документы ("копий казенной переписки") использованы Лесковым в рассказе "Антука" (первоначальное название "Обозный палач". – "Книжки "Недели". 1888, No 10). Примусь писать "Прохвоста" – рассказ "Антука".

3

Благодарю за письмо Ваше от 17 июля... – Письмо неизвестно. Совестно мне перед девицами... – дочерьми Толстого – Татьяной и Марией. Ив. Косолапов. Месяцеслов православной католической церкви. Казань, 1874; изд. 2-е – Симбирск, 1880. Здесь даны сведения о севастийских мучениках и указана литература о них. (в Япб. книги нет.) Таков мой плач и моя затея... – Лесков излагает первоначальный замысел рассказа "Обозный палач" ("Антука"). Окончательный текст рассказа не совпадает с настоящим изложением.

4

Терновский Филипп Алексеевич "за направление, несогласное с духом православия, и склонность к мнениям протестантским историкам" был по указу Синода 16 ноября 1883 г. уволен из Киевской духовной академии. Доцентом Киевского университета по кафедре церковной истории оставлен. Лесков был дружен с Терновским,

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru переписывался с ним, ценил его труды. В письме к Черткову от 4 ноября 188. г. так о нем отозвался: "Это был человек огромного ума, дивного сердца и поразительных познаний" (Лесков. Т. 11, с. 356). О каком отзыве Толстого идет речь, неизвестно. Медеянов – так Лесков иронически именуется министра народного просвещения И.Д.Делянова, известного своей реакционностью. До того, как Делянов стал министром, Лесков посещал его. Такое прозвище, данное Лесковым, произошло от медалянской собаки или медиоланского дога, использовавшегося для травли медведей (Жизнь Лескова. Т. II, с. 528). Лампадоносцев – Лесков так именуется обер-прокурора Священного синода К.П.Победоносцева, по чьему указу Терновский был изгнан из духовной академии. Теперь читайте, что случилось... – В письмо вклеена вырезка из "Петербургской газеты" (1888, 29 июля) с некрологом, посвященным Е.М.Крыжановскому, в котором восхвалялась его деятельность "для дела русской народности и православия". В противовес столь апологическому освещению значения Крыжановского Лесков написал заметку "Важный пропуск", в которой коснулся вообще всей деятельности Крыжановского, а также и его роли как автора записки "О вредном направлении" в травле Терновского. Заметка при жизни Лескова не была опубликована.

5

Не откажите мне помочь... – Помощь Толстого нужна была Лескову для публикации письма в связи с тем, что духовная цензура не пропустила его повесть "Зенон-златокузнец", так как нашла сходство между изображенным там патриархом и московским митрополитом Филаретом Дроздовым. В письме ("Русские ведомости", 1889, 12 января, No 12) Лесков утверждал, что "эти сведения совершенно ложны... во всей повести нет ни малейшего намека на какое бы то ни было "русское лицо". Принимал ли Толстой участие в публикации этого письма, неизвестно. Помощь Ваша... – Благодарность Лескова вызвана обещанием Толстого содействовать напечатанию повести. Бирюков 2 января 1889 г. сообщал Лескову: "Толстой также советовал идти лучше к Гольцеву, и пошел вместе со мной... Лев Николаевич очень расположен к вам и в восторге от ваших повестей. Он недавно прочел "Овцебыка", "На краю света" и "Колыванский муж" и говорит, что все это далеко превосходит все написанное в настоящее время, а также что "Гольцев дал оттиск "Зенона" и мы начали читать. Когда кончим, я сообщу Вам его мнение" ("Записки отдела рукописей ГБЛ". М., 1968, с. 228–229). На письме рукой Лескова написано: "Л.Н. всех заставляет читать "Колыванского мужа". Сказал Гольцеву: "Как Вам не стыдно Николая Семеновича обижать. Я сам пришел за него заступиться" (Там же, М., 1968, 299). Повесть "Зенон" опубликована в "Живописном обозрении", No No 1–12. Впоследствии получила название "Гора". 1.10.89. – Ошибка в указании года. По содержанию письмо относится к 1888 г.

6

...о котором я писал Вам некогда. – Письмо неизвестно. Генерал-лейтенант Остен-Сакен – участник всех войн России, начиная с 1805 г., с декабря 1854 начальник Севастопольского гарнизона. Толстой был лично с ним знаком, ценил как опытного военачальника, но иронически относился к его религиозному ханжеству. "А там Сакен генерал все акафисты читал" – так охарактеризован он в сочиненной с участием Толстого "Песне про сражение на р. Черной" (Толстой. Т. 4, с. 308). Она упоминается в тексте повести, и, видимо, Лесков использовал сведения, полученные от Толстого. А.А.Гатцук в феврале 1889 года несколько раз виделся с Толстым в его хамовническом доме. Павел Иванович Не-Гайдуков – подразумевается П.И.Бирюков, ошибочно названный в фельетоне Б.Штанделя "В Ясной Поляне" ("Русский курьер", 1888, 4 сентября, No 24) Гайдуковым. Лесков, возмущенный допущенными здесь неточностями, опубликовал заметку "О хождении Штанделя по Ясной Поляне" ("Новое время", 1888, 28 октября, No 4550), где писал: "...у Льва Николаевича не было в гостях "Гайдукова", а был у него в ту пору Павел Иванович, да только не Гайдуков" (Лесков. Т.11, с. 196). Выписки из М.Арнольда – вероятнее всего, что выписки могли быть сделаны из книги Мэтью Арнольда "Литература и догма" (London, 1873, 1889), которую с увлечением читал Толстой весной 1885 г. и о чем писал Черткову (Толстой. Т.85, с. 174) и перечитывал весной 1889 года.

7

Письмо Ваше о "фигуре". – Письмо неизвестно. Благодарю Вас, что черкнули о Сакене. – Лесков при включении рассказа "фигура" в собрание сочинений внес в него ряд исправлений: несколько усилена отрицательная характеристика Остен-Сакена и "снижен" образ "фигуры" (см.: Лесков. Т. 8, с. 622–625).

8

...ваш ответ – письмо неизвестно. Сказку... прочтите. – "Час воли Божией" написан на сюжет, предложенный Л.Толстым. Толстой сообщил Гольденвейзеру: "Три вопроса" я задумал когда-то давно и предложил Лескову" (Вблизи Толстого". М., 1959, с. 133). Позднее Толстой опубликовал свою сказку "Три вопроса" на этот сюжет. Отзыв Толстого о сказке "Час воли Божией" см. письмо 10. "Ажидация" – первоначальное название повести "Полунощники". "ему"... – имеется в виду протоиерей Иоанн Кронштадтский. О свидании "его" с Хилковым см. примеч. к письму 23. Марья Львовна – см. письмо 22. Морозова Варвара Алексеевна, миллионерша, известна своей благотворительностью и меценатством. В письме 5 ноября 1891 г. Лесков делился с Б.М.Бубновым своим мнением о ней: "Я тебе когда-то писал про девушку Морозову – племянницу Саввы Морозова, красавицу с 5-7 миллионным состоянием. Я с нее кое-что зачертил в "Полунощниках", но в ней неиссякаемый клад для восторга поэта. Она на днях приезжала сюда просить, чтобы ей позволили раздать миллион голодным, но непосредственно – без попов и чиновников. Говорят, будто ей отказали. Она становится легендарной при жизни. Надо смотреть этих ангелов, которые сошли на землю и живут в нашей шкуре, а не тех, которые где-то в тумане фантазии" (Лесков. Т. 11, с. 503). Биршtedт Карл Карлович – врач, житель Петербурга, приобретший известность своей добротой, бескорыстной медицинской помощью беднякам. Фиршtedт – в "Полунощниках" имя героя фершtedт. ...быть Вашим судьей. – Письмо Толстого с такой просьбой неизвестно. 24 сентября 1887 г., полагая, что Толстого нечего "хвалить... как цыганскую лошадь", Лесков писал А.С. Суворину; "чего его нахваливать? Его надо внушать в том, где он говорил дело, а не расхваливать как выводного коня" (Лесков, Т. 11, с. 327). ...гнездышко "Посредника" в Петербурге. – Лесков был недоволен работой издательства "Посредник", медлительностью в выпуске книг, соглашением с Сытинным. Он уверял Черткова в письме от 8-9 апреля 1891 г.: "В издательстве замечен упадок и значение фирмы подорвано" (Лесков. Т. 11, с. 425). См. Письмо 17. Слухи о разгоне "Посредника" оказались ложными. Ругин И.Д. – сотрудник издательства "Посредник", в 1890 г. примкнул к земледельческой колонии толстовцев на Смоленщине. См. письма 17 и 22. О Паскале говорить не пойду... – См. письмо 9 и примеч. к нему. "Даровые объявления" – объявления об изданиях "Посредника" в газете "Новое время", публикация которых была прекращена из-за задолженности. ...неудовольствие за евреев. – Толстым было подписано составленное В.С. Соловьевым письмо против готовившихся правительством новых дискриминационных правил о статусе российских евреев. Публикация письма была запрещена министром внутренних дел. Редакция "Нового времени" была недовольна позицией Толстого. Очень хочется Вас видеть... – Толстой ответил согласием. См. письмо 10. ...датчанин... О пребывании в Ясной Поляне – Ганзен П.Г., переводчик русской литературы на датский язык, посетил в апреле 1890 г. Толстого. Его очерк "Пять дней в Ясной Поляне" опубликован в журнале "Исторический вестник", 1917, No 1.

9

Говорил о Паскале... – Речь идет о публикации перевода "Мыслей" Б.Паскаля, сделанного А.И. Орловым под наблюдением Толстого. Рукопись переводчик озаглавил "Мысли Паскаля, расположенные по указанию гр. Л.Н.Толстого" и вместе с рекомендательным письмом Толстого от 24 августа 1890 г. (Толстой. Т. 65, с. 150) передал Гольцеву для публикации в "Русской мысли". Гольцев отказался ее печатать и дал Орлову письмо к Лескову с рекомендацией обратиться к Суворину. Об этом же просил Суворина и Толстой. Подготовленная Орловым книга вышла в сентябре 1891 года: ч. I. Жизнь Паскаля.; ч. II. Мысли Паскаля.

10

...последнее письмо... – Письмо неизвестно. Книжку "Обозрения" с Вашей повестью... – В журнале "Русское обозрение" напечатана сказка "Час воли Божией", написанная Лесковым на сюжет, рассказанный ему Толстым. Сюжет этой сказки изложен Толстым в письме к Черткову от 20 июня 1887 г. (Толстой. Т. 86, с. 62-63). См. примеч. к письму 8. ...смеялись Вашему описанию. – Возможно, что Лесков, подобно тому, как он это сделал в письме к Д.Н.Церетелеву, с юмором описал, как "встречена сказка (то есть "Час воли Божией. – С. Р.) публикою" (Лесков. Т. II. с. 469).

11

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru ...мы с Гольцевым... не согласны. - Лесков расхохотался с Гольцевым во взглядах на религию и церковь. "Полуночники" ("Полунощники") - повесть с резко выраженной антицерковной направленностью, и Лесков испытывал большие трудности с ее напечатанием; опубликована в "Вестнике Европы", 1891, No No 11, 12. "под белым ангелом крыла" Фета. - Лесков иронизирует по поводу того, что его сказка "Час воли Божией" с ее героем гулевым мужичонкой "Разлюляй-измигул" напечатана в том же номере журнала, где и стихотворение Фета "Великому князю Константину Константиновичу и великой княгине Елизавете Маврикиевне". Он имеет в виду строки: "Но пред высокою четою // В душе моей всегда светло. // За вдохновенной головою // белее ангела крыло" (А.А.Фет. Полн. собр. стихотв., 1959, с. 335). К тем, у которых дела плохи, он не идет... - Речь идет об Иоанне Кронштадтском, протоиерее Андреевского монастыря в Кронштадте. Лесков саркастически относился к объявленному церковью "святому" и творимым им "чудесам". Ге на меня до сих пор рычит... - Лесков был большим почитателем искусства Ге. Посмотрев его картины "Что есть истина?", "Христос и Пилат", Лесков написал 15 февраля 1890 г. сыну: "Это первый Христос, которого я понимаю. Так только и мог написать друг Толстого Ге" (см.: Жизнь Лескова, Т. II, с. 224). Восхищение Лескова живописью Ге вызывало нарекания и художников с другой трактовкой образа Христа, как например, Репина, автора картины "Николай Чудотворец избавляет от смерти трех невинно осужденных..." и др. Позднее Репин выступил со статьей "Николай Николаевич Ге и наши претензии к искусству" ("Ежемесячные приложения к "Ниве", 1894, ноябрь). Юрьевский сборник - речь идет о сборнике "В память С.А.Юрьева" (М., 1891, вышел 1 декабря 1890 г.), в котором была напечатана пьеса Толстого "Плоды просвещения". За Ругина я успокоился... - По-видимому, речь идет о примирении И.Д.Ругина с Чертковым и И.И.Горбуновым-Посадовым, с которыми у него возникли недоразумения из-за его отрицательного отношения к толстовской общине, членом которой он состоял некоторое время (см. письмо И.Д.Ругина к Лескову от 17 марта 1890 г. - "Лев Николаевич Толстой". М., 1928, с. 323-326). См. письмо 8 и примеч. к нему.

12

...рождественский No "Петербургской газеты". - письмо Толстого о рассказе Лескова "Под Рождестве обидели (житейский случай)" ("Петербургская газета", 1890, No 354, 15 декабря) неизвестно. Черткову он писал 15 января 1891 г.: "какая прелесть! Это лучше всех его рассказов. И как хорошо бы было, если бы можно было напечатать" (Толстой. Т. 87, с. 68), а в письме от 1 (?) февраля к М.А.Шмидт заметил; "Редко меня что так трогало" (Толстой. Т. 65, с. 235). В 1906 г. Толстой включил рассказ в "Круг чтения" под названием "Воров сын" с подписью "По Лескову изложил Л.Н.Толстой" (Толстой. Т. 41, с. 22-25). "двистительно" - реплика Второго мужика из пьесы "Плоды просвещения". "О девичьих детях"... - Лесков начал рассказ "Под Рождество обидели": "Я хотел говорить на Рождество про один из общественных грехов, который мы долгие века делаем сообщая всем миром и воздержаться от него не в силах". Тут... все не выдуманно. - В основе рассказа случай, услышанный Лесковым от своего друга, писателя-историка М.И.Пыляева. ...о рассказе, составленном Вами по Мопассану. - Речь идет о рассказе Мопассана "Le Port", который был Толстым переработан и послан Суворину. Мнение Суворина сообщил Толстому Чертков. Толстой ответил ему письмом от 7 января 1891 г., где Суворину предоставлялось право действовать по своему усмотрению (Толстой. Т. 87, с. 66). См. письмо 16 и примеч. к нему. Аполлон... дал "Брату Якову" поручение... - Речь идет о председателе Комитета иностранной цензуры Аполлоне Майкове и Якове Полонском, служившем там цензором, которые запретили распространение в России изданных в Англии сочинений Толстого, в том числе и трактата "Царство Божие внутри вас". ...привел к нему Лампадоносцева и Терция. - Лесков имеет в виду посещение одной из "пятниц" Полонского Победоносцевым и контролером Т.И.Филипповым. Никанора стихом оплакал... - Речь идет о стихотворении Полонского "После чтения "Крейцеровой сонаты" и неизвестном стихотворении на смерть архиепископа Никанора. Соловьев держит себя молодцом... - Соловьев выступил против книги Страхова "Борьба с западом в нашей литературе" (СПб., 1890) со статьей "Мнимая борьба с западом" ("Русская мысль", 1890, No 8). Толстой остался равнодушен к этой полемике. "И, по правде скажу, не интересуюсь", - писал он 3 сентября 1890 г. Страхову (Толстой. Т. 65, с. 160). ...поступает на службу... - Слухи о поступлении А.И.Энгельгардта на государственную службу оказались неверными. Ему была дана государственная субсидия для продолжения сельскохозяйственных опытов. Д.И.Менделеев - После вынужденного ухода из Петербургского университета был назначен членом Совета торговли и мануфактур. Мне теперь хочется побыть с Вами... - в 1891 г. Толстой и Лесков не виделись. Лесков называет писателя А.Михайлова (А.К.Шеллера;

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru 1838-1900) "нигилистом" за то, что в его романах с большим сочувствием изображались "люди шестидесяти годов". С 1877 г. Михайлов - редактор журнала "Живописное обозрение", где была напечатана анонимная статья по поводу выставки передвижников, в которой о художнике Н.Н.Ге говорилось: "На этой же выставке фигурировала несколько дней приобретающая печальную известность картина Ге "Христос перед Пилатом"... В свое время мы подробно писали про эту картину, служащую наглядным примером, до какого искажения художественного и исторического может дойти извращенная фантазия художника" (1891, No 1). В этом же журнале был напечатан рисунок художника С. Верещагина "Посещение больной о. Иоанном Сергиевым" с подробным рассказом о "чудодейственной" деятельности "Отца Иоанна", обличенной Лесковым в повести "Полунощники". Мне у вас было хорошо... - Лесков вспоминает свое пребывание в Ясной Поляне с 24 по 26 января 1890 г. Повесть моя... - "Полунощники".

13

Рассказ "Дурачок" должен был печататься в журнале "Игрушечка" и в это время проходил цензуру, которая в конце концов пропустила его (опубликован в журнале в 1891 г., No 1). ... которого корректуру я послал... - корректура рассказа была послана Толстому, так как предполагалось его издание в "Посреднике". Толстому рассказ не понравился. В нет "нет искренности", - писал он 5 января 1891 г. Черткову (Толстой. Т. 87, с. 68). "Дурачок" не был издан "Посредником".

14

Рассказ Черткову пошлите... - Рассказ "Дурачок". Рассказ "Христос в гостях у мужика" вышел в "Посреднике" в апреле 1891 г. То же будет с "фигурой"... - Рассказ "Фигура" был издан "Посредником" в 1889 г. Сегодняшняя статья в "Новом времени"... - Речь идет о корреспонденции Евгения Львова (псевдоним публициста Е.Л.Кочетова) "Замена иудейской печати фарисейскою". Статья носила черносотенный, антисемитский характер. Повесть свою... - "Полунощники". ... моряки открыли читальню. - Об открытии этой читальни сведений нет. ... видел... книжечку "Новый английский милорд Георг". - Речь идет о книжке А.Юрьевой "Новая повесть о приключениях английского милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фредерики-Луизы" ("Посредник", 1891). Горбунов... пишет "Еруслана". - Среди сочинений Горбунова-Посадова нет повести о "Еруслане". ... захотелось написать "Бову-королевича". - Это намерение не было осуществлено. ... чем "Родина" начала... - В журнале "Родина" (No 1) был помещен портрет Победоносцева.

15

Только оно не ко мне писано... - Толстой ошибочно послал Лескову свое письмо к Н.Н.Страхову (Толстой. Т. 65, с. 216). Лесков счел это письмо адресованным Н.Н.Ге и намеревался отправить его в Плиски - хутор, где жил художник. Не сердитесь ли, голубчик? - Вопрос Суворина был вызван фельетоном В.К.Петерсена (псевдоним А-т) "Жизнь и фантазмагория" ("Новое время", 7 января, No 5337) о рассказе Лескова "Под Рождество обидели", вызвавшем восхищение Толстого. Автор фельетона обвинял Лескова в том, что он лишь сожалеет о судьбе вора вместо того, чтобы "найти причину болезни, указать на нее смело и столь же смело поразить ее в самом корне". Сегодня у них есть "вор"... - Рассказ К.Л-ева "вор" ("Новое время", No 5339, 9 января) тематически близок к рассказу Лескова.

16

Дал прочесть Ваше письмо... - Письмо неизвестно. Очевидно, в нем выражалось согласие на предложенные Сувориным в письме к Черткову от 2 января 1891 г. поправки в рассказе "Франсуаза". (См. письмо 12 и примечания к нему.) Что же касается заглавия... - Толстой в неизвестном письме от 15 января подтвердил свое разрешение на эти изменения (Толстой. Т. 52, с. 4). Рассказ без подписи Толстого под заглавием "Франсуаза" с подзаголовком "Рассказ по Мопассану" опубликован в "Новом времени", 1891, No 5366, 5 февраля. "Братец Иаков" - Я.Полонский. "Эпизод" о Вышнеградском. - Текст "сказания" неизвестен. Очевидно, в нем речь шла о министре финансов И.А.Вышнеградском, использовавшем свое служебное положение для беспроигрышной игры на бирже. Полонский был с ним знаком. В больницу исцелять... - Лесков последние годы жизни жил в доме, где помещалась женская больница "Общины сестер милосердия во имя Христа-спасителя". Он описывает посещение больницы Иоанном Кронштадтским. Протоиерей В.Я.Михайловский

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru – автор религиозно-нравственных и антиалкогольных брошюр. "Мелочи архиерейской жизни" – очерки Лескова из жизни православного духовенства. Из-за своего обличительного содержания считались неблагонадежными сочинением и до 1905 г. числились в списке книг, запрещенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях.

17

Благодарен за Ваши письма... – Известные письма от 15 января (Толстой. Т. 52, с. 4) и 18 января (Толстой. Т. 65, с. 328). ...для "хари" – в журнале был воспроизведен портрет Победоносцева. См. письмо 14 и примеч. к нему. В "Новом времени" ... – Имеются в виду фельетонисты "Нового вымени" В.К.Петерсен (А-та) и А.Н.Маслов (Бежецкий), получившие военное образование и выступавшие против Лескова (см. письмо 15 и примеч. к нему). При том Чертков пишет... – Письма неизвестны. Здоров ли Чертков? – Лесков был знаком с Чертковым с 1885 года, переписывался. Сотрудничество Лескова с "Посредником" сблизило их. Начиная с 1889 г. их отношения ухудшились. 21 января 1891 г. Лесков писал: "Я не имею к Вам никакой неприязни, но возможность прежнего задушевного общения у меня отнята и это не самое худшее, что могло выйти при моем и Вашем характере"; а из-засторожившей его "противоестественной склонности к подозрительности" (Лесков. Т. 11, с. 479) заподозрил у Черткова "болезнь", отклонение от нормы. Попытки их примирения дважды предприняла А.К.Черткова, но Лесков их отклонил. Он ей писал: "...с Влад. Григ. можем без всяких уговоров действовать заодно, но беседовать нам трудно" (Лесков. Т. 11, с. 512). В 1894 г. писатель стал более снисходителен к своему оппоненту, что и высказал Чертковой: "Никакой неприязни к Вл. Гр. я не питаю, а, напротив, люблю его и находил бы удовольствие с ним видаться и беседовать" (Лесков, Т. 11, с. 576). "Посредник" в великом запущении... – Лесков обвинял "Посредник" в том, что он "уклонился от своего первоначального пути" и стал преследовать коммерческие цели. В письме от 9 июля 1889 г. он заявил Бирюкову: "Дело, поставленное в такое неясное и двусмысленное положение, не внушает мне более ни сочувствия, ни доверия прямоте и ясности целей, преследуемых его сокрывшимися и стушевавшимися рукопожатиями, и я считаю себя вынужденным от него отстать и более не буду давать моего согласия на издание моих сочинений бесплатно" (Лесков. Т. 11, с. 432). "Дурачок" я знаю, что плох. – См. письмо 13 и примеч. к нему. Повесть... взял Вл.Соловьев. – Участие Соловьева подтверждается его письмом к А.Н.Пыпину, в котором он писал, что добыл для "Вестника Европы" новый рассказ Лескова и посвятил нынешнюю ночь его чтению в ущерб рецензиям (Вл.Соловьев, Письма. П., 1923, с. 173). книга В.Соловьева "История и будущность теократии (Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни)", т. I, Загреб, 1887, имеется в библиотеке Толстого (ЯПБ.). Трактат Толстого "Критика догматического богословия", Женева, 1891. Запрещен цензурой. Полемическая заметка Лескова "Обуянная соль" (1891, No 12, 13 января), направленная против критиков его рассказа "Под Рождество обидели" (см. письмо 15 и примеч. к нему). Здесь он писал: "Я чувствую себя призванным разъяснить, что идеал, которого я держался, вполне разумен и благороден, что простить обидчика гораздо выше, чем казнить его, и что в рождественском рассказе, – с тех пор, как эта литературная форма вошла в употребление, всегда было принято представлять сюжет, смягчающий сердце, и трактовать этот сюжет в духе Евангелия, а не в духе политической экономии или Устава о предупреждении и пресечении преступлений".

18

Автограф письма хранится в Историческом архиве а Ленинграде в фонде С.Н.Худекова. На обороте письма Толстого Лесков написал Худекову: "Уважаемый Сергей Николаевич! Здесь, как видите, дело идет о 12-м номере этого года. Пожалуйста, прикажите исполнить и эту вторую просьбу Льва Николаевича! Искренно благодарю Вас за доброе, дружеское ко мне расположение. Преданный Вам Н.Лесков. 23.1.91". Над текстом письма Толстого рукой Лескова написано: "Получ. 23 генв. 91я. Следовательно, письмо Толстого могло быть написано 20...21 января. Таким образом, датировка ПСС (Толстой. Т. 65, с. 225) 21-22 января должна быть уточнена. Ваша защита... – "Обуянная соль".

19

О высылке No с "солью"... – см. письмо 1. и примеч. к нему. Стасюлевич нашел повесть... – "Полунощники", напечатана в "Вестнике Европы", 1891, No No 11, 12. Ваши письма об антисемитизме... – Известны два письма Толстого к Ф.Б.Гецу: от 25-26 мая и 30 июня 1890 г. (Толстой. Т. 65, с. 98, 117). Они были включены

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru
Гецом в его книгу "Слово подсудимому" (СПб. 1891), изданную под инициалами
Ф.Б.Г. Книга была конфискована Петербургским цензурным комитетом. Нашего гостя
не жалуют... - Речь идет об Иоанне Кронштадтском. Легенды надоели... - Лесков в
годы 1887-1891 написал ряд легенд и сказаний ("О скоморохе Памфалоне", "Невинный
Пруденций", "Гора" и др.). Письма Белинского к Герцену - переписка Белинского с
Герценом ("Русская мысль", 1891, No 1). Письмо Черткова неизвестно. О своих
отношениях с Лесковым Чертков 14 февраля 1891 г. писал Толстому: "Он просто меня
не понял и потому, кажется, не совсем поверил моему объяснению. А я ошибся в
том, что, будучи в возбужденном состоянии, неосторожно наговорил ему такого,
чего он не понял и объяснил себе превратно. Вышло то, что я его оттолкнул от
себя. И как мне ни больно и ни жаль, но поделом мне" (Толстой. Т. 87, с. 72).
См. письмо 1. и примеч. к нему.

20

М.М.Лисицын в январе 1891 г. сообщил Толстому, что предполагает перевести в
Дерпт закрытую в Митаве газету "Прибалтийский край", которой хочет придать
"христианское направление, и просил Толстого принять в ней участие (Толстой. Т.
65, с. 218). Толстой ответил, что "рад был бы быть полезным... изданию", но
просил не выставлять его имени, так как "это повлечет неизбежно запрещение", и
советовал обратиться к Лескову, о котором писал: "Он одинаковых со мной взглядов
и любит людей, а не русских или немцев" (Толстой, Т. 65, с. 229). Лесков не
согласился с идеей Лисицына, так как "ничего того, что Лев Николаевич пишет для
газеты "христианского" направления, не дозволит напечатать в газете, издаваемой
теперь в России" (письмо Лисицыну от 7 февраля 1891 г. - см.: А.И.Фаресов.
Против течений, с. 250-251). Измигульничать - лениться, отлынивать от работы.
Выражение, принятое в Орловской, Курской губерниях. "под белым ангелом крыла"
фета - см. письмо 11 и примеч. к нему. Аксаковы заводили свои "Руси" и "Дни"...
- Лесков имеет в виду то, что И.С.Аксаков сочетал издательскую деятельность со
службой в Московском обществе взаимного кредита, что облегчало его положение
издателя. Лучше человека воздержат от такого намерения... - План Лисицына не
был осуществлен из-за запрещения Главным управлением по делам печати. Никанор
уснул... - Имеется в виду книга "Восемь бесед высокопреосвященного Никандра"
(Одесса, 1891), изданная посмертно наследниками, и проповеди архиепископа
Амвросия (Полн. собр. 1903), с резкими обвинениями Толстого в "разрушении" основ
общественного и государственного порядка и в "ереси". Суворин выступил с
фельетоном из цикла "Маленькие письма" ("Новое время", 1891, No 5366, 5
февраля), в котором оспаривал положение Толстого, главным образом его проповедь
безбрачия, высказанные им в "Послесловии" к "Крейцеровой сонате".

21

"Франсуаза" причинила... неприятности... - Быть может, Суворин называет
"неприятностями" те сложности, которыми сопровождалась публикация "Франсуазы"
из-за нежелания Черткова принять его предложения (см. письмо 16 и примеч. к
нему).

22

Очень рад, что Вы согласны... - Письмо от 20 февраля неизвестно (Толстой. Т. 65,
с. 329). Ходит один его товарищ... - Вероятно, А.И.Фаресов. Мне хочется писать
"Безбедовича"... - Роман не был написан. В 1892-1893 гг. Лесков набросал начала
двух драм с героем Безбедовичем ("Литературное наследство". Т. 87, с. 45-46).
Безбедович - персонаж романов "Соколиный перелет" (1883) и "Незаметный след"
(1884). О повести моей... - "Полунощники". Поводом к запрещению продажи... - По
распоряжению министерства внутренних дел была запрещена розничная продажа
"Нового времени" из-за фельетона В.Буренина "Дело об утоплении опереточной
канканерки Юзи Пршеканальской вольным наездником сводной закутильской молодежи
Васей Полупьяновым" (No 5383, 22 февраля), в котором освещалась скандальная
истерия убийства корнетом А.М.Бартеневым артистки Варшавского драматического
театра Марии Висневской. 13 марта запрещение было снято. ...усиление строгостей.
- Речь идет об установлении предварительной цензуры на эти журналы. ...свинью
Ивану Ильичу... - Иоанну Кронштадтскому. Там изображен Владимир Григорьевич
Чертков... - Известен портрет Черткова работы Репина. Сведений об иконе с его
изображением нет. Ге должен быть доволен. - В 1890 г. Ге сделал в гипсе портрет
Толстого. Толстой писал 30 июля 1891 г. Ге: "...бюст... Ваш лучше всех"
(Толстой. Т. 66, с. 24).

К Вам ездил Суворин... - Суворин приезжал в Ясную Поляну в конце мая: свое пребывание в доме Толстого описал в статье "Литературные заметки" ("Новое время", 1891, No 5485, 7 июня). ...неурожаи, угрожающий голодом... - Летом 1891 г. в печать проникли сведения о надвигающемся голоде из-за неурожая в европейской России. Е.П.Шелеметьева, помещица Тамбовской губернии, прислала в "Новое время" корреспонденцию, где она описывала тяжелое положение местного крестьянства, которому угрожал голод (опубликовано в No 5495, 18 июня). копию с письма... некоей г-жи Боголеповой... - Письмо неизвестно. Д.А.Хилков в письме от 1 августа 1890 г. к Толстому описал свои впечатления от встречи с Иоанном Кронштадтским 31 июля в с. Николаевке, Сумского уезда, Харьковской губернии. В ответ Толстой писал 3 августа: "Рассказ Ваш об Иоанне чудесен, я хохотал все время, пока читал его вслух. Тут ужасно то, что сделали в продолжение 900 лет христианства с народом русским. Он, особенно женщины, совершенно дикие идолопоклонницы" (Толстой. Т. 65, с. 135). Письмо Хилкова получило широкое распространение в списках. См. письмо 8. "Мимочка на водах" - повесть Л.И.Веселитской ("Вестник Европы", 1891. No No 2, 3). Ей посвящены "Литературные заметки" Суворина ("Новое время", 1891, No 5493, 7 июня), где он отмечал влияние "Крейцеровой сонаты" и "смелость" трактовки женской измены. "Житель" - псевдоним А.А.Дьяконова, автора фельетона "О толстовцах" ("Новое время", 1891, No 5493, 16 июня), написанного в благожелательном для толстовцев духе. "Атава" (псевдоним С. Н.Терпигорева) в фельетоне "Еще по поводу "Мимочки на водах" ("Новое время", 1891, No 5487. 9 июня), рассматривал вопрос: "Достоин ли сочувствия и участия" старый муж Мимочки, которому она изменила на водах. Имя Толстого там не упоминалось. ...русского учителя Ваших детей. - Учителем младших детей Толстого был тогда А.М.Новиков. О каких его заметках идет речь, неизвестно (см. письмо 26 и примеч. к нему). Г.Гелленбах. Человек, его сущность и назначение с точки зрения индивидуализма. СПб., 1885. Сохранилась в библиотеке Лескова, с его пометами ("Литературное наследство". Т. 87, с. 150-151). Толстой об этой книге не писал. Поминаю Николая Николаевича... и Пошу - Н.Н.Ге и П.И.Бирюкова.

24

Написать то, что тронуло бы сердца богатых... - Огромные размеры голода, охватившие близкие к Ясной Поляне районы Тульской губернии, заставили Толстого отступить от изложенной здесь программы и принять самое активное участие в организации широкой помощи голодающим, выступить с резкой статьей, не полностью пропущенной цензурой ("Книжки "недели", 1892, No I), под заглавием "Помощь голодающим" (Толстой. Т. 29, с. 86), и начать кампанию сбора средств для организации столовых и покупки продовольствия.

25

Затеваемый сборник... - см. письма 38, 40. Дать очерк о Цвингли... - Это намерение не было выполнено. Девочка-сиротка... - В неоконченном письме к Толстому от 7 июля 1891 г. Лесков писал; "Я живу один, с 11-летней девочкой, сироткой, которую мать не могла пропитать и доверила мне с 2-х лет, и она теперь уже обо мне нежно заботится. Иные говорят, будто она моя дочь, - но я бы и не боялся признаться в этом, если бы это была правда, а это неправда; я ее взял престо по жалости, по одним мыслям с Сютяевым, что надо всем взять по сироте, и получил я в ней удостоверение, что несколько не трудно любить не свое рожденное дитя, как свое кровное. Вышла у меня добрая и сострадательная ко всякому горю и прекраснейшая чтица, какой я не слыхивал. Влад. Соловьев слушает ее с восторгом, и Ге ее ласкал. А теперь она ходит читать всем "Суратскую кофейню", и так читает, что все невольно заслушиваются. И все она ваши книжки знает и читает их детям, рыбакам и старушкам в богадельне. Вот какая мне послана отрада, и по ней я утверждён в убеждении..." (Жизнь Лескова. Т. II, с. 262). Воспитанница Лескова - Варя Кукк. Лесков удочерил ее, дал ей фамилию Долина. Известно, что она, не закончив школы, а 1907 г. вышла замуж и уехала в Устюжину. Сведений о ее судьбе нет. "Суратская кофейня" - рассказ Толстого, написанный на основе рассказа Бернарден де Сен-Пьера ("Северный вестник", 1981, No 1). Не описать ли его? - В рассказе "Загон" (1893) выведен тип бездельника и мошенника, который назван Ефимом Волковым.

26

"О жизни" - религиозно-философское сочинение Толстого. Лесков читал издание:

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru женева, 1891 ("Литературное наследство". Т. 87, с. 136). У учителя Ваших детей. - См. письмо 23 и примеч. к нему. Возможно, что в "записке" содержалась полемика с А.Ф.Гусевым, автором работы "Л.Н.Толстой, его исповедь и мнимо-новая вера" (Казань, 1889). Стасов Вас обоготворил... - В.Стасов в "Письме к издателю" ("Новое время", 1891, No 5531, 26 июля), обращаясь к Суворину, назвал Толстого писателем, которого "мы с Вами боготворим, кажется, в одинаковой степени". Чертков... так прикончил "Посредник". - "Посредник" просуществовал до 1925 г. В 1893 г. Чертков передал руководство издательством Бирюкову. См. письмо 17 и примеч. к нему.

27

И.И.Горбунов-Посадов был в Ясной Поляне 21-25 июня 1891 г. Его письмо к Лескову не сохранилось. ...чудес Ивана Ильича. - Вырезка из газеты с описанием "чудес" Иоанна Кронштадтского, посланная Лесковым, не сохранилась.

28

...о голоде... - См. письмо 24. Извлечения из него, сделанные Фаресовым, были опубликованы в "Новостях", 1891, No 244, 4 сентября. И в таком урезанном виде создавали впечатление, что Толстой противник оказания помощи голодающему народу. Лесков именует Фаресова "амнистированным лорисовцем", так как Фаресов, который был осужден по революционному процессу 193-х, добился свидания с Лорис-Меликовым и заявил о своем отказе от революционных убеждений молодости, после чего был амнистирован, деле его прекращено и ему было дано право жить в Петербурге. Через два дня увидел в "Новом времени"... - Фаресов предпослал письму Толстого заметку, в которой говорилось, что письмо адресовано "одному старому петербургскому писателю", не имя Лескова не было им названо. Игра слов: "Фрейшиц" - вольный стрелок и название оперы К.Вебера.

29

Выдержки из Вашего письма - письмо неизвестно. Немножко позлее Вас потрепал Мещерский. - В газете "Гражданин" (1891, сентябрь, No 249) была напечатана заметка против Толстого из-за письма к Лескову (см. письмо 28 и примеч. к нему). Письмо вызвало враждебную кампанию против Толстого в газетах и журналах различного направления. Лесков счел необходимым выступить с разъяснением. В заметке ("Петербургская газета", 1892, 20 января, No 19, подпись Н) он указал, что письмо оглашено "не в целом виде, а с очень значительными и весьма существенными исключениями важных мест и мыслей", сделанными "произвольно и бесправно или редактором "Новостей", или тем лицом, которое сочло себя вправе доставить список с письма в "Новости". ...дерется с Вами.... - Выражение Толстого, относящееся к критике В.П.Буренину (см.: Литературное наследство", Т. 37-38, с. 239), чьи полемические статьи "Журнальные разговоры" печатались в "Новом времени" (август-сентябрь, No No 5568, 5575, 5582). Девочка-сиротка - См. письмо 25 и примеч. к нему. О попе я писал... - Неизвестно, о ком идет речь. "Краткое изложение Евангелия". Женева, 1891. Сохранилось в библиотеке Лескова с его пометками ("Литературное наследство", Т. 87, с. 136).

30

...дел о штундистах. - А.Ф.Кони в своем мемуарном очерке "Штундисты" ("На жизненном пути". Т. I. М., 1913) рассказал, что в октябре и в ноябре 1892 г. Сенат рассматривал вопрос о праве штундистов, отвергающих ортодоксальное христианство, на молитвенные собрания, после чего против штундистов начали возбуждать уголовные дела. Исследование Ореста Новицкого. - Речь идет о магистерской диссертации О.М.Новицкого "О духоборцах" (Киев, 1832, переработанное и дополненное изд. - 1882г.).

31

Вчера получил от вас ответ... - Письмо неизвестно. Книга, которая уничтожена... - Неверно. Книга Новицкого не была уничтожена. Доклады сенатора Ровинского. - О каких докладах идет речь, неизвестно. Упоминание о моем вмешательстве... - Здесь Лесков касается так называемой "Диллоновской истории". Переводчик Э.М.Диллон с разрешения Толстого перевел на английский язык статью "О голоде" (Толстой. Т. 66, с. 26). Перевод, сделанный по корректуре, полученной от П.А.Гайдебурова, был опубликован в газете "Daily Telegraph" (1892, 14-26 января) в виде писем под

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru названием "Почему русские крестьяне голодают?". Этот бесцензурный текст отличался от того текста, который был напечатан в "Книжках "Недели" (1892, No 1). Глава V в обратном переводе была напечатана в "Московских ведомостях" (1892, No 22, 22 января) в качестве передовой под заглавием "Граф Лев Толстой о голодающих крестьянах", с примечанием, в котором "письма графа Толстого" сравнивались с "подпольными мерзкими листками" и расценивались как "открытая пропаганда к ниспровержению всего существующего во всем мире социального и экономического строя..." По настоянию С.А.Толстой, Л.Н.Толстой написал письмо "Редактору газеты "Правительственный вестник", в котором утверждал, что газета "вследствие двукратного и слишком вольного перевода" (Толстой. Т. 66, с. 161) опубликовала статью в искаженном виде. С.А.Толстая в письме в "Московские ведомости", пересланном "Daily Telegraph", опровергла подлинность текста, с которого был сделан английский перевод. Таким образом, на Диллона пало подозрение в фальсификации письма Толстого, что могло лишить его должности иностранного корреспондента. Лесков был огорчен всем происшедшим, о чем писал Черткову (Толстой. Т. 87, с. 139). Толстой написал письмо Диллону (опубликовано в "Московских ведомостях", 1892, 12 марта, No 71). В беседе с Л.Я.Гуревич Толстой высказал "живейшую благодарность по адресу Лескова, который своими откровенными обличениями побудил его не только написать Диллону письмо, но и выразить готовность публичного покаяния..." (Любовь Гуревич. Литература и эстетика. М., 1912, с. 279). ...сообщил Вам их просьбу. - Речь идет о фотографии Толстого для альбома фотографий лиц, сотрудничавших в "Неделе" П.А.Гайдебурова, в связи с пятнадцатилетием журнала "Книжки "Недели". Лесков 10 декабря 1892 г. писал Т.Л.Толстой: "Понятно, что портрет Льва Николаевича составляет первый интерес и что о нем просят и хлопочут, а хлопоты эти направили через меня... Сделайте милость, помогите мне исполнить просьбу "недельцев", между которыми есть много прекрасных людей, искренне любящих и уважающих Вашего отца..." ("Вопросы литературы", 1964, No 10, с. 255).

32

...хотели навестить меня... - Лесков об этом же писал А.Л.Волынскому: "Хотите слышать о прекрасном? Слушайте: Лев Николаевич позавчера собрался ко мне, чтобы навестить меня... Успокоительное известие его остановило. Зная его нелюбовь к Петербургу и нежелание быть здесь ни для чего, что я чувствовал при этом известии и... как я заплакал! Рад, однако, что не поехал!" (А.Л.Волынский. Н.С.Лесков. Пгр., 1923, с. 217-218). ...были напоры... и Редстока... Пашкова... - Лорд Росток - английский проповедник, создатель т. н. евангелического учения, согласно которому спасение души человека совершается не свершением добрых дел, а верой в искупление кровью Христа. Среди аристократии он нашел много последователей. Пашков В.А. - рьяный его последователь. Свое ироническое отношение к этому Лесков высказал в статьях "Сентиментальное благочестие" и "Великосветский раскол". Бобринский А.П. - министр путей сообщения, Засецкая Ю.Д. - дочь поэта Д.Давыдова. "О жизни" - см. письмо 26 и примеч. к нему. "Федон" - философский диалог Платона, посвященный описанию смерти Сократа и его предсмертным разговорам. Этот диалог произвел на Толстого большое впечатление (Толстой. Т. 66, с. 68).

33

Благодарю... за Ваше письмо... - Письмо неизвестно. В цитируемом тексте письма Толстого - мысль о смерти. "Импровизаторы" ("Книжки "Недели", 1892, No 12), "Пустоплясы" ("Северный вестник", 1893, No 1). Лесков либо из не дошедшего до нас письма Толстого, либо из писем его дочерей узнал его мнение об этих произведениях. 17 февраля 1893 г. Он писал Т.Л.Толстой: "чем нравятся "Импровизаторы" - не понимаю, и чем не нравятся "Пустоплясы" - тоже не понимаю... А какой есть изъян, про это хотелось бы знать" ("Вопросы литературы", 1964, No 10, с. 253). Любовь Яковлевна - Л.Я.Гуревич. Письма Смирновой о Гоголе и Пушкине... - Речь идет о "Записках" А.О.Смирновой ("Северный вестник", 1893, No 1; продолжение - 1893-1894 гг.). В действительности автор воспоминаний - дочь А.О.Смирновой-Россет, О.П.Смирнова, и печатались они в переводе с французского Л.И.Веселитской. Лесков почувствовал их неподлинность. Он писал Т.Л.Толстой, что "они вносят в душу что-то "обидное"... От них пахнет чем-то вроде "старых фортепьян" ("Вопросы литературы", 1964, No 10, с. 254). из Ваших 12-ти глав... - "Царство Божие внутри вас" (см. письмо 37).

33

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru ...послужившее началом книге... - Трактат "О жизни" Толстой начал писать как ответ на письмо А.К.Чертковой от 12-16 сентября 1886 г. (Толстой. Т. 85, с. 392-396). "Мимочка" - повесть Л.И.Веселитской. 20 января 1893 г. Лесков ей писал: "я читал "Мимочку" четыре раза и, получив книжку от автора, прочитал еще в пятый раз. Повесть все так же свежа, жива и любопытна, и притом манера писания чрезвычайно искусна и приятна". (Лесков. Т. 11, с. 526). ...вы мне вчера принесли радость... - В письме от 13 января 1893 г. Лесков делился с Веселитской своими чувствами: "вчера я писал Льву Николаевичу и сообщил ему, что вы меня навестили и что я был этим очень счастлив, и что вы пришли ко мне, так сказать, во имя его, стало быть, он как бы был среди нас" (Лесков. Т. 11, с. 524). Веселитская свое посещение Лескова описала в книге "Встречи с писателями". Л., 1928, выпущенной под псевдонимом В.Микулич.

35

Ваше последнее литературное произведение - трактат "Царство Божие внутри вас". статья о Волынском - речь идет о статье М.О. Меньшикова "Критический декаданс" ("Книжки недели", 1893, No 7), в которой он обвинял А.Волынского, автора статей в "Северном вестнике" против Белинского, Добролюбова и Писарева, в том, что он "впал в декаданс, в тот гладкий эстетико-мистический разврат духа, ненависть к нормальному здравому смыслу". Лесков назвал статью "горячей и умной" (Лесков. Т. 11, с. 550). ...будем, верно, читать вчетвером. - "читали без перерыва, без обмена мнениями. - вспоминала Веселитская. - Времени у нас было мало, а содержания рукописи много. Не помню, сколько дней мы читали "Царство Божие", но читали каждый вечер. А пробыли в Меррекуле с 8 по 14 июля" (В.Микулич. Встречи с писателями, с. 187). ...экземпляр привезен... еще по зиме. - Работа над трактатом "Царство Божие внутри вас" была закончена зимой 1892 г., за исключением главы XII, завершенной в мае 1893 г. После своей побывки у Вас в мае... - Веселитская провела в Ясной Поляне 12-13 мая. С ней была послана глава XII трактата для передачи Е.И.Попову, который должен был отослать ее в Париж переводчику И.Д.Гальперину-Каминскому.

36

Начало письма утрачено. ...продолжать одну художественную вещь - "кто прав?" ...начал об искусстве и науке. - Толстой имеет в виду свою работу над материалами, присланными ему Чертковым и составленными из незаконченных статей об искусстве. Посылая ее, Чертков писал Толстому: "Она не то что произведет эпоху, а вызовет назревшую эпоху в искусстве и науке" (Толстой. Т. 87, с. 188). Эта работа осталась незавершенной.

37

Новое сочинение Ваше - "Царство Божие внутри вас". Спиридон Иванович - персонаж трилогии "Мимочка". брат наш... Черниговский и Нежинский... - Н.Н.Ге, проживавший близ города Нежин, Черниговской губернии. "благочинный из Россоши" - В.Г.Чертков, живший вблизи станции Россошь, Воронежской губернии. Меньшиков... хотел писать Вам. - Лесков в письме к Т.Л.Толстой объяснил, из каких соображений он не сообщил Толстому свое мнение о трактате. Он писал ей: "О впечатлении теперь не буду говорить, так как оно огромно и еще не утряслось. Может быть, нам не следует писать своих впечатлений, так как все, что нам кажется, - вероятно, было у Льва Николаевича на уме и им отвергнуто по достаточным причинам" ("Вопросы литературы", 1964, No 10, с. 253). Более подробно на эту тему Лесков высказался в письме к Веселитской 2 августа 1892 г.: "Он (т. е. Толстой) желает, чтобы я написал ему о наших впечатлениях. Но это я сделать неспособен и писать не буду. Напишет ему Меньшиков, который собаку съел на эти дела. Модестыч (Хирьяков) что-то было начертал, но я и его отговорил, почитая это за несвоевременное и бесполезное. Притом думал, что все то, что приходит нам в голову, уже не раз побывало в несравненно более сильном и совершенном уме Льва Николаевича" ("Литературная мысль". 1925. Т. III, с. 285). В тот же день он писал Меньшикову: "...из всего, что я слышал, стоило бы сообщить мнения ваши, но вы сами ему будете писать, а я от общего содержания нахожусь в восхищении и радуюсь, что Лев Николаевич написал такое сочинение..." (Лесков. Т. II, с. 555). Выполняя просьбу Лескова, Меньшиков 20 июля послал Толстому письмо с восторженным отзывом о его сочинении, за что Толстой его благодарил (Толстой. Т. 66, с. 375). Гусевское обстреливание... - А.Ф.Гусев (см. письмо 26) выступил с полемической книгой "Основные религиозные начала графа Л.Толстого", Казань, 1893. Не хотят брать в руки оружия... - Лесков имеет в виду цитируемые Толстым

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru строки из запрещенного цензурой дневника Муравьева-Карского о крестьянах, отказавшихся от военной службы и отправленных в Кавказскую армию; "Их уже несколько раз кнутом секли, сквозь строй гнали, но они отдают себя охотно на самые жестокие мучения и на смерть, дабы не служить" (Толстой. Т. 28, с. 22). Вывел его в рассказе "Дурачок". – Крой рассказа "Дурачок" Панька "пошел служить со своим дурачеством и провел всю войну в "профосах", "за всеми позади рвы копал да пакость закапывал". Сын Спиридона Ивановича. – Петров Григорий Спиридонович, священник, знакомый Веселитской, выступал с проповедями и статьями на религиозно-этические темы. За свои убеждения в 1907 г. был лишен сана. Был знаком с Толстым. ...паломничество в Колпино. – Веселитская была очень религиозна. Лесков считал, что ей следует либо отвергать учение Толстого, либо отказаться от православия; "инфам", т. е. выражение Вольтера "ecrasez l'infamie" ("раздавите гадину"), относившееся к официальной церкви.

38

Сборник, изданный... Сибиряковым... – Лесков упоминает изданный К.М.Сибиряковым в 1893 г. сборник "Путь-дорога" в пользу общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам. Здесь напечатана повесть Толстого "Ходите в свете, пока есть свет" и очерк Лескова "Продукт природы". Выпады Лескова необоснованны, так как Сибиряков занимался издательской деятельностью бескорыстно. Новый сборник с Павлом Ивановичем Бирюковым. – Неизвестно, что хотел издавать Сибиряков совместно с Бирюковым. Никифоров собирает даровые жертвицы на сборник... – Речь идет о хрестоматии "На добрую память. От русских писателей. Книга для семейного чтения". В предисловии Л.М.Никифоров писал, что вся прибыль с этого сборника предназначается "нуждающимся крестьянам" "его родины", то есть пензенским крестьянам. Издателем сборника был владелец книжной лавки в Москве Д.В.Банков. Подозрения Лескова относительно Никифорова неосновательны, он был известен своим бескорытием. В сборнике Никифорова Толстой дал "Беседу досужих людей" (см. письмо 40) и рассказ "Крестник", а Лесков рассказ "Дурачок". Сборник вышел в 1894 г.

39

Посылаю оригинал рассказа... – рассказ "Дурачок". Все книги... пропускались не общему цензурю... – Эта сообщение не подтвердилось. Вы хвалите Гастона Буассье... – В дневниковых записях от 28 марта 1890 г. и мая 1893 г. отмечено Толстым чтением работ Гастона Буассье "Очерки истории религии" и "Падение язычества" (Толстой. Т. 51, с. 29, Т. 52, с. 83). Судя по этим записям, Толстой оспаривал некоторые положения Буассье. ...героизм Карлейля... – Лесков был большим почитателем трудов Т. Карлейля и его книги "Герой и героическое в истории" (СПб., 1891). В письме к Т.Л.Толстой от 17 февраля 1893 г. Он рекомендовал прочесть это сочинение, так как там "много разъяснения и утешений, и бездна яркого освещения". Узнав, что Толстому книга не понравилась, Лесков был огорчен ("Вопросы литературы", 1960, No 10, с. 254). В.Ф.Лазурским записано следующее высказывание Толстого о Карлейле: "Его увлечение героями, аристократизм и презрение к массам – это отвратительно!" ("Литературное наследство", т. т. 37–38, с. 462).

40

Письмо о сборнике Никифорова... – Письмо неизвестно. ...Веселитская у Вас... – Веселитская провела в Ясной Поляне 10 и 11 октября. ...пустит у себя Никифоров. – См. письмо 38. "Петербургская нана" – лубочный роман безымянного автора, имевший скандальный успех. Приеду в Москву... – Это желание не осуществилось. 2-й том Шопенгауэра... – Толстой на протяжении многих лет, начиная с 1869 г., проявлял исключительный интерес к философии Шопенгауэра. "Знаете ли, писал он Фету 30 августа 1869 г., – что было для меня нынешнее лето? Неперестающий восторг перед Шопенгауэром и ряд духовных наслаждений, которых я никогда не испытывал. Я выписывал все его сочинение и читаю, и читаю... и, верно, ни один студент в свой курс не учился так много и столь многого не узнал, как я в нынешнее лето... я уверен, Шопенгауэр гениальнейший из людей" (Толстой, Т. 61, с. 219). По предложению Толстого Фет осуществил перевод сочинения Шопенгауэра "Мир как воля и представление" (СПб., 1881, ЯПБ, с пометками Толстого). Изречения из работ Шопенгауэра включены в сб. "Круг чтения", "На каждый день", "Путь жизни". Переход "Посредника" к новому командиру. – В августе 1893 г. руководство "Посредником" перешло к П.И.Бирюкову, а его помощником стал И.И.Горбунов-Посадов. Ламот-Гион. – Книгу Де ла Мотт-Гийон "Святая Библия"

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru (Париж, 1790) Страхов рекомендовал Толстому (Толстой. Т. 65, с. 161). См. письмо 41. В статье "Неделание", написанной в ответ на речь Золя к студентам, которым он рекомендовал занятия наукой и трудом, проводилась мысль, что "возвращение к отжитым верованиям", поиски "спасения в религии" так же бесплодны, как занятия наукой (Толстой. Т. 29, с. 184). Статья впервые опубликована в "Revue des Revues", 1893, No 4. Меньшиков в статье "китайская стена" ("неделя", 1893, 12 сентября, No 37) выступал против "китайской стены" между народами. Толстой, не будучи знаком с автором статьи, просил П.А.Гайдебурова в письме от 17 сентября "выразить... тому, кто писал ее, мое сочувствие и благодарность" (Толстой. Т. 66, с. 396-397). "Загон" - публицистический очерк, направленный против славянофильских и националистических идей. Эпиграф к нему взят из книги Иоганна Тюнена "Уединенное государство в отношении общественной экономики" (Карлсруэ, 1857). ...начал писать француженку "Мамзель Хальт". - Замысел не осуществлен.

41

На вопрос о синологах... - Письмо неизвестно. Сведения о петербургских синологах нужны были Толстому для проверки сделанного им с немецкого перевода Лао-тзе. В.В.Комаров, редактор шовинистической и черносотенной газеты "Свет", и Суворин, редактор "Нового времени", во время празднеств в Париже по случаю посещения русской эскадрой Тулона выступили там как "делегаты русской печати". Удобен ли он к печатанию... - Книга "Изречения китайского мудреца Лао-тзе, избранные Л.Н.Толстым, с предисловием Толстого "О сущности учения Лао-тзе" вышла в издательстве "Посредник" в 1910 г. (см. Толстой. Т. 40). ...искалечили бедную "Мимочку". - Цензурная история романа "Мимочка отравилась" неизвестна. Отец Гавриил... моложе Ивана - Иоанна Кронштадтского. ...и печатать их не дают... - Лесков имеет в виду заметку в "Новом времени" (1893, No 6325, 9 октября) в связи со статьей в "С.-Петербургских ведомостях" "Об умственном голоде" (1893, 29 сентября и 6 октября). В заметке говорилось, что издания "Посредника" очень нравятся народу, но распространяются "крайне туго". Лесков, возмущенный этой ложью, опубликовал в газете "Русская жизнь" (1893, 10 октября) "Письмо в редакцию", в котором писал: "Книжки, нами составленные, имели хороший успех", и намекал на цензурные затруднения в издании этой литературы. "Христос у мужика в гостях" и "Легенда о совестном Даниле" - произведения Лескова, изданные "Посредником". ..."кобель потрясучий" из подворотни так и заливается... - Имеется в виду В.П.Буренин, выступивший со статьей ("Новое время", 1893, No 6326, 8 октября), которая содержала антисемитские выпады против критика А.О.Волынского.

42

...вернулась от Вас... Веселитская. - Это посещение Веселитской подробно описано ею в книге "Встреча с писателями" (с. 38-56). ...пойдет к нему за синологом. - Толстой поручил Веселитской зайти в Публичную библиотеку к Стасову и просить его послать в Ясную Поляну книги о Китайских мудрецах. ...кличут Виктором Петровичем. - Имеется в виду В.П.Буренин. См. письмо 41 и примеч. к нему. ...отрезвление в немецком издании. - Лесков от Веселитской узнал, что Толстой, возмущенный "океаном глупости", то есть правительственной шумихой в связи с заключением франко-русского военного союза, написал резко обличительную статью "Христианство и патриотизм", которую намерен издать в Германии, так как в России по цензурным причинам она не могла быть опубликована. ...недавно читала Герцена. - От Веселитской Лесков узнал о том, что Толстой тогда перечитывал сочинения Герцена. В своих воспоминаниях она приводит такой разговор с ним: "Лев Николаевич спросил меня, читала ли я Герцена. (О, сколько раз!) А он сейчас перечитывал его и с большим удовольствием. И не потому, что внешне так блестяще и изящно, а потому, что видишь человека, которому было ясно, что делалось вокруг... и такой писатель не входит в учебники, а зубрят Жуковского, который был за смертную казнь" (Встречи с писателями, с. 26).

43

...если... пошлю, и в английские, и в немецкие. - В апреле 1894 г. текст трактата был одновременно послан для перевода и публикации в Англию, Францию и Германию. Первой была публикация во Франции (декабрь 1894 г.) и последней в Германии (в августе 1895 г.) и в Женеве. Речь идет о повести И.Н.Потапенко "Семейная история" ("Северный вестник", 1893, No No 8-10). В письме от 20 декабря 1893 г. Толстой изложил содержание повести: "Мальчик 18 лет узнает, что у отца любовница, а у матери любовник, возмущается этим и выражает свое чувство.

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru И оказывается, что этим он нарушил счастье всей семьи и поступил дурно. Ужасно. Я давно не читал ничего такого возмутительного!" (Толстой. Т. 84, с. 198-199). ...всех Золя, Бурже... - В своем трактате "Что такое искусство?" Толстой писал: "...чтение романов и повестей Золя, Бурже, Гюисманса, Киплинга и других, с самыми задирающими сюжетами, ни одной минуты не тронуло меня, но мне все время досадно было на авторов... С первых строк видишь намерение, с которым писано, и все подробности становятся не нужны, и делается скучно. Главное же - знаешь, что у автора никакого другого чувства, кроме желания написать повесть или роман, нет и не было. И потому не получается никакого художественного впечатления" (Толстой. Т. 30, с. 145).

44

Гладстоном Вы смутили многих. - В статье "Неделание" Толстой среди многих примеров отклонения людей от единственно возможного разумного смысла жизни", открытого христианством человечеству (от "любви друг друга без различия личностей, семей, народностей"), называет человека, который "проводит билль "гомруля" (Толстой. Т. 29, с. 199). Эту фразу расценили как выпад против английского государственного деятеля Уильяма Гладстона, в то время отстаивавшего закон о самоуправлении Ирландии (в рамках Британской империи), именовавшийся "билль гомруль". ...известный шпион и сыщик. - К письму Лесковым была приложена вырезка из газеты, содержащая объявление об открытии подписки на ежемесячный научно-литературный и политический журнал "Новое слово", с весьма неясной ориентацией. Его издатель И.А.Баталин пользовался сомнительной репутацией. По собственному признанию, он "служил несколько лет в сыскальной полиции" (С.А.Венгеров. Критико-биографический словарь. Т. II, вып. 22-30, с. 220).

45

...заведующий общежитием студентов... - Лесков виделся с помощником инспектора студентов в Петербургском университете Н.Г.Барсовым, женатым на дочери художницы Елизаветы Бем. Студенты... телеграфировали в Париж. - Лесков описывает студенческие волнения в Петербургском университете, вызванные тем, что реакционная часть студенчества требовала посылки приветственной телеграммы в Париж по случаю празднеств в Тулоне в честь установления русско-французского военного сотрудничества. Телеграмма была послана "от имени студентов" ректором университета П.В.Никитиным. О событиях в университете в официальной прессе не было сообщений. В статье "Христианство и патриотизм" Толстой приводит текст протеста студентов Московского университета, подписанного "Союзным советом 24 объединенных московских землячеств", посланного в Париж, но не опубликованного ни в одной газете (Толстой. Т. 39, с. 34-35). На торжестве Григоровича не был. - Имеется в виду празднование пятидесятилетия литературной деятельности Д.В.Григоровича, которое произошло 31 октября 1893 г. в Обществе поощрения художеств. Там было зачитано письмо Толстого от 27 октября 1893 года, в котором, обращаясь к Григоровичу, он писал: "Вы мне дороги и по воспоминаниям почти 40-летних дружеских отношений... и в особенности по тем незабвенным впечатлениям, которые произвели на меня вместе с "Записками охотника" ваши первые повести... За... благотворное на меня влияние ваших сочинений вы особенно дороги мне, и через 40 лет от всего сердца благодарю вас за него..." (Толстой. Т. 66, с. 109). ...пишет нечто для Гуревич. - Повесть "Зарницы" ("Северный вестник", 1894, No No 1-4). Обозренье это... - см. письмо 40 и примеч. к нему. Отзыв Толстого - см. письмо 47.

46

"О русских журналистах в Париже". - В статье весьма ядовито высмеивались русские журналисты Суворин и Комаров, представлявшие "русскую прессу" во Франции на торжествах в Тулоне. "Они произносили речь о политике в таком тоне, как будто это для них самое обычное занятие на родине, и они высказывали от имени нашего общества такие чувства, которых вовсе не выражают у себя дома". ...здравницу "кавалеру". - Лесков именуется "кавалером" Григоровича, так как по случаю своего юбилея он был награжден орденом Святослава 1 степени. Сюда приезжал из Москвы Гольцев. - В.А.Гольцев, находившийся под надзором полиции, был арестован и выслан обратно в Москву, где у него произвели обыск. Суворин вернулся из Парижа. Сегодня в "Новостях" (1893, 2 ноября) - была напечатана статья В.И.Модестова "Что случилось?" в которой он выражал свею радость по поводу сближения России и Франции, так как "жизнь вне Европы для нас, ставших великою европейскою державою, теперь не только не возможна, но и немислима". ...о том, что написал

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru для "Недели" – т. е. об очерке "Загон". Опубликовано – "Книжки "Недели", 1893, No 11.

47

Не прочел Вашей вещи – "Загон". Д.А.Хилков не состоял в церковном браке со своей женой Ц.В.Винер, и их малолетние дети не были крещены. Его мать, Ю.П.Хилкова, добилась у Александра III через Победоносцева "повеления" передать ей для усыновления детей ее сына, чтобы крестить их, воспитать в православном духе и передать им свое княжеское имя и имущество. Малолетние дети Хилкова 21 октября 1893 г. внезапно были увезены от родителей Ю.П.Хилковой, приехавшей с представителями полиции. Хлопоты Хилкова не имели последствий. Это дело глубоко возмутило Толстого, 5 ноября он написал письмо Ю.П.Хилковой, в котором просил ее объяснить ему, зачем она это сделала (Толстой. Т. 66, с. 423). В письме к Хилкову от 18 ноября он высказал свое сочувствие и возмущение всей этой историей (Толстой. Т. 66, с. 431). Он также обращался с письмом к Александру III (Толстой. Т. 67, с. 4). Статья М. О. Меньшикова "Работа совести" (по поводу статьи "Неделание" Толстого) опубл. – "Книжки "Недели", 1893, No 11). Я пишу то же... – "Христианстве и патриотизм". Закончена в марте 1894 г.

48

Вы пишете по поводу флотских визитов... – Лесков имеет в виду статью "Христианство и патриотизм". "Работа совести" превосходна. Я Вам писал о ней. – Письмо неизвестно. Фаресов передал восторженный отзыв Лескова об этой статье: "Готов и в третий раз читать эту статью. Такая деликатность в ней. У нас давно так не писали... Давно я не читал ничего подобного" (А.Фаресов. Против течений, с. 211). ...как материал, может быть годный для... работы. – См. письмо 46 и примеч. к нему. Сквитался с Хилковым за сцену в Сумах. – Дети Хилкова были крещены при участии Иоанна Кронштадтского, которого Лесков называет "пержаном" (от фр. Pere Jean – "Отец Иоанн"), Лесков имеет в виду письмо Хилкова о нем (см. письмо 23 и примеч. к нему). "Письма Сенеки к Люцилию". – В библиотеке Лескова сохранилась книга: Люций Анней Сенека. Избранные письма к Люцилию. Перевод с латинского Пл. Краснова, СПб., б.г., с многочисленными замечаниями и пометами ("Литературное наследство", т. 87, с. 150). ...редактор... Василии Евгеньевич Миляев. – Речь идет об издававшейся киевским книгопродавцем Ф.А.Иогансоном "Библиографической библиотеке". Ее редактор В.Е.Миляев просил Лескова принять участие в сборнике этой серии, доход с которого предназначался для устройства читален в деревнях. Издание не было осуществлено, и, по-видимому, редакция сборника к Толстому не обращалась.

49

...у Жуковского о смертной казни". – Меньшиков приезжал в Москву в конце января 1894 г. и тогда познакомился с Толстым. Статья Жуковского "О смертной казни" вызвала возмущение Толстого. Он упоминает ее в черновиках своего трактата "Царство Божие внутри вас" (Толстой. Т. 28, с. 349), а Лесков – в повести "Заячий ремиз". Герой повести "Перегуда из Перегудов" говорит: "Желал Жуковский, чтобы казнь в России происходила не как у иностранцев, а без всякого свирепства и обиды, а как "спасающий порядок, установленный самим Богом" (Лесков. Т. 7, с. 532). Вспоминаю Вас за этим чтением... – Толстой проявлял большой интерес к философии Сенеки. В "Круге чтения" помещены многие его изречения.

50

Анри Амиэль приобрел широкую известность своим дневником, "Fragments d'un journal intime", который был переведен М.Л.Толстой, отредактирован Толстым под названием "Из дневника Амиэля", опубликован в "Северном вестнике" 1894, No No 1-7. В предисловии Толстой писал: "Он чувствует то... что мы все приговорены к смерти, и казнь наша только отсрочена. И от этого-то так искренна, серьезна и полезна эта книга" (Толстой. Т. 29, с. 212). Лесков писал Т.Л.Толстой 6 июня 1894 г.: "Перевод Амиэля изумительно хорош и кусок от куска становится лучше. Есть страницы просто поразительные, как, например, в июньской книжке стр. 986-987, проходящий через себя жизненный вихрь и многое другое" ("Вопросы литературы", 1964, No 10, с. 254). ...соскребя пометы и грязь... в храме живого Бога. – В последние годы жизни Лесков в своих произведениях ("Загон", "Заячий ремиз", "Зимний день" и др.) резко и открыто выступал против официальной церкви, ортодоксального христианства, разоблачал его лицемерие, ханжество и лживость.

51

Я Вам писал тогда... - См. письмо 36.

52

...написал бы "Записки расстриги"... - Этот замысел изложен в письме Веселитской 27 ноября 1893 г.: "Охотно написал бы "Записки расстриги", а может быть еще напишу их. Клятвы разрешать, ножи благословлять, браки разводить, детей закрепощать, выдавать тайны, держать языческий обычай пожирания тела и крови, прощать обиды, сделанные другому, оказывать протекцию у Создателя или проклинать и делать еще тысячи пошлостей и подлостей, фальсифицировать все заповеди и просьбы "повешенного на кресте праведника" - вот что я хотел бы показать людям, а не Варнавкины кости! Но это небось называется "толстовством", а то, немало не сходное с учением Христа, есть "православие!" (Лесков. Т. 11, с. 529). Ваш новый фотографический портрет. - фотография, выпущенная фирмой "Шерер-Набгольц и К°". Портрет Толстого, написанный художником Н.А.Ярошенко, был закончен лишь летом 1894 г.

53

Катехизация христианской веры. - Работа Толстого "Христианское учение" сначала была задумана в форме вопросов и ответов и именовалась им "Катехизисом". Однако в процессе работы Толстой пришел к мысли изменить форму. 2 ноября 1894 г. Он записал в своем дневнике: "Все верчусь в самом начале... Думал тоже о том, что надо бросить катехизичную форму" (Толстой. Т. 52, с. 153). Издана в 1898 г. в Лондоне. В.Стасов, намереваясь составить книгу о Ге, обращался за материалами к лицам, близко его знавшим. Она первоначально печаталась в "Северном вестнике", 1895, No No 1-3, а затем была издана "Посредником" - "Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка". Лесков вначале также предполагал написать свои воспоминания о Ге, но, как это видно из письма к Т.Л.Толстой от 3 июля 1894 г., раздумал, боясь, что его очерк не подойдет Стасову. "Однако я намереваюсь о нем сказать одну правду, которою он отличался от всех художников (кроме Каульбаха и Габриэля Макен), - писал он ей, - в нем не было ничего "лакейского", без чего, по замечанию Шопенгауэра и Гейне, художника "не бывает", "лакей непременно скрыт во всяком художнике". В Ге это не было: он был независим и благороден и не подделывался ни к каким милостивцам, как делают все (в России теперь все без изъятия)... но не думаю, чтобы это понравилось Стасову" (см.: "Вопросы литературы", 1964, No 10). См. письма 54, 55. Шишкин, Репин и Маковский.... будут ходить в мундирах. - В 1894 г. художник В.А.Серов отказался от должности профессора-руководителя в Академии художеств, желая сохранить независимость своей общественно-художественной позиции, в то время как В.Е.Маковский и другие именитые художники приняли должности профессоров Академии художеств.

54

Работа, за которую я взялся... - "Христианское учение" ("Катехизис"). Закончено в 1896 г. Картины Ге "Суд Синедриона, или Повинен смерти!" и "Распятие" летом 1894 г. были доставлены в Ясную Поляну, а затем отправлены в Москву к П.М.Третьякову и впоследствии проданы за границу. Толстой находил, что эти картины Ге превосходят живописное творчество большинства современных ему художников. В письме к Д.А.Хилкову 11 июня 1894 г. Он утверждал. Что "Распятие" нынешнего года удивительная картина. В первый раз все увидели, что распятие - казнь, и ужасная казнь" (Толстой. Т. 67, с. 143). Силу последних творений Ге Толстой видел в том, что "в них выражен не Христос как человек, один сам с собою и с Богом, как у него же в Гефсиманском саду... а Христос в известном олицетворяющем всегдашнее и теперешнее положение всех последователей Христа отношении его к окружающему миру" (Толстой. Т. 67, с. 175). Хорошо, если бы вы написали о нем. - Лесков, несмотря на то, что был убежден в необходимости писать воспоминания о Ге, ибо "он и сам стоит внимания, да и по поводу его есть о чем пораскинуться" ("Памяти В.А.Гольцева". М., 1910, с. 254), все же этого своего желания не осуществил (см. письмо 53 и примеч. к нему). Должно быть, и я напишу... - Толстой специальных статей или воспоминаний о Ге не писал, но в своих письмах, особенно В.В.Стасову (например, 12 июня и 4 сентября 1894 г. - Толстой. Т. 67, с. 147-148, 216), он дал оценку личности и творчества этого художника. Не написав воспоминаний о Ге, Толстой попросил это сделать Т.Л.Сухотину-Толстую, которая посвятила Ге целую главу в своей книге "Друзья и

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru гости Ясной Поляны" (см.: Т.Л. Сухотина-Толстая. Воспоминание. М., 1976).

55

"сообщить письма". - Лесков не передал Стасову своей переписки с Ге, которая остается до сего времени неразысканной. "Пренепорочная Лидия - Л.И.Веселитская. ...о стасовском национализме... - Стасов интересовался проблемой национального искусства. В своих статьях он резко выступал против импрессионизма французской живописи и подчеркивал преимущество русской художественной школы, предостерегал от подражания западным направлениям. Эта тенденция не вызывала сочувствия у Ге и Лескова, не принимавшего славянофильских идей. ...тот путь, которым пошел Алехин. - Чертков в письме к Толстому от 20 декабря 1891 г. цитирует письмо Лескова к нему: "Здесь есть Аркадий Алехин, и он знает много интересного и сам очень интересен. Он мне рассказывал "как растаяли толстовские бетизы". И жалостно, и смешно, и уныло. Любовь к Льву Николаевичу скинулась в ненависть к нему и презрение. Сам Аркадий Алехин в каком-то мистическом угаре и тяготеет к Вл.Соловьеву" (Толстой. Т. 87, с. 121). Лесков цитирует послания Нила Сорского (см.: "Преподобный Нил Сорский, первооснователь скитского жития в России". (СПб., 1869). "командор" - в библиотеке Лескова сохранился экземпляр книги: Э.Золя. Лурд. СПб., 1894, с его пометами, одна из которых является комментарием к настоящему письму. Лесков подчеркнул слова лектора Шассена: "командор был прав. Нет ничего лучше смерти, но для того, чтобы начать новую жизнь" ("Литературное наследство". Т. 87, с. 147-148). Отзывы Толстого об этом романе неизвестны.

56

Работа подвигается... "Христианское учение" ("Катехизис").

57

Владимир Великий - В.В.Стасов. Вы и Ваши дочери отдали, бывшие у Вас письма. - В книге Стасова о Ге использованы письма Ге к Толстому и его дочерям Татьяне Львовне и Марии Львовне. Н.Ф.Щербина в Эпиграмме "Наше время" (1867) писал о Стасове:

Когда стал чином генерал

Служебный якобинец Стасов.

Я сожалею, что за это взялся Владимир Васильевич - Стасов был убежденным атеистом и не сочувствовал религиозным исканиям Ге, и, вероятно, этим в известном мере объясняется неприязненное отношение Лескова к работе Стасова. об Энгельгардте... - Статья А.фаресова "Воспоминание об А.Н.Энгельгардте" ("Вестник Европы, 1893, No No 7, 8). ...совсем уж изготовился строчить о Ге... - Статья фаресова о Ге не появлялась в печати. Воспоминания... Стасова. - Книга Стасова "Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка" (см. письмо 53 и примеч. к нему). ...достопочтенную Надежду Васильевну... - Лесков имеет в виду сестру Стасова - деятельницу женского освободительного движения. Она организовала ответный адрес-альбом и подарок французской журналистке Жюльетте Адан, по чьей инициативе русским морякам в Тулоне были преподнесены подарки от "женщин Франции". Лесков не прав, приписывая Стасову инициативу в этом деле, к которому он не имел никакого отношения. ...я "совпал с Толстым". - Слева Меньшикова из его статьи "Художественная проповедь", написанной в связи с выходом 11 тома собраний сочинений Н.С.Лескова ("книжки "Недели", 1894, No 2). ...кроме Вас и Филарета... - Лесков противопоставляет "Катехизис" Толстого "Пространному христианскому катехизису" митрополита Филарета, изданному в 1823 г. по поручению Синода. Прибыл Ругин от Поши... - П.И.Бирюкова. Далее Лесков имеет в виду возникшие среди толстовцев антитолстовские настроения и наметившийся отход некоторых из них от религиозного учения Толстого. ...у апостола Павла есть указание... - см. письме 29. "иметь спор о наследстве" - такое же толкование дано в словаре Даля.

58

...прочитал критическую статью о Мопассане. - Лесков имеет в виду трактат "Христианство и патриотизм", предисловие к роману Мопассана "Монт-Ориоль" в переводе Л.Н.Никифорова и переведенное Толстым "Письмо о бессмертии" Джузеппе

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой leskovnikolai.ru Мадзини (опубл. – "Книжки "Недели", 1894, No 9). ... "это не важно" – перечень "неважных поступков" дан Толстым в главе XVII трактата "Христианство и патриотизм" (Толстой. Т. 39, с. 74–78). "Русская жизнь" сменила людей... – В августе 1894 г. большинство сотрудников газеты "Русская жизнь", в которой публиковался Лесков, покинули ее из-за расхождений с издателем-редактором А.А.Пороховщиком "по литературно-этическим вопросам" (С. Гусев. Мое знакомство с Н.С.Лесковым. "Исторический вестник, 1909, No 9, с. 933–938). "Россия – это непочатый угол..." – Лесков цитирует статью петербургской польской газеты "Край", изложение которой было дано в журнале "Книжки "Недели".

59

...мне стыдно за глупые слова... О Мопассане. – В библиотеке Лескова сохранилось Собрание сочинений Мопассана в 12-ти томах. СПб., 1894, с его пометами, свидетельствующими об изменении отношения к этому писателю ("литературное наследство". Т. 87, с. 148). М.М.Манассеина издала в Париже книгу "L'anarchie passive et le comte Leon Tolstoï" ("Пассивная анархия и граф Толстой"), в которой критиковались его взгляды. Он книги не видал... – Толстой 4 сентября сообщил Стасову: "вчера... пришла целая французская книга "L'anarchie passive..." ...Вероятно, она либералка с оттенком революционерства" (Толстой. Т. 67, с. 216). "мерси" – название статьи Кармазинова в "Бесах"; этим словом Достоевский обозначил вздорность, самолюбование, никому не нужное писание. ...девицам Татьяне Львовне и Марии Львовне. – См. письмо 57 и примеч. к нему. Владимиру Васильевичу хочется, чтобы я написал... – См. письмо 53 и примеч. к нему. Лидия Ивановна... что-то переписывала. – Веселитская в апреле 1894 г. гостила в Ясной Поляне и вместе с М.Л.Толстой переписывала "Катехизис" ("Христианское учение"). Упоминание о разговоре с художником. – Лесков имеет в виду то место в статье, где Толстой передает свой разговор с "знаменитым художником", который показывал ему "свою картину, изображавшую религиозную процессию. Все было превосходно написано, но не было видно никакого отношения художника к своему предмету" (Толстой. Т. 30, с. 15). У Толстого речь шла о Репине и его картине "Крестный ход в дубовом лесу". Д.И.Менделеев в 1894 г. был избран действительным членом Академии художеств. Лесков приложил письмо Гуревич от 19 сентября, в котором она сообщала, что собирается быть у него "с злополучной книжкой Манассеиной".

60

Любовь Яковлевна и Флексер – Гуревич и Волынский. Очевидно, речь идет о каком-то личном разговоре. В печати по этому поводу они не выступали.

61

Не могу ли я прислать то, что пишу... – "Христианское учение" ("Катехизис"). От того, что переписывала Лидия Ивановна... – Веселитская переписывала "Катехизис" в апреле 1894 г. После этого Толстой значительно переработал написанное, изменил форму и весь характер изложения.

62 В.Н.Мак-Гахан, корреспондент американских и русских газет, 2 августа 1894 г. посетила Толстого с поручением от Генри Джорджа передать ему свои сочинения. После ее посещения Толстой писал Татьяне Львовне 2 августа: "Нынче приехала Мак-кахан, мало интересная, быстрая, поспешная, поверхностно интеллигентная дама..." (Толстой. Т. 67, с. 183). О каком письме идет речь, неизвестно. "изучать о. Иоанна" – Иоанна Кронштадтского. Жена П.Н.Ге передала Стасову свой дневник, который она вела в течение нескольких лет. Этот дневник, содержащий много сведений из жизни Н.Н.Ге, был использован Стасовым в его работе (см. письмо 53 и примеч. к нему). С. Розанова.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

Переписка. Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой Leskovnikolai.ru
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!